

ВСЕ НА ВЫБОРЫ!

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 24 (2241)

Основан 1 апреля 1923 года

13 ИЮНЯ 1970

Мы голосуем за счастье, за мир, за коммунизм!

14 июня миллионы советских людей придут на избирательные участки, чтобы отдать свои голоса за кандидатов блока коммунистов и беспартийных.

Молодые избиратели — рабочие главного конвейера Московского автозавода имени Ленинского комсомола.

Фото Л. Шерстенникова.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ЭХО ПОБЕДЫ

Владимир **НИКОЛАЕВ**

Двадцать четвертого июня 1945 года на Красной площади и прилегающих к ней улицах замерли войска перед Парадом Победы. В самом их построении уже было нечто необычное, новое и неповторимое. Войска стояли фронт за фронтом в таком порядке, в каком они были вытянуты вдоль всего гигантского огневого вала Великой Отечественной войны.

Мне, автору этих строк, выпало редкостное счастье участвовать в параде в составе сводного полка Военно-Морского Флота. На всю жизнь врезалось в память дождливое и в то же время невыразимо светлое июньское утро, в которое наша страна ставила точку на истории величайшей битвы.

В десять часов утра из Спасских ворот Кремля выехал на белом коне Маршал Советского Союза, тогда еще трижды Герой Советского Союза Жуков. Навстречу ему двинулся на гарцующем коне командующий парадом, Маршал Советского Союза, дважды герой Советского Союза Рокоссовский. Два прославленных полководца совершили объезд войск, построенных для парада. Над площадью, над страной, над всем миром торжественно прозвучала бессмертная мелодия Глинки «Славься, русский народ». Маршал Жуков произнес речь. Грянул артиллерийский салют. И двинулись по площади войска.

Открыл парад сводный полк Карельского фронта. За ним прошли воины, отстоявшие город Ленина, следом промаршировали полки Прибалтийских, Белорусских, Украинских фронтов... После войск Действующей армии на площадь вступил и наш сводный полк Военно-Морского Флота.

И только мы миновали Мавзолей В. И. Ленина, как смолк оркестр. Но тут же неожиданно наступившую тишину разорвала барабанная дробь. Колонна бойцов вынесла на площадь двести плененных вражеских знамен и бросила их к подножию Мавзолея.

Да, это советский солдат растоптал знамя со свастикой и спас человечество от фашистской чумы. На протяжении трех лет Красная Армия один на один сражалась против вооруженных сил Германии. Советско-германский фронт был решающим фронтом второй мировой войны. Он приковывал к себе от шестидесяти до семидесяти процентов наиболее боеспособных дивизий вермахта, и естественно, что на нашем фронте были уничтожены главные силы гитлеровских полчищ.

Эти прописные истины кое-кому не по душе на Западе. Как бы забыв о поверженных фашистских знаменах на Красной площади, как бы забыв и о других событиях четвертьвековой давности, они сегодня фальсифицируют историю и пытаются принизить великий исторический подвиг советского народа в годы войны.

Как известно, долгожданный второй фронт был открыт тогда, когда Красная Армия уже сломала хребет фашистскому зверю. И после открытия второго фронта наши войска в тяжелых кровопролитных боях пробивались на Запад, освобождая Европу. Шла уже весна Победы, а советский солдат по-прежнему нес на своих плечах всю тяжесть небывалой войны. И в те же дни, 27 марта 1945 года, корреспондент агентства Рейтер при 21-й армейской группе Кэмпбелл так сообщал о наступлении англо-американских войск: «Не встречая на своем пути сопротивления, они устремляются к сердцу Германии». В середине апреля 1945 года американский радиообозреватель Джон Гровер констатировал: «Западный фронт фактически уже не существует»,— а наша армия в том же месяце вела одно из самых гигантских сражений войны — битву за Берлин.

Полистайте свои же старые газеты, господа фальсификаторы истории! Они напомнят вам не только о фактах, приведенных выше. Они напомнят и о другом. Например, 30 марта 1945 года Государственный департамент США сделал следующее заявление представителям печати: «Достоверная информация, собранная правительствами союзных стран, ясно показывает, что нацистский режим разработал детальные послевоенные планы сохранения нацистских доктрин и господства». И в то же время нью-йоркская газета «Дейли ньюс» писала: «Истекающая слюной чернь линчевала Муссолини»... Эта кощунственная сентенция обернулась сегодня откровенной поддержкой западногерманских реваншистов и давно перечеркнула процитированное выше справедливое предупреждение американского Государственного департамента, сделанное на исходе войны.

Четверть века назад прогремел салют Победы, но эхо его до сих пор звучит над Землей. Оно звучит как предостережение всем любителям военных авантюр, мечтающим посягнуть на нашу страну и страны социалистического содружества, рожденного в результате победы. Оно звучит как предостережение американскому империализму, его агрессивным проискам на Ближнем Востоке, во Вьетнаме и Камбодже.

В мае 1945 года английская газета «Дейли телеграф энд морнинг пост» писала: «Россия сейчас более могущественна, чем когда-либо на протяжении своей истории, несмотря на то, что она понесла более значительные жертвы, чем другие Объединенные нации». С тех пор минуло двадцать пять лет. Мы никого не запугиваем, но можем с уверенностью сказать, что эти годы не прошли для нас даром. Мы залечили раны, нанесенные войной, и стали во много раз сильнее. Но мы не бахвалимся, не кричим на весь мир о том, сколько у нас ракет и другого вооружения. Мы стояли, стоим и будем стоять за мир и дружбу между народами. Отмечая 25-летие Победы, мы просто еще и еще раз напоминаем о том, что на любой удар дадим сокрушительный отпор.

ПАРАД ПОБЕДЫ. Москва. 24 июня 1945

а. Командующий парадом Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский и принимающий парад Маршал Советского Союза Г. К. Жуков объезжают войска.

глухую дробь барабанов 200 советских воинов проносят через Красную площадь склоненные вражеские знамена и штандарты, захваченные в боях.

Леонид Ильич Брежнев с ветеранами Восемнадцатой армии.

ВСТРЕЧА ОДНОПОЛЧАН

С. БОРЗЕНКО,
Герой Советского Союза

У ветеранов Великой Отечественной войны есть прекрасный обычай: в День Победы однополчане собираются вместе, пьют доброе вино и предаются незабываемым воспоминаниям. Как сказал великий поэт, бойцы вспоминают минувшие дни и битвы, где вместе рубились они...

12 мая, в день, когда для них закончилась война, в Центральном Доме Советской Армии собрались ветераны 18-й армии. Здесь и командующий армией, с которым она под Златой Прагой завершила войну, генерал-полковник, доктор военных наук, профессор Антон Иосифович Гастилович. Здесь и командующий артиллерией генерал-полковник Георгий Спиридонович Карлофилли, по чьей команде, и не один раз, сотни, тысячи орудий сеяли смерть в стане врагов. А вот и один из начальников штаба армии — генерал-лейтенант Федор Петрович Озеров, которому и теперь, несмотря на преклонный возраст, присуща особая подтянутость, стройность. При нем армия в конце 1943 года вела ожесточенные успешные бои на Киевско-Житомирском направлении, когда враг, взяв вторично Житомир, пытался прорваться к Киеву.

На встрече однополчан были и многие командиры соединений и частей, воевавших в составе армии на различных этапах войны. Вот генерал-лейтенант, Герой Советского Союза Гавриил Тарасович Василенко, бывший командир 6-й гвардейской бригады, внесший и свой ратный труд в боях за Новороссийск. Вот полковник Степан Макарович Черный, бывший командир прославленной гвардейской 2-й воздушно-десантной дивизии, громившей немецко-фашистских захватчиков в Закарпатье, освобожденном 18-й армией, и на землях братской Чехословакии.

Обнимаются, предаются воспоминаниям товарищи Иван Андреевич Дорофеев, Василий Владимирович Кабанов, Александр Абрамович Зарахович, Иван Васильевич Малютенков и Геннадий Михайлович Молчанов. Это начальники политорганов прославленных 255-й, 107-й, 83-й, 8-й, 165-й морских и гвардейских стрелковых бригад, отвоевавших и отстоявших знаменитую Малую землю, ставшую символом мужества и героизма.

Повсюду идет взволнованный и задушевный разговор однополчан. Все в приподнятом состоянии — ведь кое-кто из присутствующих впервые за 25 лет после войны встречается с тем, с кем столько пройдено, с кем не раз пришлось смотреть смерти в лицо. Я вижу, как в объятиях, поцелуях, в слезах радости слились две белые как лунь головы двух замечательных партийных пропагандистов — лекторов политотдела армии Ивана Петровича Щербака и агитатора Григория Федотовича Коломийца. Тогда все мы звали их «кобзарями» — этим прекрасным украинским прозвищем. Они и теперь, будучи кандидатами наук, продолжают обучать и воспитывать студентов.

На встрече были представлены почти все категории военнослужащих армии. Многие приехали из Баку, Тбилиси, Запорожья, Ленинграда, Киева, Харькова и других мест.

Настроение радости и праздничности витало над всеми и каждым из встречавшихся. Но особую теплоту, особую близость принес с собой пришедший на встречу наш дорогой однополчанин, душа армии Леонид Ильич Брежнев, бывший начальник политического отдела 18-й армии.

В семь часов раздались дружные аплодисменты, и в зал вошел хорошо знакомый нам человек, которого мало изменило время, и включился в общий ритм торжества.

Алексей Николаевич Копенкин — участник обороны Москвы, Кавказа и легендарной Малой земли — пригласил Леонида Ильича сфотографироваться на память с боевыми товарищами. Взволнованный фотограф усадил всех, сделав дорогие нам снимки.

Однополчане возвратились в зал и вновь вспоминали минувшие годы войны и схватки боевые. А вспомнить было о чем. 18-я армия с

первого и до последнего дня войны вела непрерывные бои. Она прошла героический путь и вписала немало славных боевых страниц в летопись Великой Отечественной войны советского народа против гитлеровской Германии. Достаточно вспомнить ожесточеннейшие бои лета и осени 1941 года на Украине, в Донбассе. Тяжелые, кровопролитные сражения лета и осени 1942 года под Ростовом, в предгорьях Кавказа, бои под Туапсе, где были отбиты неоднократные попытки врага прорваться в Закавказье, к бакинской нефти. Затем бои под Новороссийском, на Малой земле.

Что же такое Малая земля? Позволю себе привести несколько строк из своего фронтового дневника: «Малая земля стала родиной мужества и отваги. Со всех сторон спешили сюда отчаянные души, горевшие неугасимой местью. Тот, кто попадал на Малую землю, становился героем. Трусы или умирали от разрыва сердца, или сходили с ума, или их расстреливали по приговору трибунала. Здесь не было метра площади, куда бы не свалилась бомба, не упала бы мина или снаряд. Более семи месяцев фашистские самолеты и пушки вдоль и поперек перепахивали клочок земли, на которой не осталось ничего живого — ни зверей, ни птиц, ни деревьев, ни травы. Никого, кроме советских воинов».

Больше половины работников политотдела 18-й армии жили с войсками на этом огненном клочке земли. Начальник политического отдела армии полковник Брежнев не раз в критические минуты тяжелых боев на Малой земле находился в боевых порядках то одного, то другого соединения. Он много раз приходил с кораблями на Малую землю. А морской путь из Геленджика под Новороссийск был нелегким. Он пролегал под постоянным воздействием подводных лодок, авиации и артиллерии противника. Немало судов было потоплено на этом пути.

Брежнева знала вся армия от командующего до солдата, он был их любимцем, знал их настроения и думы, умел зажечь их жаждой подвига. Сколько раз воля этого человека делала невозможное возможным! В самые критические моменты боя он находил зажигательные слова, действующие быстро и сильно. На плацдарме начальник политотдела цементировал нравственную стойкость войск, не раз проявлял личную храбрость и железное хладнокровие. Десантники знали его в лицо, в шуме и грохоте боя умели отличить его уверенный, спокойный голос, ни капли не изменившийся за четверть века, который мы часто слышим теперь, слушая его доклады и выступления.

И когда председательствующий, полковник в отставке С. С. Пахомов, напутственным словом открыл встречу, губы его дрогнули, и он, не стыдясь, смахнул с глаз скупые мужские слезы. Вытер глаза Леонид Ильич, сидевший рядом. Да и каждый из нас подумал в этот миг, что всю войну обстоятельства складывались так, что мы могли и не встретиться в день двадцатипятилетия Победы! Ведь не пришли на встречу наши товарищи, вечным сном спящие в братских могилах в Донбассе, на Кубани, в предгорьях Кавказа, в Новороссийске, Тамани, в Крыму, на Киевщине, в Житомире, в Карпатах, Ужгороде, на землях братских народов Венгрии, Польши, Чехословакии.

Генералы, офицеры, старшины, солдаты и матросы, служившие в 18-й армии, вспоминали боевые эпизоды, поздравляли друг друга с 25-летием Победы, делились сегодняшними радостями, произносили тосты за доблестные Вооруженные Силы, за героический советский народ и могучую любимую Родину, за славную Коммунистическую партию Советского Союза. Они тепло и сердечно поздравляли Леонида Ильича с великим праздником Победы и присвоением ему чехословацким народом высокого звания Героя Чехословацкой Социалистической Республики.

Леонид Ильич поблагодарил товарищей по оружию за теплые поздравления. Он внимательно выслушал выступления генералов Николая Алексеевича Соловейкина, Александра Ивановича Шестакова, Евгения Михайловича Журина, бывших командиров артиллерийских полков Василия Кузьмича Никитина, Николая Кондратьевича Остапенко, начальников политотделов соединений Василия Владимировича Кабанова, Григория Саркисовича Акопяна. Все ораторы говорили о беспредельной любви к Родине, готовности и впредь самоотверженно и вдохновенно трудиться на благо и счастье советского народа, о том, что готовы к защите великих завоеваний Октября.

Поднял бокал и Леонид Хромченко, гвардии старшина 2-й воздушнодесантной дивизии. Поздравляя присутствующих, он вспомнил, как Леонид Ильич не раз приезжал к ним в полк, говорил с солдатами во время боев за Чоп, стоящий на стыке границ трех государств — Венгрии, СССР и Чехословакии. Все послевоенные годы Хромченко работает на строительстве Московского метро, сначала рабочим, теперь инженером. Он подошел к Леониду Ильичу и преподнес ему подарок — миниатюрный отбойный молоток.

Вспоминали войну, почтили минутой молчания боевых товарищей, павших смертью храбрых: командующего армией генерала Андрея Кирилловича Смирнова, командиров и начальников политотделов соединений Петра Ефимовича Кузьмина, Льва Анатольевича Косоногова, Михаила Капитоновича Видова, Авксентия Марковича Тихоступа, Николая Михайловича Сабурова, Ивана Иосифовича Лукина; политотдельцев армии: Цедрика, Коробова, Новикова, Скириченко и других. Вспомнили и командующего армией генерала Константина Николаевича Леселидзе, который не дожил до Дня Победы: преждевременная смерть вырвала его из наших рядов.

Иван Семиохин, Андрей Марфин, Георгий Соколов, Иван Дорофеев говорили о той жизненной школе, которую они прошли в 18-й десантной армии.

Когда мне дали слово, я поднял бокал и предложил тост за армейскую газету «Знамя Родины». Леонид Ильич знал всех корреспондентов этой газеты и любил их. Он говорил тогда нам:

«Пишите как можно проще, и только правду. Упоминайте побольше имен. Ведь у каждого есть мать, жена, дети, им будет приятно прочесть хоть несколько слов про своего солдата».

И теперь, на встрече, он советовал нам писать побольше о людях, прошедших войну, об их мужестве и героизме.

ХОЗЯИН ВОЕННОГО НЕБА

Когда называют имя трижды Героя Советского Союза Ивана Никитича Кожедуба, невольно думаешь о небе...

И в мирные дни, принимая в свои необъятные просторы человека, небо требует от него мужества, отваги, хладнокровия. Без этого нельзя летать.

Но небо войны требует еще большего: и жажды боя и жажды победы... Без этого хоть и можно летать, но не возьмешь верх в воздушном бою, не остановишь врага, не станешь хозяином неба.

Летом 1943 года в раскаленное докрасна, задымленное, исхлестанное трассами снарядов и пуль небо над Курском и Белгородом взмыл летчик-новичок — на фюзеляже его истребителя не было ни единой звездочки. И немецкие асы, с машин которых скалились черепа со скрещенными костями, обрушились на него.

Но новичок оказался стойким — советскую машину мастерски пилотировал летчик, который не ведал страха и жаждал победы. И он победил.

На фюзеляже истребителя Ивана Кожедуба механики нарисовали первую красную звездочку.

Тогда еще никто не знал, что эта звездочка станет родоначальницей целой звездной семьи.

Летом 1944 года командование 2-го Украинского фронта вручило Герою Советского Союза И. Н. Кожедубу новый самолет, «Ла-5».

Этот самолет был куплен пчеловодом колхоза «Большевик», Сталинградской области, Василием Викторовичем Коневым, который попросил вручить его лучшему летчику фронта.

На Втором Украинском лучшим был Иван Кожедуб.

А после того, как над Берлином Иван Кожедуб в своем последнем воздушном бою сбил свой последний за войну самолет врага и на фюзеляже его истребителя заалела шестьдесят вторая звездочка, на груди отважного воина заблестела третья Золотая Звезда Героя.

В то время летчику Кожедубу было двадцать пять. Ныне заместителю командующего ВВС военного округа трижды Герою Советского Союза генерал-полковнику И. Н. Кожедубу исполнилось пятьдесят.

Но по-прежнему шлемофон у него всегда под рукой. И по-прежнему сильные руки уверенно ложатся на штурвал новейшей реактивной боевой машины...

И, поднимая ее в воздух, он по-прежнему чувствует себя хозяином неба.

Полковник Н. ВАУЛИН

«Надо шире и глубже,— говорил он,— раскрывать страницы славной боевой истории великого советского народа».

А я смотрел в зал на своих фронтовых товарищей и думал: вот они, творцы героической истории великого советского народа. Это они, представители нашего поколения, своими руками и умом построили социализм, грудью защитили его от темных сил фашизма, вернулись с победой и вместе со всем народом восстановили города и села, заводы и колхозы, разрушенные войной. А теперь успешно строят коммунистическое общество — светлое здание всего человечества.

Встреча ветеранов армии приближалась к концу, и слово попросил Леонид Ильич Брежнев. Он поблагодарил организаторов и всех однополчан за приглашение на встречу. Поделился воспоминаниями из фронтовой жизни, коротко рассказал о внутренней и внешней политике Советского Союза и тех задачах, которые решают партия и советский народ. В заключение Леонид Ильич пожелал боевым товарищам и их семьям доброго здоровья, большого человеческого счастья и успеха в труде.

Пять часов мы пробыли в привычной армейской среде, среди фронтовых друзей, и по всему было видно, что все хорошо отдохнули и были готовы к новым трудовым и ратным свершениям во имя могущества и процветания нашей любимой Родины. Незабываемый вечер братской дружбы окончился.

Космос — окно в мир человека

Медико-биологические исследования — один из важнейших экспериментов, проводимых в полете космического корабля «Союз-9». Космос сегодня по праву можно назвать окном в мир человека. Он помогает человеку познавать свой собственный организм, вскрывать резервы человеческой психики и физиологии.

Какие исследования проводят ученые в этой области?

Наш корреспондент Виктор Поповкин попросил рассказать об этом известного специалиста по космической медицине академика В. В. ПАРИНА.

— Одной из первых проблем космической медицины было влияние на человеческий организм ускорений и невесомости. Какими знаниями обогатили они нашу обыденную жизнь и клиническую практику врачей?

— Представьте себе человека, ведущего малоподвижный образ жизни, а еще показательней — больного, который был вынужден соблюдать длительное время постельный режим. Казалось бы, что общего между ним и космонавтом, подвергнутым ракетным перегрузкам или испытывающим состояние невесомости? А общее или, если быть точнее, нечто сходное у них — в нагрузке на аппарат кровообращения, в нагрузке на сердце.

Даже у совершенно здорового человека, оказывается, резкое снижение мышечной активности (медики называют это состояние гипокинезией) влечет за собой глубокие сдвиги в деятельности многих систем организма: под его влиянием начинается не только усиленный распад белков и развивается атрофия мышц, увеличивается количество жировой ткани, но изменяется структура костей, их минеральный состав. Возникают глубокие изменения в состоянии нервной системы. И ясно, почему исследования в этой области приносят принципиальную пользу не только космонавту, но и человеку, остающемуся на Земле.

Космонавты, которым приходится в полетах поочередно испытывать на себе воздействие и ускорений и невесомости, являются физически всесторонне развитыми людьми. Эта общая подготовка позволяет им успешно переносить условия полета. Мы можем сказать, что каждый человек имеет собственный противоперегрузочный костюм, помогающий ему в борьбе и с невесомостью, и с ускорением, и в более общем случае — в условиях длительной гипокинезии. Этот костюм, скрывающийся в его организме, он всегда носит с собой! Это его мышечная система. Надо только заставить ее правильно работать.

Недавно советскими учеными была установлена очень интересная вещь: не только многократные тренировки на центрифуге способствуют повышению противодействия организма к большим ускорениям. Оказывается, благотворно действует в этом отношении и пребывание человека в высокогорном районе. Центрифуга и высокогорье — что здесь общего?

Когда мы говорим о высокогорных условиях, прежде всего вспоминаем о низком атмосферном давлении, дефиците кислорода. Но это вызывает защитные реакции у организма, в результате которых увеличивается объем циркулирующей крови, повышается содержание в ней эритроцитов и гемоглобина, легче удерживаются организмом соли кальция.

Так космос заставил человека более внимательно изучать самого себя.

— Не означает ли это, что, подбирая состав атмосферы, человек сможет избирательно воздействовать на свой организм? Или это лишь частный случай?

— Нет, не частный. Немало ученых сходятся сегодня на той мысли, что искусственным подбором атмосферы можно направленно влиять на самые интимные физиологические и биологические процессы в организме человека.

Естественно, что космические исследования направлены на поиск оптимальной искусственной атмосферы, состав которой, скажем, можно было бы менять при необходимости. Это тоже имеет значение не только для космонавтики. Например, искусственная газовая среда, в которой азот в значительной степени заменен гелием, легче проникает в суженные дыхательные пути больного и потому с успехом используется уже сегодня при бронхиальной астме (во время обострений болезни)

ВЫСОКИЙ ПОЛЕТ

Те двое в космосе, наверное, не считают себя героями. Это их рабочий полет. Однако все знают: каждая новая работа в космосе — бросок в неизвестность. У каждого такого полета свои задачи.

Может возникнуть вопрос: почему сейчас в космосе находится только один корабль «Союз»? Ведь, например, в прошлом году запускали два советских корабля, которые образовали первую экспериментальную орбитальную станцию. Несколькими месяцами позже на орбите был уже целый «караван» из трех кораблей. Так что же сегодняшний полет даст нового науке?

...Четырнадцатый виток, сеанс радиосвязи с кораблем.

— «Заря» (позывной Земли): «Спортом занимаетесь?»

— «Сокол» (позывной корабля «Союз-9»): «Времени не хватает, чтобы за тридцать минут уложиться и выполнить весь комплекс физических упражнений».

— «Заря»: «Можно добавить за счет резерва».

— «Сокол»: «У нас нет резерва. У нас все время запланировано поминутно».

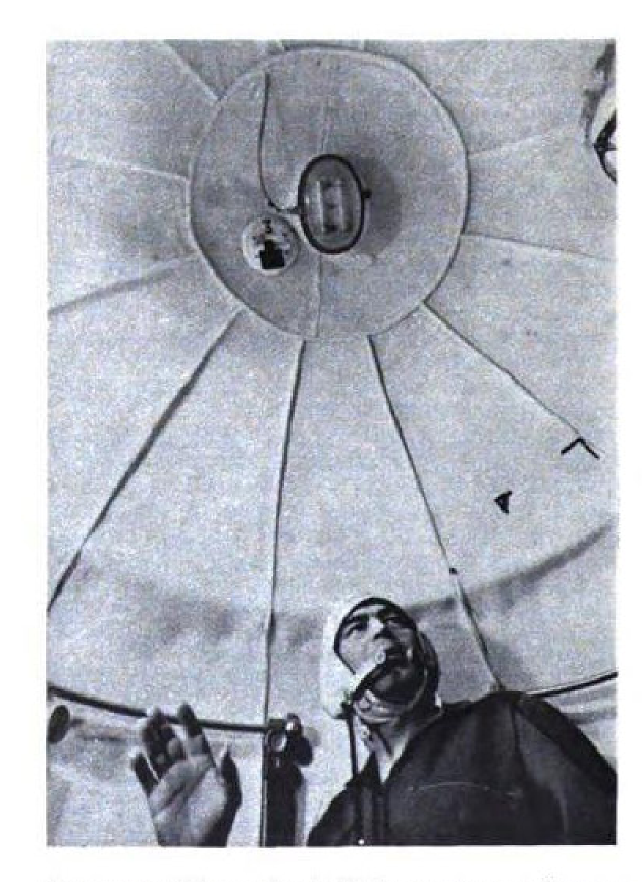
Да, рабочий день космонавтов очень уплотнен. Только за пятнадцать часов второго дня полета А. Г. Николаев и В. И. Севастьянов выполнили более десятка экспериментов. При этом командир корабля неоднократно проводил ориентацию, включал корректирующий двигатель, производил закрутку. Бортинженер В. И. Севастьянов контролировал работу систем и агрегатов, проверял научную аппаратуру.

Космонавты выступали в роли космических «геологов» — фотографировали наиболее интересные характерные районы земной поверхности. В течение дня они несколько раз ставили медико-биологические опыты, брали физиологические пробы, самостоятельно проводили медицинский контроль состояния здоровья.

Еще много проблем стоит на пути создания обитаемых космических систем. Это и технические вопросы сборки и транспортных операций, это и новые научные методы исследований, это и изучение жизни и работы людей в космосе. Многие практические вопросы, связанные с решением всех этих проблем, получат, несомненно, ответ в полете корабля «Союз-9».

В наше время уже наступил этап, когда совершенная пилотируемая космическая техника открыла большие возможности для получения практических результатов. Космическая связь, космическая метеорология, геология, технологические процессы в космосе — это уже сегодняшний день космонавтики.

В. ЛЕВСКИЙ, В. НАГОРСКИЙ, инженеры

Командир «Союза-9» А. Г. Николаев в орбитальном отсеке космического корабля.

и некоторых заболеваниях легких, облегчая больному сам процесс дыхания.

Интересными можно считать предложения по созданию сменной атмосферы для дальних космических путешествий: днем — подавать в кабину корабля стимулирующую, активную газовую среду, а на период сна — тормозящий состав искусственной атмосферы. Понятно, здесь идет речь об искусственно созданных дне и ночи.

Результаты этих исследований не меньше пригодятся и на Земле: например, для людей тех профессий, которые вынуждают работать круглосуточно, в различные смены.

— Владимир Шаталов рассказывал: «У меня впечатление, что в космосе для восстановления сил можно спать меньше, чем на Земле: помогает невесомость. Крови легко циркулировать, с боку на бок не надо ворочаться...» Чем это можно объяснить! И, кстати, как работают «биологические часы» человека в непривычных условиях!

— Владимир Шаталов и другие космонавты совершенно точно отмечают: спать для восстановления сил в космосе можно было бы меньше, и причина этого — в невесомости. И все-таки не надо торопиться с выводами.

В невесомости космонавту не требуется мягкой постели (каждая частица его тела, любая клеточка ровно ничего не весит), организм с большей легкостью осуществляет циркуляцию крови и обмен веществ, восстановительный период как бы укорачивается. Однако много сил и энергии забирает психофизиологическая нагрузка. Полеты и эксперименты в космосе слишком далеки от праздной прогулки: это тяжелый и очень напряженный труд. И потому мы не можем, в частности, согласиться с утверждениями некоторых американских ученых, заявляющих, что для космонавта вполне достаточен пятичасовой сон с периодической дремотой в течение суток. Очевидная все же норма для продолжительных полетов — земная, восемь часов. Есть добрая поговорка: учиться жить у сердца! Сердце в норме в среднем сокращается 70 раз в минуту, но на каждое сокращение его желудочки затрачивают 0,3 секунды, а на расслабление сердечной мышцы — почти в два раза больше. В итоге ритм работы желудочков сердца: 8 часов работы и 16 отдыха. Резонно компенсировать эти восемь часов работы сердца эквивалентным отдыхом организма.

В условиях отсутствия земного тяготения, как показали наблюдения во время орбитальных полетов, работа сердца существенно облегчается: снижается кровяное давление, реже становится частота сердцебиения. Эта разгрузка в работе сердца, когда ему не нужно преодолевать веса крови, позволила ученым задуматься: а нельзя ли воспользоваться невесомостью в лечебных целях? Скажем, чтобы человек мог безболезненно переждать какой-то период в работе сердца, помочь ему справиться со своим недугом в облегченных условиях? Естественно, что для реализации этого необходимо снижение и стартовых перегрузок до минимума. Как показывает опыт последовательного создания кораблей «Восток», «Восход» и, наконец, «Союз», создатели ракет неуклонно снижают перегрузки во время вывода корабля на орбиту...

Космонавтика вызвала к жизни множество разнообразнейших исследований и экспериментов. И в том числе с продолжительностью сна и отдыха. Пытались сделать огромные сутки из сорока восьми часов и, наоборот, дробные сутки и так далее. Естественно, все эти исследования имеют немалое значение для обеспечения наивысшей работоспособности людей в обычных земных условиях — в зависимости от их специальности и специфики их работы.

Биологические часы управляют самыми тонкими и интимными процессами в нашем организме, и понятно, что обращаться с этим точным и хрупким механизмом нужно с достаточной бережностью.

— Изоляция космонавтов, изменение мира их привычных чувств и ощущений, ограниченность рабочего и жилого пространства в самом корабле и в то же время ощущение безграничности всего космического пространства — все это слишком далеко от нашей земной жизни. Или можно найти и здесь много полезного для познания человеком самого себя!

— Вы затронули очень сложный, интересный вопрос. У него много аспектов. Например, одиночество, продолжительно испытываемое человеком, лишает его чувства времени. Человек, лишенный чувства времени, теряет инициативу, а нередко и саму цель жизни. Эта проблема тщательно изучается космической психофизиологией.

Или другая, не менее сложная проблема — восприятие пространства. Став задачей конкретных исследований специалистов по инженерной психологии в связи с выходом человека в космос, она сейчас одна из главных, пожалуй, проблем в психологии, в физиологии и даже в философии. Космос становится сегодня действенным инструментом в решении общей проблемы — восприятия человеком и человечеством окружающего его пространства вообще.

Нужно сказать, что в условиях невесомости и одновременно в условиях изоляции сигналы от различных органов чувств могут складываться вдруг в сознании человека самым причудливым образом. Так, у некоторых космонавтов может возникнуть ложное представление о том, в каком положении находится его собственное тело, как летит в пространстве корабль. Это представление можно сравнить с так называемыми фантомными ощущениями у больных, перенесших ампутацию: когда чувственное восприятие распространяется на уже не существующие области.

Еще пример. В условиях особо трудно переносимой изоляции, как показали испытания в сурдокамере, нередко наблюдается своеобразное раздвоение личности (на период эксперимента). Оно создается психикой человека как бы в порядке самозащиты. Но разве этот результат эксперимента не сходен с аналогичной жизненной ситуацией, когда человек невольно создает себе мысленно второго собеседника, разговаривая с самим собой?

Богатый материал в познании психики человека дают и наблюдения в условиях так называемого публичного одиночества, когда человек изолирован и вроде бы полностью волен в своих действиях, но ему известно, что за ним наблюдают.

Все эти многочисленные исследования в области медицины, физиологии, психологии и психофизиологии, вызванные к жизни требованиями космоса, пока лишь только приоткрыли завесу над великой тайной, имя которой — человек.

Бортинженер космического корабля «Союз-9» В. И. Севастьянов во время тренировки.

Фото В. Мусаэляна (Фотохроника ТАСС).

НАШ, ИЗ МАИ!

О НОВОМ КОСМОНАВТЕ РАССКАЗЫВАЮТ ЕГО ТОВАРИЩИ

Экзаменационная сессия пришла в Московский авиационный институт вместе с началом лета. В уютном скверике в центре института мы встретили группу студентов кафедры летательных аппаратов. Вместе с заместителем декана факультета доцентом Олегом Борисовичем Андрейчуком будущие инженеры обсуждали некоторые разделы лекций. Поскольку речь шла о предстоящем зачете, нам пришлось немного подождать и начать разговор после того, как были выяснены все тонкости теории полета.

— В МАИ Виталия Севастьянова знают очень многие,— рассказывает О. Б. Андрейчук.— Два года подряд его избирали членом институтского комитета комсомола. Я хорошо знаю его и по учебе и по комсомольской работе: как раз в то время — в 1957 году — я был секретарем комитета комсомола

МАИ. Впоследствии нам с Севастьяновым приходилось вместе работать на кафедре, где он был аспирантом. О Виталии Севастьянове можно сказать кратко: это волевой, трудолюбивый и целеустремленный человек. Учился он отлично.

По пути в партком МАИ мы заочно знакомимся с его секретарем. Это всеми уважаемый в институте человек, пользующийся большим и заслуженным авторитетом. После окончания института работал в промышленности: мастером, начальником участка, начальником отделения. Затем аспирантура МАИ, после окончания которой он работал преподавателем, а впоследствии доцентом. В 1969 году коммунисты института избрали его своим секретарем.

П. П. Афанасьев, секретарь парткома МАИ:

— Мне повезло с товарищами по институту. С космонавтом Валерием Кубасовым я учился в одной группе. С Виталием Севастьяновым меня связывает многолетняя дружба и совместная работа.

Наши связи не оборвались и после окончания МАИ. Во время работы в конструкторском бюро, да и позже, после окончания аспирантуры и зачисления в отряд космонавтов, Виталий Севастьянов часто приезжал в институт. Незадолго до отъезда на космодром он зашел на родную кафедру, заглянул к нам в партком. Поговорили по душам. Поделился он со мной своей сокровенной мечтой — летать, работать в космосе. О своей подготовке он рассказывал мало и сдержанно, но весь комплекс испытаний и тренировок на тренажерах, который он прошел, меня просто поразил. Я уверен, что все исследования, которые предстоит провести, Виталий выполнит. Естественно, я испытываю гордость за своего товарища. И вот сейчас, когда «Сокол-2» работает в своей лаборатории на орбите, хочется пожелать ему успеха.

Поблагодарив П. П. Афанасьева, мы направились на кафедру летательных аппаратов, где нас уже ожидал заместитель заведующего кафедрой доцент Б. М. Панкратов. Борис Михайлович окончил МАИ на три года раньше Севастьянова. Являясь секретарем ученого совета факультета, Панкратов принимал непосредственное участие в научном становлении Виталия Севастьянова.

— Виталий Иванович Севастьянов поступил к нам в аспирантуру в 1962 году. Диссертация была выполнена на высоком научном уровне, и он ее успешно защитил 21 апреля 1965 года.

Борис Михайлович открыл стол и, перебрав бумаги, достал фотографию.

— Есть у меня одна историческая фотография. Я хорошо помню день 25 апреля 1962 года. По счастливой случайности это мой день рождения. В институт на встречу с преподавателями факультета приехал Юрий Алексеевич Гагарин. Мы собрались в кабинете ректора профессора Ивана Филипповича Образцова и решили сфотографироваться. На фотографии вместе с нами — молодой аспирант кафедры Виталий Иванович Севастьянов. С Ю. А. Гагариным он был уже знаком, так как с 1960 года преподавал в отряде космонавтов.

Кафедра летательных аппаратов принимала большое участие в судьбе будущего космонавта — и в период учебы в аспирантуре и впоследствии, в выборе профессии, когда он по ходатайству кафедры был принят в отряд космонавтов.

Жизненный путь Виталия Севастьянова типичен для ученого: институт, работа в промышленности, аспирантура и работа над космической техникой. И сейчас наш бывший аспирант работает на переднем крае науки — на завершающем этапе реализации космических программ. Все мы желаем ему успехов в работе.

Мы попрощались с МАИ, с его шумными аудиториями, тихими кафедрами и вышли на улицы Москвы. И мне подумалось: где-то в высоком весеннем небе вместе со своим космическим товарищем Андрияном Николаевым летает над Землей воспитанник МАИ — этого славного старейшего института, давшего нашей стране так много талантливых ученых и инженеров.

Андрей ЕРМОЛИН,
инженер

Багряные зори Руси

Василий ЗАХАРЧЕНКО

За крепостными стенами, за широкой рекою, за лугами бушует пламя. Алые, словно пролившаяся кровь, языки лижут тревожное, прильнувшее к земле небо, лиловый отблеск пожарища над горизонтом. Снова на русскую землю пришел враг. Снова горят мирные селища, снова топчет землю чужой сапог, чужой конь.

А на высоком холме, убранном тихими, мирными цветами, на холме, вознесшемся и над крепостными стенами, и над рекою, и над лугами,— два всадника.

Туда, к пожарищу, устремлена рука отца-воина, туда смотрит еще некрепко сидящий в седле отрок. Там враг, но там тоже родная земля, и защитить ее можно только мечом. Об этом твердо знает испытанный воин. Это чувствует его черный конь, словно бы напрягшийся для лихого богатырского прыжка.

«Два князя». Эта картина Ильи Глазунова — страница нашей истории, какой-то ее короткий миг, но миг, наполненный глубоким содержанием, глубокой праведной верой: «Кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет».

Предельно просто, лаконично, но в то же время глубоко и убежденно решена здесь художником эта вечная и святая для каждого гражданина тема защиты Отечества.

Вот они, наши славные предки — Дмитрий Донской, Александр Невский, чьи имена вдохновляли защитников Родины в тяжелые ратные дни испытаний: от битв на Куликовом поле и Чудском озере до сражений под Москвой и Курском, под Сталинградом и на Днепре... Их имена на орденах Великой Отечественной!

Глубокая неразрывная связь славного прошлого с героическим настоящим — суть этого живописного полотна.

И снова встречаемся мы со славным прошлым. Художник приводит теперь зрителя к Белозерью. К зеленым, поросшим быль-травою холмам. Холмам, вознесенным над Белым озером руками предков. Это свидетели ратного дива — бывшие валы крепостных стен. И в этом полотне все та же извечная мысль о славе и защите Отечества, о силе духа тех, кто с мечом в руках отстаивал свободу и независимость родной земли. Разве эта тема не тронет каждого, кому дорога и свята память о былом!

И снова утверждающий, торжественный мотив звучит в палитре красок, выбранных художником для воплощения и этой страницы истории.

«Новгород»... Лицо глубоко задумавшейся русской женщины. Белокаменная твердыня сторожевого собора. Я не оговорился, назвав собор сторожевым. Ибо предки наши, возводя монастыри и соборы, в первую очередь возводили их как крепости, как сторожевые заставы на границах и дорогах. Приходила беда, и эти на века сложенные белокаменные здания становились неприступными крепостями.

Такова наша история. Как говорится, слова из песни не выкинешь. И, сохраняя ныне памятники древней культуры, восторгаясь их неповторимой красотой, мы отдаем дань седым камням в ожогах и ранах, дань ратным крепостям прошлого.

Удивительно тонкие по колориту и полные современного звучания картины Глазунова, изучившего красочную палитру древних иконописцев, воспринимаются как своеобразный вклад в наше искусство.

Мне кажется, наиболее ярко передается пристрастие Глазунова к исторической тематике, к героизму русского народа в таких полотнах, как «Два князя», «Новгород», «Первый снег». Дело не в том, что художник обратился к древнерусской тематике, старинной архитектуре. Дело в том, что он заставил нас восхищаться силой духа русских людей, отстаивавших свободу и независимость нашей Родины.

Древняя архитектура городов и монастырей — подлинное творчество зачастую безвестных мастеров из народа, сумевших талантом своим и размахом повлиять на мировую архитектуру.

Илья Глазунов сумел понять, прочувствовать и передать это внутреннее, почти взрывное ощущение силы прошлого.

И когда мы смотрим на его ярко-оранжевое, разлившееся по всему полотну торжество русской осени с зеркальными осколками озер, с голубым, чуть блекловатым небом, с багряными лесами и золотыми лугами, мы начинаем ощущать красоту русского пейзажа.

Несколько слов о портрете.

Портрет — сильная сторона живописца.

Мне кажется, главная сила художника не в похожести портрета, а в умении раскрыть ту внутреннюю, затаенную сторону человеческого характера, которая редко передается ныне. Обнажить человеческую душу, раскрыть ее силу и слабости, ее боль, страдание, счастье и радость — вот задача, стоящая перед подлинным художником.

Глазунов мастерски справляется с этой задачей. Достаточно взглянуть на «Женский портрет». Перед нами человек с настороженной, как птица, душой. Душой, вероятно, ранимой и трепетной, но одновременно доброй и прекрасной.

Илья Глазунов—иллюстратор Достоевского—представляется мне подлинно созвучным сложному, противоречивому духовному миру великого русского писателя. Мы ищем в Достоевском критического раскрытия русского характера в его слабостях и силе. Причем я убежден: сила превалирует.

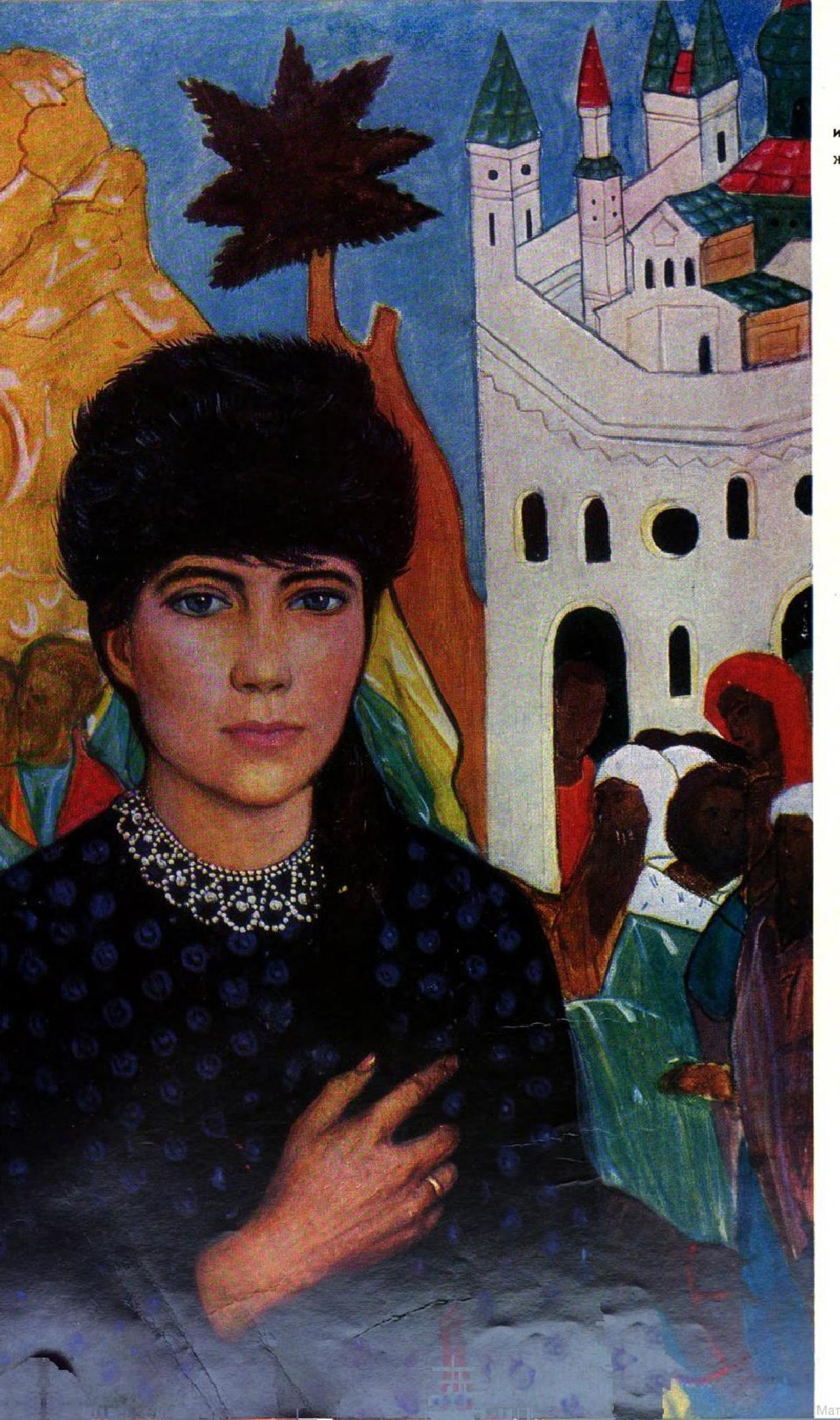
Мне кажется, именно эту сторону характера героев Достоевского исключительно верно передает художник. Неточка Незванова, овеянная петербургскими туманами, Раскольников — трагическое порождение прошлого. Волнующие иллюстрации к «Белым ночам».

Это подтверждается и тем, что художник раскрывает те же черты внутренней, вырывающейся наружу силы в портретах, казалось бы, совсем другого характера. Я говорю о глазуновском цикле работ, сделанных в борющемся Вьетнаме, о портретах строителей Нурекской ГЭС и тружеников таджикского колхоза имени А. М. Горького.

Все эти мысли невольно рождаются, когда мы знакомимся с творчеством Ильи Глазунова последних лет.

Илья Глазунов. МЕЧТАТЕЛЬ. Ф. ДОСТОЕВСКИЙ «БЕЛЫЕ НОЧИ».

ФЕРАПОНТОВО. ПЕРВЫЙ СНЕГ.

Илья Глазунов.

ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ.

ОТКРЫТИЯ ЗАКРЫТЫХ ОСТРОВОВ

Иван РЯДЧЕНКО

Из писательского блокнота

ПО СЛЕДАМ КАПИТАНА КУКА

Думаю, каждому приятно на вопрос знакомого, увидевшего тебя с чемоданом в руке, «Куда собрался?» небрежно бросить: «Да вот, в Австралию, старина...»

Мне повезло: пароходство, зная мою страсть к морским путешествиям и некоторый опыт работы на судах, предложило отправиться редактором многотиражки «Компас» на черноморском пассажирском лайнере «Шота Руставели». Рейс с советскими туристами вокруг Европы, затем плавание Англия — Австралия и обратно, да еще на новом пассажирском судне,— стоит ли упоминать, что меня «уговорили»?

Я понимал, что время открывать неведомые острова — дело нерентабельное, но пройтись по следам капитана Кука — занятие, скажу вам, заманчивое. И, как ни странно, мне все же предстояло открывать острова.

Я решил, что если о чем и стоит писать, то именно об этих открытиях.

Несколько слов о наших плаваниях. Стыдно признаваться, но я не испытывал туристического трепета перед диковинками Стамбула и каменной симфонией Рима. Об Италии у меня сложилось мнение, что рабовладельческий строй там еще существует. Например, неаполитанцы — рабы своих машин. Несметные полчища лимузинов и лимузинчиков заполонили все улицы. Из центра Неаполя до пассажирского морского вокзала нормальным шагом можно дойти минут за пятнадцать. А мы с первым помощником капитана И. А. Сидоровым сели в авто. Так вот, это самое расстояние мы преодолели за час с гаком! Нас стискивали слева и справа железные жуки технического прогресса. Сзади угрожающе напирала гора автобуса; впереди дергался и замирал самосвал. Каждые десять — пятнадцать метров — пробка. И тогда все это сверкающее, накаленное беспощадным солнцем металлическое стадо начинает реветь разноголосыми клаксонами. Нет, нет, что ни говорите, кое-какие поправки в учебник истории насчет рабовладения я бы внес.

А теперь несколько строк о нашем пути. Об этом лучше всего рассказывает отчет о работе пассажирской службы:

«Т/х «Шота Руставели» снялся из порта Саутгемптон на Сидней по расписанию 22.11. 69 г., имея на борту 635 пассажиров (542 взрослых и 93 детей). В порты захода (Бальбоа, Папеэте, Окленд, Сидней) судно прибывало по расписанию, без опозданий.

Пройден путь в 12 732 мили».

Всего же за время двух рейсов судно оставило за кормой путь, равный примерно двум земным экваторам.

«ПЬЕНДО» И ДРУГИЕ

Компании «Пьендо» не существует. Есть смешанная англо-австралийская компания «Пасифик энд Оушн», которая вот уже больше века безраздельно держит основные морские линии между Европой и Океанией. Она располагает опытом, первоклассными лайнерами, подготовленными кадрами и умением бороться с конкурентами.

На ежедневных утренних «летучках», которые тайно именовались экипажем КВНами, что означало на жаргоне моряков «Кого высечь надо», капитан называл компанию сокращенно, и получалось «Пьендо».

А необходимость упоминать эту компанию появлялась постоянно. «Шота Руставели» совершал не совсем обычный рейс. За все века существования России ни одно русское пассажирское судно не посещало Австралии, не возило туда иностранных пассажиров по фрахту. И вот лайнер под красным флагом с серпом и молотом не только вторично направлялся в Новую Зеландию и Австралию, но и собирался выполнить еще одну дерзкую миссию: выйти на туристическое обслуживание внутренних линий в Океании с заходом на острова Фиджи и Новая Каледония.

Английская фирма «Чартер трэвэл клаб» во главе с предпринимателем мистером Эдди Байзертом вновь зафрахтовала «Шота Руставели». Конкурентам это очень не понравилось, потому что билеты на советском судне стоили процентов на тридцать дешевле. А главным конкурентом и была «Пьендо», которая по законам капитализма должна была показать нам свои коготки.

«Пьендо» не заставила себя ждать. Конечно, никто не подкладывал мину под советское судно, не пытался посадить его на мель. Применялась тактика мелких укусов.

Например, на судно поднимается важный местный таможенник. Досмотр заканчивается, важный чиновник по традиции выпивает рюмку русской водки, закусывает русской икрой и спускается по трапу к ожидающей его автомашине — и вдруг заявляет, что у него пропал портфель. Он кричит, нервничает, обвиняет; высадка пассажиров задерживается, идут поиски портфеля.

Быстро появляются представители полиции и прессы; такое впечатление, будто они ожидали за углом.

Через час примерно важный чиновник неожиданно обнаруживает свой портфель на сиденье машины, он приносит извинения за беспокойство, но дело сделано. В вечерних выпусках газет сенсация: на советском судне обворовывают таможенников. Правда, на следующий день отдельные газеты публикуют извинения, но сенсация — на первых полосах, а извинение где-нибудь на шестнадцатой, двадцатой, среди реклам. Результат: кое-кто из австралийцев сдал приобретенные билеты в кассу.

СТРАШНЫЙ ЗВЕРЬ — ПАССАЖИР

Пока мы плавали с советскими туристами, мне и в голову не приходило думать о пассажире как о представителе отряда хищных. Люди как люди, с бесконечным разнообразием характеров, с маленькими человеческими слабостями и большим человеческим достоинством. Они веселились, радовались отдыху; знакомству с незнакомыми странами и народами. Они вовсе не были ангелами с крылышками, но не ломали унитазов, не срывали дверные ручки, не вывинчивали пепельницы в лифтах как сувениры.

Но вот на борт вступил пассажир иностранный. Внешне вполне благопристойный, с традиционными английскими рундуками.

Разная публика. Одни отправлялись в Австралию и Новую Зеландию на заработки, другие навсегда покидали туманный Альбион в надежде хоть под старость обрести покой и счастье. Праздная молодежь с денежными чеками, из числа верхней части западного общества, села на «Шота Руставели» проветриться от безделья.

Мистер Байзерт откупил у судна самый большой и лучший бар «Иберия» в свое распоряжение. Там установили столы для игры в рулетку с восемью или девятью «джек-боксами». А потом распахнули двери и другие бары.

И тут началось!

Иностранный пассажир главным образом вел ночной образ жизни. В большинстве своем он все свободное время пил. Понемногу или помногу, но регулярно и часто. К ночи он созревал. Тогда ломал кресла и бросал их в бассейн для купания, выдавливал стекла в промтоварном киоске и воровал оттуда фотокамеры, выворачивал дверные ручки и приставал к молоденьким номерным. Так изо дня в день, из ночи в ночь.

Когда судно перешло под эгиду новозеландской фирмы «Транстур», ее руководители повели работу со знанием и размахом. В частности, они сразу разместили на борту судна еще десятка два игральных «джек-боксов». Один из автоматов был даже установлен в помещении бассейна.

Как-то поздно вечером подвыпивший пассажир в сопровождении не менее подвыпившей супруги решил испытать фортуну: бросил в автомат монету и дернул рычаг. Автомат зазвенел, завращались бесчисленные колесики, и вдруг на табло выскочила цифра, обозначавшая энную сумму. Пассажир завопил от радости! Однако положительные эмоции оказались преждевременными: автомат сумму показал, а деньги отдавать не торопился. Тогда пассажир стукнул его кулаком, затем несколько пощечин автомату влепила жена. Но техника осталась непреклонной.

Пассажир кинулся к мистеру Брюсу — совладельцу фирмы «Чартер трэвэл клаб» и заместителю мистера Байзерта по круизу. Мистер Брюс, весьма положительно относившийся к серьезным напиткам, к этому времени находился в воинственном расположении духа. В ответ на жалобу, что автомат ведет себя как настоящий бандит, и требование пассажира выдать ему выигранную сумму мистер Брюс громогласно послал его к дьяволу и принял боксерскую стойку.

Разгневанный пассажир нашел приятеля, они раздобыли молоток, нож и принялись при моральной поддержке жены потерпевшего долбить обидчика. «Джек-бокс» скрипел, стонал, но денег не отдавал. Тогда все трое сорвали его с креплений, вытащили на палубу и сбросили за борт.

Если касаться интеллектуальных горизонтов Пассажира, то проследить волнистую воображаемую линию можно на примере библиотеки и судовых баров. Последние победили библиотеку. Правда, человек пять-шесть в библиотеке побывали, но с бокалом пива. Они садились за столик и писали письма родным и знакомым. И все же нельзя сказать, чтобы пассажиры не любили читать. Наоборот, при любой погоде лица сидящих в шезлонгах закрывали красочные обложки. Однажды я насчитал до шестидесяти различных книг, и с их обложек смотрели вороненые дула пистолетов, густо капала яркая кровь и виднелись зловещие тени... А чего стоили названия: «Никогда не умирай в Гонолулу», «Вуали страха», «Ворон — кровавая красная птица», «Седьмая девственница» и т. д. и т. п. Какова книга, таково и отношение к ней. Пассажиры бросали эту литературу где попало. Когда же они покидали судно, на палубах, в

барах, в каютах собирались горы книг с устрашающими обложками.

Позже я понял, что иностранец принимает подобное чтиво как наркотик, как средство, помогающее ему уйти от реальных проблем действительности.

Впрочем, о наркотиках можно говорить и в прямом смысле. Сколько на борту было таких, которые прибегали к героину и марихуане! Мне запомнилась молодая австралийка Джида: ее довольно симпатичное лицо по вечерам превращалось в подвижную маску, глаза с расширенными зрачками смотрели сквозь людей пусто и бессмысленно...

Встречались мне на судне и наши враги. У одного западного немца в каюте на видном месте висел эсэсовский мундир с гитлеровскими орденами. А был и такой эксцесс. Пассажир из ФРГ набросил стюардессе на шею галстук и пытался ее задушить, приговаривая: «Руссише швайн».

Среди пассажирских развлечений главное место занимали карнавалы. На них иностранцы тратили немало сил, времени и изобретательности. Так, среди прочих проводились парады мужского исподнего, женских ночных рубашек, пеньюаров и тому подобное. Не могу сказать, что шествие костлявых старух в прозрачных и коротких нейлонах доставляло большое наслаждение. Что касается всяких костюмированных конкурсов, то иностранные мужчины почему-то больше всего любили изображать русских официанток. Один из них соорудил себе женский бюст и при помощи батарейки и лампочек заставил его светиться, за что получил первую премию.

Справедливость требует отметить, что многие иностранные пассажиры относились к морякам дружелюбно и с интересом. Особой популярностью пользовались концерты художественной самодеятельности экипажа. С большим успехом прошел День Грузии, во время которого демонстрировались грузинские фильмы: «Эпоха Шота Руставели», «Тбилиси», «Мелодии Грузии», «Отголосок». Пассажирам предлагались грузинские блюда и вина.

Ежедневно в музыкальном салоне пассажиров ждал русский чай. Судовой оркестр исполнял русские народные песни, мелодии. И, конечно же, все пассажиры стремились не пропустить традиционные праздники Нептуна.

За осторожным и вежливым любопытством этих людей к нам, советским, порой скрывались зависть и чувства собственной неустойчивости и, пожалуй, страха перед будущим.

СЛАДКАЯ СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

О собачьей угрозе я слышал еще во время круиза с советскими туристами вокруг Европы. Участники прошлогоднего кругосветного рейса, бывалые судовые аборигены, не раз предупреждали:

— Пассажир — это что... Его еще можно пережить... Но вот собаки...

Каждый наслышан о приверженности англичан к животным вообще и к собакам в частности. Из рассказов моряков явствовало, что собак в прошлом плавании было множество и обитали они главным образом на кормовой швартовой палубе, где корабельные умельцы воздвигали собачьи двухэтажные клетки, устланные чуть ли не персидскими коврами.

Отсюда каждую ночь, на всем пути от Саутгемптона до Сиднея, разносился по палубам и океанам заунывный вой, отравляя жизнь экипажу. Однажды одна из представительниц четвероногого племени не выдержала морского путешествия и в одну прекрасную ночь околела.

Хоронили ее по морскому обычаю, с исполнением всех ритуалов, положенных в подобном случае людям, тело завернули в просмоленную парусину, положили на доску и под рыдания хозяев столкнули в океан.

Трагическое событие имело не менее трагические последствия. Владельцы собак разобрали питомцев по каютам. Теперь хозяева спали вдвоем на одной койке, а пудели, спаниели, сеттеры, доберман-пинчеры, бульдоги, боксеры, фокстерьеры нежились на отдельных койках.

В общем, угроза нового собачьего нашествия приводила в трепет многих. Однако в Саутгемптоне село шестьсот тридцать пять пассажиров и, к великой радости экипажа, ни одной собаки! Только в Сиднее на борт судна вступили спаниель, овчарка и маленькое черное существо, что-то вроде мини-собачки.

И все же появление на судовом горизонте пассажира Арчибальда Лурье, именующего себя Профессором, возвело «собачью» проблему в ранг проблем мировой важности.

Во время очередного КВНа в дверь капитанской каюты негромко постучали. Старший пассажирский помощник открыл дверь. Перед ним стоял старик в мятой серой рубахе и в мятых брюках.

— Покорнейше прошу передать капитану. Лично,— угрожающе подчеркнул он и протянул две жеваные бумажки. На них значилось:

«Строго секретно. От Профессора. Капитану «Шота Руставели».

Будьте любезны, Сэр:

1. Закон не позволяет собакам находиться в каютах. Проверьте каюту «Ф-115» или «Ф-119», там едет «зайцем» маленькая собака, лаявшая сегодня до 3 часов ночи.

2. А большую суку водил по палубе «Ф» мальчик. Разве Вы позволяете собакам гадить на палубах?

А. Лурье.

Желателен письменный ответ, любезный Сэр».

Наш капитан показал себя крупным дипломатом: мистеру Арчибальду Лурье было направлено любезное письмо с благодарностью за заботу о процветании судна и с просьбой взять на себя труд помочь наилучшим образом решить «собачью» проблему.

Профессор охотно согласился, но затем прислал научные выкладки, как можно перестроить каюты лайнера. И так далее...

САГА ОБ АВСТРАЛИЙКЕ

Старший штурман Олег Лисняковский, библиотекарь Таня Стамикова и я сидели в музыкальном салоне; шел очередной костюмированный парад с вручением призов. На этот раз пассажиры выступали довольно одетыми...

Наше внимание привлекла высокая стройная девушка; ее костюм типа «домино» отличался элегантностью и чувством меры.

Когда парад костюмов закончился, Таня Стамикова окликнула девушку. Таня преподавала русский язык для желающих, и девушка была ее ученицей. Мы предложили ей кресло. Звали ее Джейн.

— Я австралийка, живу в Сиднее. Но по происхождению ирландка,— сразу открыла она нам родословную.

С этого дня мы встречали Джейн каждый день; иногда она заходила к нам или мы шли в музыкальный салон, гуляли по палубам.

Мы ценили в Джейн серьезность и откровенность.

Как-то она сказала:

— Я ведь белая ворона среди моих сверстников. Они спрашивают: «Зачем ты изучаешь философию в университете?» «Чтобы лучше узнать мир и людей»,— отвечаю я. «А зачем тебе это надо?»— пожимают плечами они. Их можно понять, Австралия пока что страна неинтеллектуальная, она ведет натуральный образ жизни: жует мясо и крутит руль автомашины, она не хочет думать.

Она сурово и честно судила общество, частью которого была, но порой нам казалось, что Джейн маскирует свои сомнения и свои мысли.

На очередном балу Джейн избрали «мисс Круиз». Мистер Байзерт обещал «королеве» денежное вознаграждение, что-то около 200 долларов.

На следующее утро Джейн к нам не зашла и не позвонила. На второй день мы ее не видели, на третий день я встретил ее на палубе.

— Хелло, Джейн, куда ты пропала? Ребята приглашают сегодня в бар в гости...

Джейн скользнула по мне холодным, отчужденным взглядом.

— Господи, разве вам непонятно, что я занята?! Я до сих пор не получила деньги... Думаю, я добьюсь, ведь Байзерт обещал...

С тех пор Джейн в нашей компании не бывала, она была поглощена одним стремлением, одной страстью — долларами.

Теперь Джейн проводила большую часть времени в обществе руководителей фирмы «Чартер трэвэл клаб». Ее хватило только на то, чтобы в порыве покритиковать свое общество; но сама она оказалась его продуктом и его жертвой.

ВРЕМЯ СТАВИТЬ ТОЧКУ

Не знаю, как ведут себя англичане и австралийцы дома, какой там порядок. Если что и осталось от старой Англии в Англии, то это правило: «Мой дом — моя крепость». Проникнуть в квартиру англичанина в качестве гостя трудно. Но вот на судне пассажиры демонстрировали свою приверженность к хаосу. Бокалы, тарелки из баров валялись где попало. Помню, несколько дней перед дверью моей каюты кто-то оставлял сначала два, потом четыре фужера.

Впрочем, беспорядок царил и в мыслях пассажиров. Хочу рассказать о тех, кто многое понимал и верно оценивал.

Однажды на палубе «Ф» в районе кормы произошел комичный на первый взгляд случай. Несколько пожилых пассажирок сидели в шезлонгах; среди них русские из Австралии и старая англичанка. Неподалеку встретились члены экипажа; время было вечернее, ребята отдыхали после работы. Один из моряков, электрик, пожаловался товарищу на мать: она прислала радиограмму, в которой требует, чтобы он сошел на берег после рейса и сдавал экзамены в институт...

— Простите,— вмешалась одна из пассажирок,— русская дама из Австралии: сколько вам лет?

— Сорок один,— не понимая, в чем дело, ответил электрик.

— Боже мой, мужчине сорок лет, и он еще считается с мамой... А у нас в четырнадцать-пятнадцать лет дети перестают признавать родителей...

Отцы и дети! Постоянная тема. В каюте «Ф-147» ехала пожилая супружеская пара, миссис и мистер Кэмп. «Нашей Англии больше нет,— говорил мне мистер Кэмп.— Добрые традиции поломаны, новых не создано; молодежь сходит с ума, не хочет понимать старшее поколение; старшее поколение растеряно, не знает, как быть с молодежью; в стране засилье оглупляющих фильмов, наркомания. Мы больше не можем жить на родине, хотим под старость обрести покой в Новой Зеландии...»

Я попросил мистера Кэмпа поделиться с читателями газеты впечатлениями о судне, он охотно согласился. Но когда я пришел к ним снова, то понял, что мистер Кэмп является заместителем главы семейства. Заметку написала миссис Кэмп, женщина энергичная и решительная.

Миссис Кэмп писала:

«Никогда не путешествуя дальше Темзы, я не знала, что ожидает меня в море, и набрала с собой таблеток от морской болезни. Однако судно настолько устойчиво, что лекарства оказались совершенно ненужными. Каюта у нас большая, прохладная и очень удобная».

Заметка заканчивалась словами: «Итак, я могу сказать от имени очень, очень удовлетворенной пассажирки: спасибо капитану и всему экипажу судна и да сопутствуют вам добрые, счастливые ветры!»

Нет сомнений в том, что пожелание шло от души. Больше тысячи благодарностей экипажу оставили пассажиры в книге отзывов. Один старик в Сиднее, посетив судно, признался:

— Я поднялся на борт почти врагом. А спускаюсь на причал почти другом...

Будущее Австралии представляется мне оптимистичным, когда я вспоминаю беседы с австралийским докером, коммунистом Гарри Блэком, и перечитываю строки, оставленные в журнале двумя простыми людьми.

«21. 01. 70. В море, «Шота Руставели», каюта «Ф-155». Капитану т/х «Шота Руставели».

Товарищ капитан, моей жене и мне очень грустно покидать ваше прекрасное судно в Окленде, где заканчивается наше путешествие.

Мы очень хотим выразить удовлетворение и даже удовольствие, которое мы получили в результате отличного обслуживания на борту вашего судна.

Мы с женой рабочие, поэтому для нас великая честь — путешествовать на судне, несущем славный советский флаг, который любят и почитают трудящиеся всего мира. Особенно нам хочется поблагодарить ваших людей за заботу и внимание со стороны всей команды, и больше всего девушек, обслуживающих нас в каютах и ресторане.

Моя жена цветная, поэтому она особенно счастлива совершить путешествие на судне, где от начала до конца с ней обращаются как с равной, кстати, впервые в ее жизни... Мне также очень приятно и дорого видеть это проявление расового равноправия, что усиливает в наших сердцах чувство братской солидарности со всеми прогрессивными людьми на земле. Мы благодарим вас за те несколько дней на борту «Шота Руставели», о которых мы с гордостью можем сказать, что провели их под сенью рабочего знамени.

С любовью к Ленину и верой в его учение мы присоединяемся ко всем людям на земле, стремящимся к миру, и говорим: «Да здравствует и процветает СССР! Пусть его мощь и его идеи объединяют миллионы людей на планете, еще живущих в нищете и рабстве, ведя их на борьбу за светлое будущее».

Искренне ваши Ричард Пулли,
Матильда Пулли».

О многом еще можно бы рассказать, но время ставить точку...

«И ПЕСНЬ МОЯ — НАРОД РОДНОЙ!»

Олег **МИХАЙЛОВ**

«У большинства людей чувство родины в обширном смысле — родной страны, отчизны — дополняется еще чувством родины малой, первоначальной, родины в смысле родных мест, отчих краев, района, города или деревушки... и с нею, этой отдельной и личной родиной, он приходит с годами к той большой родине, что обнимает все малые и — в великом целом своем — для всех одна». Слова эти, сказанные А. Твардовским о другом русском писателе и своем земляке-смолянине, мы вправе повторить сегодня о нем самом. Неизгладимая память родной Смоленщины, впечатления ребяческой души, познававшей мир на «хуторе пустоши Столпово», служат поэту надежной точкой опоры для художественного осмысления родины большой, для масштабности исторического мышления, разворачивающего перед читателем «за далью — даль». Как таинственно-живой, трепещущий, словно сердце, малый родничок дает ток многоводной Волге, так малая судьба о д н о г о Никиты Моргунка, о д и н дом у дороги всякий раз выводят к просторам, откуда открывается вся «наземная краса» России:

Кремлевских стен державный гребень,
Соборов главы и кресты,
Раниты старых сельских гребель,
Многопролетные мосты,
Заводы, вышки буровые,
Деревни с пригородом смесь
И школьный дом, где ты впервые
Узнал, что в мире Волга есть...

Поэт, еще подростком, с запахами горна, подзолистой смоленской земли впитал восхищение стихами Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Никитина, что по тем, далеким уже временам явно противоречило тогдашним «передовым взглядам» на поэзию. Учитель, которому тринадцатилетний деревенский мальчик показал свои стихи, ничуть не шутя, объяснил ему, «что так теперь писать не годится: все у меня до слова понятно, а нужно, чтобы ни с какого конца нельзя было понять, что и про что в стихах написано...». В поэзии тех лет и впрямь чуть не повсеместно царили уже книжные, головоногие таланты, мастера версификационной гимнастики, сменившие предшествующее поколение как безусловно устаревшее и даже вредное. Понадобился длительный обратный процесс, чтобы доказать жизнеспособность «простого» стиха: из многочисленных углов России поднялось, вышло целое поколение самородных художников, имевших свою «личную родину», запасы родникового языка, обладавших духовным здоровьем и верностью фольклорно-песенным традициям и классическим заветам. В их числе был смолянин М. Исаковский, крепко поддержавший начинающего земляка; к ним принадлежал и А. Твардовский, пожелавший позднее единственной оценки своему творчеству:

Пусть читатель вероятный
Скажет с книжкою в руке:
— Вот стихи, а все понятно,
Все на русском языке...

Я доволен был бы, право,
И — не гордый человек —
Ни на чью иную славу
Не сменю того вовек.

Но народность лучших стихотворений и поэм А. Твардовского объясняется, конечно, не только их высокой простотой, их общепонятностью,— она, эта народность, прежде всего в глубине и значительности заключенного в них национального содержания. «Моя опора и защита и песнь моя — народ родной!»—чтобы сказать т а к, надо иметь на это право, и автор «Страны Муравии», «Дома у дороги», замечательных фронтовых стихотворений, поэмы «За далью — даль» такое право получил. Его скромный и серьезный, вдумчивый стих делил с народом радость и горе, возвеличивал великое и шел в атаку на врага, откликался на колхозную новь и попадал в большие и малые «сабантуи», наконец, вместе со всеми размышлял, ища, подчас заблуждаясь, на перепутьях новых дорог.

Незабываемы образы русских людей, созданные А. Твардовским, начиная с середняка Никиты Моргунка, Никиты, как бы проморгавшего свою судьбу и теперь тщетно пытающегося нагнать счастье на Сивке-бурке вещей каурке, найти Россию сказочного изобилия, где летают ковры-самолеты, текут молочные реки в кисельных берегах и идет пир на весь мир... А суровая лирика—мужчины, воина, солдата — «Я убит подо Ржевом»? С какой сдержанной силой и ответственностью за каждое слово звучит э т а исповедь «с того света»:

Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой отчизне
С честью дальше служить...

И беречь ее свято,
Братья, счастье свое —
В память воина-брата,
Что погиб за нее.

В творчестве каждого большого писателя есть какая-нибудь особенная удача, художественное открытие, оказавшееся превыше других. Таким выдающимся достижением нашей литературы стала давно уже вошедшая в советскую классику поэма А. Твардовского «Василий Теркин». Рожденная в огневой купели небывалой войны, она крупно, обобщенно запечатлела великолепный русский характер: не пассивного мудреца и страстотерпца, а веселого и доброго человека, не унывающего ни в каких передрягах, обладающего огромным нравственным запасом — выдержкой и терпением. Сам поэт многократно подчеркивает неединичность, неисключительность своего героя. Теркин всюду, по всей Руси великой, во всех родах войск. И герою не вдруг встречается его двойник — бронебойщик Иван Теркин. Да что там двойник! Как убеждает солдат оказавшийся тут же старшина:

Что вы тут не разберете,
Не поймете меж собой?
По уставу каждой роте
Будет придан Теркин свой.

Теркин олицетворяет важнейшие, от века идущие черты русского национального характера. Вырвавшийся из окружения, пытанный каленым железом и ледяной водой, мореный голодом и холодом, он терпеливо, буднично и исправно делает свою воинскую работу, приближая день и час победы. Подобно добру молодцу из русских сказок, Теркин — чистый слиток тех национальных черт, что богатой рудой рассредоточен в народе.

Читая и перечитывая поэму, не устаешь восхищаться ее эпизодами и главами, просто не зная, чему же отдать предпочтение,— так красочно, неподдельно жизненны, в лучшем смысле слова реалистичны и знаменитая сцена с гармонью, и сцена переправы с ее грозным рефреном, и бой в болоте, и встреча Теркина со смертью, и многое, многое другое, что бессмысленно и даже неудобно пересказывать. Но как трогает в этой, говоря словами самого Твардовского, «летописи не летописи, хронике не хронике, а именно «книге», живой, подвижной, свободной по форме», все, что связано с народно-песенным началом, вольной стихией, идущей от самых что ни на есть истоков и давшей такие проникновенные стихи, как «не то сказка, не то песенка во сне», пригрезившаяся Теркину:

Я на речке ноги вымою.
  Куда, реченька, течешь?
В сторону мою, родимую,
  Может, где-нибудь свернешь.

Может, где-нибудь излучиной
  По пути зайдешь туда
И под проволокой колючею
  Проберешься без труда...

И тропой своей исконною
  Протечешь ты там, как тут,
И ни пешие, ни конные
  На пути не перенмут.

Дотечешь дорогой кружною
  До родимого села.
На мосту солдаты с ружьями,—
  Ты под мостиком прошла.

Там печаль свою великую,
  Что без края и конца,
Над тобой, над речкой,
  выплакать,
  Может, выйдет мать бойца.

Над тобой, над малой речкою,
  Над водой, чей путь далек,
Послыхать бы хоть словечко ей,
  Хоть одно, что цел сынок...

В поэме «Василий Теркин» русская литература, углубляясь в военную тему, можно сказать, еще раз вспомнила свой национальный характер. В ней чисто и свято звучит и плач о матери-родине, матери-России, попранной врагом, и громкая победная песнь советского поэта-патриота.

В день шестидесятилетия Александра Трифоновича Твардовского мы отдаем должное его русскому таланту. Его творчество, его лучшие стихи и поэмы еще раз и неотразимо подтверждают, что большим поэтом, поэтом национальным делается лишь тот художник, кто хранит безусловную верность заветам отечественной классики, кто с любовью и чуткостью относится к живому русскому языку, который становится его песней.

ВСЕ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ...

М. ВЕЛИХОВА

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Как десять лет назад, я открываю старенькую дверь и вхожу с замиранием сердца, с удивительным предчувствием чуда, которое творится ежедневно и ежечасно здесь, в двухэтажном здании на Неглинной...

Театральное училище имени М. С. Щепкина; небольшое, скромное здание, незаметное для посторонних, но такое родное для тех, кто провел здесь четыре студенческих года...

— Доброе утро, Мария Ивановна!

— Здравствуй. Что-то ты к нам рано сегодня,— слышишь в ответ. И тут же кому-то другому:

— Ну, что ты ищешь! Нет твоего пальто: девочки взяли для этюда. А ты пока вот это возьми...

И следующему:

— Давно не заходил. Болел, что ли?..

Для каждого — свое слово: Мария Ивановна ухитряется всех нас помнить в лицо. А ведь этих лиц прошло перед ней великое множество; и я думаю, что пока она помнит меня, я всегда буду приходить сюда, как домой. Не хочу верить, что вдруг при входе кто-то вежливо спросит: «Простите, вы к кому?»...

Ведущие на второй этаж ступени потрескались, истерлись под нашими туфлями, ботинками, сапожками... Но подниматься по этим ступеням легко — помогает музыка. С самого раннего утра слышатся песни, романсы, упражнения из аудитории № 16, что на лестничной площадке; со студентами здесь занимается педагог по вокалу М. П. Никольская. Так пели мы, так поют сейчас, так, наверное, будут петь через десять, двадцать, пятьдесят лет...

Потом слышу знакомые упражнения по речи: «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...» Конечно, это работает кто-то из многочисленных учеников О. М. Головиной, заведующей кафедрой сценической речи. Тридцать три года назад начала свою педагогическую деятельность Олимпиада Михайловна; а до этого она тоже была студенткой Щепкинского училища... Ее поколение вошло сюда в 1918 году, вместе с революцией. Не хватало продуктов, не хватало топлива... Зато с избытком хватало веры в высокие идеалы актера. Мизерная зарплата, которую платили в Малом театре, конечно, не обеспечивала прожиточного минимума; выручали артистов спектакли в красноармейских частях... Ну, и, конечно, была товарищеская поддержка. Было настоящее творческое горение. Были великолепные педагоги: Н. Костромской, В. Пашенная, А. Петровский, Н. Смирнова...

— Скажите, Олимпиада Михайловна, если сравнить «век нынешний и век минувший»,— как изменилось, на ваш взгляд, студенчество?

— Мне кажется, мы были более романтичны, более самостоятельны. Безумно влюблены в свой театр: каждую свободную минуту проводили в ложе, специально отведенной для студентов, или за кулисами. Прославленные артисты — Ермолова, Садовская, Давыдов, Рыжов, Турчанинова, Остужев — были нашими старшими товарищами. Их теплоту и любовь мы пронесли через всю жизнь. Наше поколение считало совершенно естественным для себя бороться за лучшее будущее театра, против консерватизма и старомодности, которые мы, как всякое молодое поколение, находили в деятельности своего любимого театра...

— И поэтому возникла студия Малого театра?..

— Да. Группа молодых актеров под руководством В. Пашенной, Н. Эфроса, Н. Смирновой, Ф. Каверина организовала свой театр. Одним из первых его спектаклей был «Кинороман». Постановка заинтересовала московскую публику современной формой, антимещанской направленностью, молодым задором исполнителей. Мы вышли к зрителю со своей темой и говорили с ним языком своего яростного и прекрасного времени, оставаясь в то же время детьми старейшего, русского Малого театра, продолжателями лучших его традиций...

Да, они входили в жизнь в бурное время — выпускники первых послереволюционных лет, известные в будущем актеры: Н. Свободин, Н. Цветкова, С. Вечёслов, А. Шатов, Н. Артемьева, К. Половикова... Они знали, чего хотели! Училище могло гордиться ими.

Ну, а каковы сегодняшние выпускники?.. Посмотрим на них.

— «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...» — снова и снова доносится из-за дверей двадцатой аудитории. А из двадцать третьей слышны тоже знакомые фразы:

— Спинки выпрямили, хвостики убрали, рука округлая... Начали! Хорошо, Кеша, хорошо... Головку, Домна... Глаза следят за рукой... Повторим еще разок!..— Евгения Дмитриевна Васильева ведет урок танца на занятиях якутской студии.

— А теперь большой батман! И давайте еще раз кружочек по полу...

Нелегко достается актерское мастерство. Но все труды окупятся потом, ибо актер — это труд!..

Я иду мимо аудиторий, мимо доски объявлений, мимо очередного номера стенгазеты... Справа — учебная часть и кабинет ректора, куда по закоренелой привычке входишь с робостью, хотя бояться теперь уже совершенно нечего. Впрочем, в нашем училище — возможно, из-за тесноты помещения — официальности в отношениях никогда не существовало. И в самом деле: откуда ей взяться? Приемной нет. Нет секретарши... Нужно просто повернуть ключик в двери и, просунув голову, спросить: «К вам можно, Евгений Евгеньевич?..» А у него уйма дел!.. Проверка работы студсовета. Завтра — кафедра мастерства актера... Нужны занавески для общежития. Нужно оружие для занятий фехтованием. Начинается ремонт крыши... И все-таки здесь тебе не говорят: «Некогда». Говорят: «Раз нужно, заходи».

Евгений Евгеньевич Северин рассказывает мне, будто я корреспондент:

— Наше училище старинное: оно сложилось, когда еще и в помине не было никакой теории драматического искусства, когда великий Щепкин был крепостным, когда Пушкину исполнилось десять лет, когда Гоголь только родился... Но и в то время лучшие актеры несли со сцены смелые, прогрессивные мысли, завоевывая Малому театру славу второго университета России. Однако время шло вперед: с возникновением Художественного театра Малый как бы отодвинулся на второй план, уступив первенство МХТ; императорская контора не позволяла Малому театру играть ни Горького, ни Чехова... Все упущенное наверстывалось с трудом и в училище: разнобой в преподавательских позициях, отсутствие единой художественно-педагогической мысли привели к потере авторитета щепкинцев. Методологическое первенство школы МХАТ было несомненным. Но потом наше училище снова стало набирать темпы. К нему пришла вторая молодость...

В 1956 году,— продолжает ректор,— заведовать кафедрой мастерства в училище Малого театра стал народный артист СССР, профессор Н. А. Анненков — крупнейший мастер советского театра, горячий поборник учения Станиславского. Много сделал он для возрождения былой славы старейшей театральной школы. Вместе с крупнейшими мастерами, профессорами Цыганковым, Гладковым, Дмитриевым, Коршуновым и другими он разработал методы преподавания в училище имени Щепкина, четкую программу, формирующую не только актера-художника, но и актера — борца за коммунистическое общество, за его идеалы.

Большое творчество по силам лишь большим актерам — идейно убежденным и профессионально подготовленным. Именно такими их должно сделать училище!

...Первый курс.

Молодежь приходит сюда, выдержав огромный и сложный конкурс — чуть ли не двести претендентов на одно место! Приходят все, уверенные в своем таланте, с желанием играть большие роли. И вдруг на первых же занятиях молодежь убеждается, что до ролей — каких бы то ни было — еще очень далеко!.. Ни вставать, ни ходить они не умеют. Не умеют делать многих других вещей, таких простых в жизни и таких сложных на сцене... Всему этому должен на-

учить будущих актеров первый семестр первого года обучения.

Потом начинаются этюды. И снова оказывается, что быть естественным и достоверным даже в обстоятельствах, самим тобой придуманных, тоже невероятно сложно! В этом сейчас и убеждаются первокурсники, собравшиеся в семнадцатой аудитории. Внимательно слушают они своего художественного руководителя В. И. Цыганкова. Идет разбор этюда, подготовленного по литературному отрывку. Вениамин Иванович задает вопрос одному из участников этюда:

— Что вы сейчас делаете?..

— Я очень взволнован,— отвечает студент.— Я теперь думаю, что же мне делать дальше...

— Это переживания, чувства,— замечает Цыганков,— а на сцене мы должны не переживать, но действовать. Так подумайте и скажите: что же вы здесь делаете? Какой поступок совершаете и для чего?..

Они еще не знают главного, не знают, что этот вопрос — в каждой новой роли — будет вновь и вновь вставать перед ними всю их творческую жизнь. Они не знают, что научиться отвечать на этот вопрос и значит стать грамотным актером, умеющим выстраивать действенную линию образа... Они не знают, что на сцене нельзя зависеть только от одаренности, только от вдохновения. Да, они союзники. Но союзники непостоянные, капризные.

Но все это уже хорошо знают третьекурсники — люди, прошедшие в училище сравнительно большой путь. Освоив этюды и отрывки, они сейчас работают над своим первым дипломным спектаклем. Это «На дне» М. Горького. Осторожно вхожу в зал со стороны сцены. Звучат слова Сатина, такие знакомые:

— Есть ложь утешительная, ложь примиряющая... Я — знаю ложь!..

— Погоди! — Н. А. Анненков по-юношески стремительно выбегает на площадку.— Ты хорошо начал. Только помни: занимайся не умозаключениями сам с собой! Горький здесь не рассуждает, он разоблачает! Сатин решает вопрос своей жизни! Действуй же! Начни еще раз!..

И опять действие. Опять и опять... Основа актерской школы; основа трудного процесса создания живых человеческих взаимоотношений на сцене. Основа актерского мастерства. Действие...

Репетиция длится несколько часов. Уже поздним вечером я спускаюсь в раздевалку; а в училище рабочий день продолжается. За дверью семнадцатой аудитории опять шумит первый курс. Сегодня у них собрание, и очень серьёзное. К ребятам уже пришло понимание того, что театр — дело коллективное. Создавать же коллектив нужно со многих простых, но очень важных вещей. Ну, скажем, иногородние ребята плохо знают Москву — разве не следует им помочь?.. Потом встает сложный вопрос об общежитии. Группа первокурсников живет всемером в небольшой комнате... Бушуют страсти. Каждый просит слова...

Пусть спорят! Это тоже нужно. Каждому возрасту — свои проблемы. Когда первокурсники подрастут, на собраниях будут решаться вопросы о программах шефских концертов в воинских частях, о летних поездках на целину, о самостоятельных спектаклях или даже об организации нового театра...

До глубокой ночи не затихает старейшее театральное училище страны.

День и ночь оно трудится, готовя будущих актеров, иногда даже целые актерские коллективы... Оно экспериментирует, воспитывает национальные студии, готовит будущих мастеров якутских, казахских, туркменских, татарских театров...

Мы благодарны тебе, училище, за то, что ты привило нам стремление быть требовательным к себе; стремление всегда, в любую следующую минуту хотеть быть лучше, чем был в предыдущую!.. А если возникнет в этом сомнение, то можно снова подойти к скромному двухэтажному зданию на Неглинной, отворить старую дверь, тихонько пройти по коридору... И все трудное отступит, покажется не таким страшным. И снова появится желание жить и работать, потому что здесь, в Щепкинском училище, живет наша юность, наши мечты и надежды, потому что здесь всегда все только начинается...

← «На дне». Репетицию ведет профессор Н. А. Анненков.

Ф. А. Кони. «Муж всех жен». Курс профессора М. И. Царева.

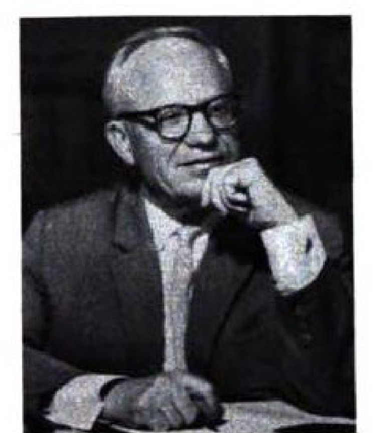
Якутская студия.

Фехтование преподает доцент А. Б. Немировский.

Первокурсникам нужно посоветоваться...

Петрусь БРОВКА

ДУМА О

1

Роса — как россыпь перламутра,
А ветер в соснах — что гусляр.
Как ласков мир в сиянье утра!
Лицом он весел и не стар.

Поля умытые так звонки
Под этой чистой синевой!..
Я снова здесь, в родной сторонке,
Где по земле ступал впервой.

Иду в зеленые просторы,
Былым годам веду подсчет,
И, вторя мне, гудят моторы.
В работе нынче ритм не тот!

Ловлю в машинном гулком стуке
Напев напористый, лихой.
А за рулями — дети, внуки
Тех, кто ходил тут за сохой,

Тех, кто вот этим всем моторам
Клинками путь пробил во мгле,
И тех, благодаря которым
Осталась правда на земле.

Я им, друзьям, в боях сраженным,
Принес поклон земной сюда,
Где в пять лучей горит над склоном
Неугасимая звезда.

Они, свой новый мир построив,
Ему служили до конца.
Горит звезда... В ней — кровь героев,
В ней — золотые их сердца.

За именем читаю имя
И, низко голову склоня,
Беседу начинаю с ними...
— Друзья! Вы слышите меня?

Вы видите раздолья эти,
Где были крылья нам даны,
Строители, солдаты, дети
Рожденной Октябрем страны?

Мы рано, помнится, взрослели,
Была горячая пора —
Хватало дел! А в каждом деле
Нужны ведь были мастера.

И в славе, под звездой лучистой,
Сегодня спите, как бойцы,
Вы, столяры и трактористы,
Учителя и кузнецы...

Веду я счет потерям, ранам,
Веду победам нашим счет.
И ветер спящим партизанам
Свой вечный реквием поет.

Спит на высоком этом месте
Мой друг, с двадцатых — коммунист,
Кузьма Пилюта. Он известен
В районе был как тракторист.

И в песню партизанской славы
Свою строку он тоже внес,
Когда фашистские составы
Летели с громом под откос,

Когда за языком ночами
Ходил Пилюта налегке...
Взорвал он мост под Ушачами —
Там и погиб, на той реке.

По первопутку он когда-то
Провел в колхозном поле плуг...
Пал смертью храброго солдата.
Встань, погляди, Кузьма, вокруг!

Гроза утихла, пролетела.
И я смотрю не насмотрюсь,
Как внук твой по полю умело
Ведет сегодня «Беларусь».

Эх, и машина! Скажем честно,
Куда там давний твой «фордзон»!..
Наш трактор встретишь повсеместно,
Но помни: в Минске сделан он.

Для нас он стал уже привычным.
Но здесь, над ширью полевой,
Мне в рокоте его ритмичном
Твой голос чудится живой.

А над безмолвьем обелиска,
Как эхо прошлого,— война...
И снова я склоняюсь низко
И повторяю имена.

Могильный холод разбивая,
Твержу я смерти вопреки:
— Вы здесь, вы наша честь живая,
Друзья, герои, земляки!

В весеннем гомоне и гуле
Стоит, красуется наш дом.
Когда бы встали вы, взглянули,—
Сказали б: «Хорошо живем!»

Да, поднят он, наш дом-громада.
Где пепел был, там шум листвы.
Мы знали: нам работать надо
Так, как работали бы вы.

...Еще не всюду мрак расколот,
Но все, что должно нам пройти,
Пройдем. Наш Ленин вечно молод,
Сто лет — лишь часть его пути.

Его еще на белом свете
Так много ждет нелегких дел!
Мы ленинцы. И мы в ответе
За все, что сам он не успел.

Его живое слово — с нами.
Его провиденье — во всем.
И гордо ленинское знамя
Мы перед временем несем.

Подняв его, друзья, не вы ли
Свой край сумели отстоять,
Клубок из свастик раздавили!..
Фашизм шевелится опять,

Но тщетно! Памятны народам
Его цена, обличье, суть,
И все яснее с каждым годом,
Что землю тьмой не захлестнуть.

Пускай брехни еще немало
В наш адрес льют за рубежом,—
Трещат опоры капитала!
И в чистоте мы бережем

Все, что победно пронесли вы
Через смертельные бои.
Вы здесь, в сердцах. Вы вечно живы,
Друзья, товарищи мои!

2

Горячий полдень... Вижу снова
Высокий обелиск, звезду.
Как будто так: сказал тут слово —
И вот стою, ответа жду...

Ваш путь, герои, мне ответом.
Смотрю, взойдя на склон крутой,
И кажется мне в полдне этом
Звезда над вами золотой.

Вы помните? Звезда такая
В тяжелый для отчизны час,
К патронным лентам примыкая,
Сияла на груди у вас.

Теперь она бывает чаще
Наградою за мирный труд...
Над полем — стрекот, жар звенящий,
И люди на обед идут.

Иных услужливые «МАЗы»
Увозят до домов, до хат.
Другие в холодок, под вязы,
Кружком уселись и едят.

Донесся дружный смех оттуда —
И сразу в памяти возник
Егор Маковский, парень-чудо,
Водитель и большой шутник.

Был каждый рад ему, как другу:
Мол, нету хлопца веселей!
Изъездил всю, считай, округу
Он на полуторке своей.

Бывало, если надо скоро,—
Летит, чтоб выручить, помочь.
Усталость не брала Егора:
Порой трудился день и ночь.

И в дни войны работал славно,
Хоть, правда, стал ходить пешком.
Тогда был отдых и подавно
Ему, Егору, незнаком:

Один ли, с группой ли, с отрядом —
Всегда-то в деле он, в боях.
Спец по подрывам, по засадам,
Среди врагов он сеял страх.

Он мстил им местью ежечасной
За кровь, за боль, за Беларусь...
Шел как-то ночью в рейд опасный.
Шутил: мол, к завтраку вернусь!

Но не вернулся... Долго ждали...
И говорю я: — Встань, орел!
Взгляни на эти шири, дали,
Где жизнь вторую ты обрел.

Послушай-ка вон ту машину —
Воркующий моторный бас...
То твоему меньшому сыну
Доверен наш могучий «МАЗ».

И как с тобой нам не гордиться,
Что вот уже который год
Минск, белорусская столица,
Машины эти создает!

На стройках, реках перекрытых —
Везде внесли они свой вклад.
Страна за труд благодарит их...
Скажи, ты рад, Егор? Ты рад?

БЕССМЕРТИИ

Сыны лелеют край отцовский.
Как перечислить их дела?
Ты посмотри, Егор Маковский:
Вот школа посреди села.

Ведь и не снилась нам такая!
Вот класс, просторен и высок.
В окно огромное втекая,
Все залил здесь лучей поток.

Ну, а подальше, возле леса,
Смотри — игрушка, а не дом!
Сирень у зданья, как завеса...
Сказать тебе, что в зданье том?

Там детский сад... И возвращаю
Я память вновь и вновь к войне:
Связную, партизанку Раю,
Нельзя сейчас не вспомнить мне

В детсад пришла она когда-то,
Пришла работать. Малыши
Вокруг шумели, как галчата,
И в ней не чаяли души.

Став партизанкою, нередко
Была под пулями атак.
Прорыв ли, трудная ль разведка —
Шла первой! Но случилось так,

Что повезло проклятой своре:
Напали все ж из-за угла...
Перед родною хатой вскоре
Она повешена была.

— Голубка! Голубкович Рая!
Тебе бы заглянуть пора
В детсад наш новый, где, играя,
Шумит, смеется детвора,

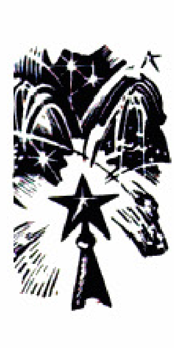
Где детям отдает все силы,
Твоей любовью их любя,
Одна из тех девчушек милых,
Что прыгали вокруг тебя.

Ты и сегодня — здесь, при детях.
Ведь для того и шла ты в бой,
Чтобы детей — и тех и этих —
Спасти, пожертвовав собой.

Герои! Наши чувства, мысли
Всегда стремиться будут к вам...
Вы шли к Дунаю, к Шпрее, к Висле,
Чтоб смертный мрак разбить и там.

Вы — песнь победы. Не она ли
Звучит в устах любой земли,
Которую вы избавляли,
В которую навек легли?

Как просветлели земли эти,
Увидев правды торжество!..
Идет наш Ленин по планете,
Сто лет — лишь часть пути его.

«Сто лет!» — над миром прозвучало,
Отозвалось в сердцах людей...
Наш век — великое начало
Расцвета ленинских идей.

3

Вновь эта высь, где все мне свято.
Вечерний час. Вечерний вид.
Над бором алый стяг заката,
Полнеба охватив, горит.

Туман, как молоко парное,
Уж залил луговой простор...
Я снова к вам пришел, герои,
Еще не кончен разговор.

Биеньем сердца — не словами —
Нас разделившие года
Хочу прорвать я!.. А над вами
Пылает красная звезда —

Одна во всем вечернем небе:
Других еще не видно звезд.
...Потолковать с тобою мне бы,
Дед-пасечник Микола Дрозд!

Мы вспомнили б тот вечер серый,
Хоть он теперь уж и далек,
Когда фашисты-офицеры
Пришли в твой дом на огонек.

Слыхали, знать, от полицая
Про твой особый, дивный мед...
Вошли, оружием бряцая:
«Ну-с, угощай, герр пчеловод!»

К столу хозяйскому подсели,
А плеть и пистолет — на стол.
Кричали «хайль», охотно ели,
Хвалили огурцы, засол...

Ты в этот день, таить не будем,
Хозяином чудесным был:
Гостям своим, как добрым людям,
Знай подливал, хоть сам не пил.

И вскоре охмелели гости...
Ты это и имел в виду:
На пятом, на шестом ли тосте
Ты им закуску на меду

Такую подал, от которой
Уже ничто их не спасло б!
Фашисты корчились всей сворой,
И лезли их глаза на лоб...

Так все и было в этой были:
Битком набитый мертвый дом
Ты бросил, скрывшись... Но схватили
Тебя эсэсовцы потом.

В своем дворе, с петлей на шее,
Стоял ты гордо, во весь рост...
Ты спишь... А жизнь все хорошеет —
Проснись, взгляни, Микола Дрозд!

Ты не забыт: вчера из школы
Сюда цветы принес отряд,
А завтра утром даже пчелы
Тебя проведать прилетят

И зажужжат о том, быть может,
Как пасека растет твоя...
Ты здесь. Твой век еще не прожит.
И около тебя — друзья.

Вы не сошли, бойцы, с дороги:
Мы с вами входим в каждый день!..
И вот закат кладет вам в ноги
Мою растянутую тень.

Умолкло все в полях спокойных.
Бор потемнел — там солнца нет,
Лишь по верхушкам сосен стройных
Еще течет багряный свет.

Ах, что за вечер! Глянуть любо!
Так чист и так прозрачно тих,
Что слышно, как вдали у клуба
Гармонь скликает молодых...

И ваше здесь во всем участье!
Омыв росой ковер травы,
Само склоняется к вам счастье —
Его завоевали вы.

На запад вел нас ветер вешний —
И сколько не пришло назад!..
Там был и ты, колхозник здешний,
Герой, Янута Белосад.

Неспавший, вымокший, усталый,
Полуголодный иногда,
Ты совершал тот путь немалый,
Где все не вспомнишь города...

И что ни день росла отвага:
Одним из первых ты в бою
Вошел в Берлин. Лишь до рейхстага
Ты подпись не донес свою —

Погиб, недотянул немного...
Но роспись алая твоя,
Как фронтовая та дорога,
Впечаталась во все края,

Освобожденные тобою!
В Берлине я к тебе не раз,
Взволнованный твоей судьбою,
Шел на поклон, как здесь сейчас.

Цветы там скорбны, хоть и ярки...
Но мнится мне, что там не прах,
А что стоишь ты в Трептов-парке,
Меч и дитя держа в руках!

Созвездья — как огни салюта.
И, обрамляя путь твой весь,
Твоя фамилия, Янута,
Начертана и там и здесь...

Да, имена родных иль близких,
Погибших, но живых вовек,
И в сердце и на обелисках
Хранит советский человек.

Не к праху — к продолженью жизни
Пришел я возложить свой стих.
А сколько их по всей отчизне,
Таких пригорков дорогих!

И Родина горда сынами,
Чей подвиг дни вот эти спас.
Вы все, герои,— здесь, вы с нами!
Мы помним вас. И славим вас —

Плотинами, горячей сталью,
Огнями строек, звоном строк,
И колосом, и звездной далью,
Которую пройдем в свой срок.

Мы вместе с вами счастье строим
Свободно, мирно и светло.
...Укрыв поля ночным покоем,
Ты, солнце, в новый круг пошло.

И щедро завтра на рассвете
Ты всходам жаркий свет раздашь!..
Вот так же по полям столетий
Пройдет бессмертный Ленин наш.

Перевел с белорусского
Валентин КОРЧАГИН.

Рисунки Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО.

Борис СМИРНОВ

Фото Г. КОПОСОВА.

Улицы среди волн

— ...Она из машины вышла и оступилась. Под ноги, значит, не посмотрела и прямо в дыру между досками провалилась. А ее муж из кузова вылезает, оглядывается: где жена? Догадался посмотреть в дыру, а она — в воде, за сваю держится. Он вслед за ней сразу и прыгнул...

Мы сидим в парикмахерской свайного поселка в Каспийском море, который называется Нефтяные Камни. В очереди к мастеру собралось несколько человек, и каждый хочет рассказать нам, москвичам, какой-нибудь особо занимательный случай. В рассказах, как всегда, какие-то детали не сходятся, и тогда вся очередь начинает шумно спорить, даже сидящий в кресле клиент подает голос. А за широким окном парень в спецовке с наслаждением пьет воду у автомата с газировкой. Двое, сидя на скамейке, читают газеты. Прошла женщина с покупками из магазина... Черноусый мой сосед все еще рассказывает, но мне кажется, что все эти истории припасены специально для приезжих.

— Не помню, в каком это году было... Лет десять назад. Камил, не помнишь?

— Меня здесь тогда не было, у Дуплихина надо спросить, он давно на Камнях. А с Дуплихиным вы не знакомы?— обращается Камил уже к нам.— В пятьдесят седьмом году, когда шторм эстакаду порвал, Дуплихин целый километр над морем по трубе полз. У него, кажется, именные часы с того раза остались... Тот шторм много бед натворил...

Я уже не смотрю в окно, а прислушиваюсь, как где-то внизу, под полом, с легким звоном разбиваются о сваи волны. Сейчас в море тихо, но на вечер, говорят, дали штормовое предупреждение. Недаром Каспий считается самым беспокойным в мире водоемом после Бискайского залива. Но и без частых штормов, должно быть, на морском нефтепромысле хватает неприятностей. Живешь, как на мосту. Да и нефть в скважине сама по себе — стихия. Нет, в рассказах нефтяников об опасностях не так уж много вымысла! А вернее сказать, что морская суровость и обычная, береговая будничность живут здесь рядом. Одиннадцать лет как поселились люди на Нефтяных Камнях, но море за это время не изменилось, и ветры остались те же, и туманы, и холода, и зной. Просто люди сумели так устроить свой быт, что среди моря теперь можно жить и работать почти в безопасности. Почти, потому что море есть море.

То, что издавна называется Нефтяными Камнями,— это несколько скользких от нефти каменистых гряд, едва возвышающихся над водой, на которых могут разместиться разве что чайки. Буровую вышку прямо на камни поставить нельзя, и поэтому в дно были вбиты сваи, сверху уложен настил, а уже на настиле монтировались вышки. До берега отсюда несколько десятков километров, и для жилья здесь же, на сваях, стали строить дома. Так и образовался поселок.

Сегодня дома на сваях образуют целые улицы, переулки, есть даже площадь. Нефтяники живут на Камнях по пятнадцать дней — столько продолжается вахта,— а потом пятнадцать дней отдыхают дома на берегу. Мы тоже пробыли в поселке две недели, и я не могу сказать, что на это время мы попали в какие-то необычные условия. Нет, оторванность от берега даже забывалась.

В поселке жизнь течет самым обычным образом. Рано утром машины подходят к общежитиям и увозят нефтяников на рабочие места — совсем так же, как хлеборобы, например, разъезжаются по полям от центральной усадьбы какого-нибудь совхоза. И тогда в поселке нефтяников, как в любом земном рабочем поселке, становится тихо. Только детей здесь нет и старики не сидят на завалинках... Но вот над Камнями стрекочет вертолет, уезжают машины — за свежими продуктами, газетами, почтой. В море гудит танкер, прибывший за нефтью. Подъемный кран снимает с грузового судна бетонные плиты, трубы, поднимает с палубы новенький грузовик. Подошел к причалу танкер «Академик Мамед Алиев», начал перекачивать в водопроводную систему поселка привезенную с берега чистую воду. Скоро ошвартуется в соответствии с ежедневным расписанием большой пассажирский дизель-электроход «Волгоград». Рейс на нем до Баку длится четыре часа, а если лететь вертолетом, то доберешься до города быстрее, чем из какого-нибудь земного поселка в райцентр.

К вечеру, когда возвращаются с работы нефтяники, вновь оживают улицы на сваях. Работают магазины, столовые, чайхана, открываются двери Дворца культуры, техникума и вечерней школы. В широкоэкранном кинотеатре каждый день идут новые — можно сказать, новейшие — фильмы. Приятно погулять в настоящем парке с газонами, с фонтаном и с узорными дорожками. Даже два деревца сюда привезли люди с земли и заботливо посадили в огромные железобетонные ящики. В парке щебечут перелетные птицы. Срок птичьих перелетов давно прошел, а птицы остались на Нефтяных Камнях. Значит, и они, птицы, признали этот рукотворный железный остров настоящей землей, своим домом.

Мне рассказывали, что один шофер, проработав несколько лет на Нефтяных Камнях, ушел с нефтепромысла, а потом вернулся обратно: чем-то береговые шоссе его уже не устраивали. Дело не в романтике и не в хорошем заработке; тот шофер говорил, что ему просто нравится ездить по эстакадам. Наверное, это правда. Многие ли люди на нашей планете смогут похвастаться тем, что они привыкли ездить по морю на автомобилях?

Мы едем по морю. Вернее, над морем, но ощущение необычности от этого не притупляется. Как на корабле, чувствуешь запах моря, морской ветер дует в лицо, солнечные блики от волн слепят глаза. Нет только одного, что сопутствует любой морской поездке,— качки.

Путешествовать по морю на машине можно очень долго — сегодня общая длина эстакад на Нефтяных Камнях составляет более двухсот километров. В автопарке нефтепромысла около двухсот машин — грузовики, самосвалы, автобусы, есть даже тракторы и огромные КРАЗы. Грузовики здесь работают еще и как такси: если на площадке поднимешь руку, то машина обязательно остановится. Немаловажно заметить, что в море для нефтяников все виды транспорта — от «такси» до вертолетов — работают бесплатно.

Наш шофер Фирдовси Ашуров сказал, что для него нет особой разницы в дорогах — будь то междугородное шоссе или морская эстакада. Дорога — и все. Раньше большинство эстакад было с дощатым покрытием, тяжело было ездить. Теперь бетон и асфальт. Правда, узко, колеса идут почти впритирку к ограждению, но зато дорога прямая! Он, Фирдовси, мог бы по такой дороге разогнаться хоть до ста километров в час. но зачем так спешить! Да и правила на Камнях запрещают загонять стрелку спидометра за цифру «30».

На небольшой квадратной площадке, где эстакада расширяется вдвое, Фирдовси вдруг затормозил: впереди он увидел встречную машину. Самосвал приблизился, разминулся с нами, и мы поехали дальше. Обычное дело.

— Фирдовси, а в шторм до машины брызги достают?

— Если такой шторм, что брызги долетают, то машинам ездить запрещается. В сильный шторм монтажники не работают, вертолеты не летают, суда не подходят.

— Значит, в шторм Камни от берега отрезаны?

— Зачем отрезаны? Телефон работает, радио. О продуктах мы не беспокоимся — запасов надолго хватает. Хлебопекарня есть своя, лимонадный цех есть. Вы в чайхане были? Шербет, пахлаву пробовали? Тоже здесь, на Камнях, приготовлено, в бисквитном цехе. Одного только у нас нет — спиртных напитков. Вы знаете, что здесь сухой закон, а?— хитро улыбается Фирдовси.— С первых лет, как начались морские нефтепромыслы, этот закон действует... Даже пиво с собой привозить с берега нельзя.

— Ну и как?— спросил я.

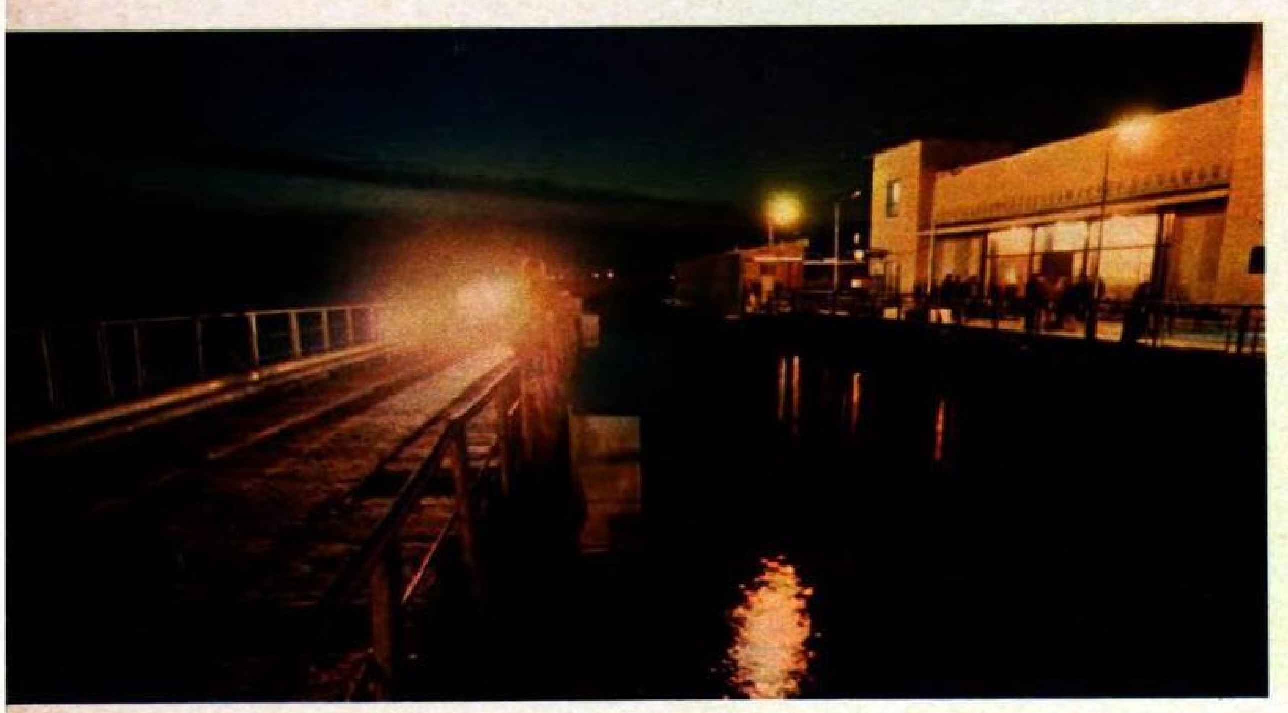
— Что как? Чай пьем. Со сластями. В море без дисциплины не проживешь...

Проехали мимо огромных серебристых цистерн — это нефте-

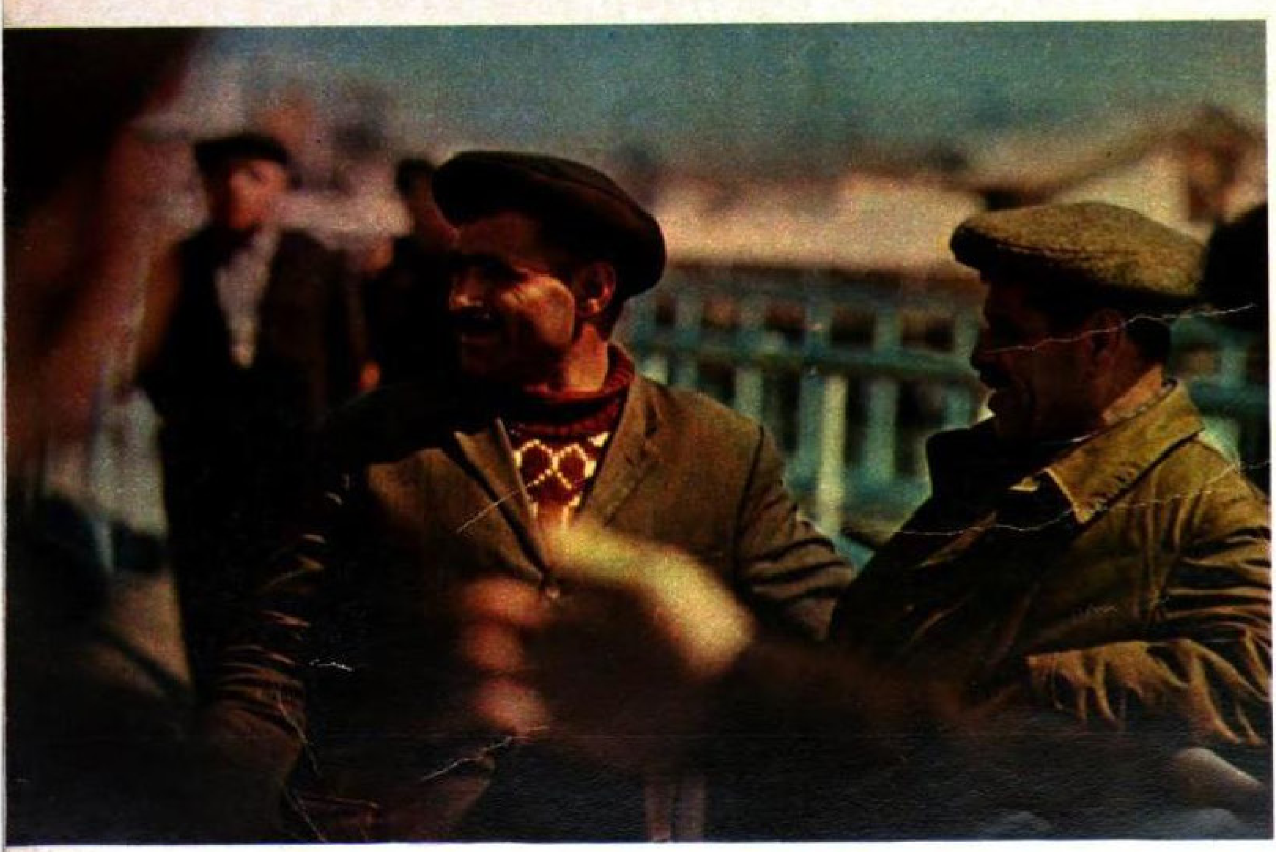
Вертолет — транспорт морских нефтяников.

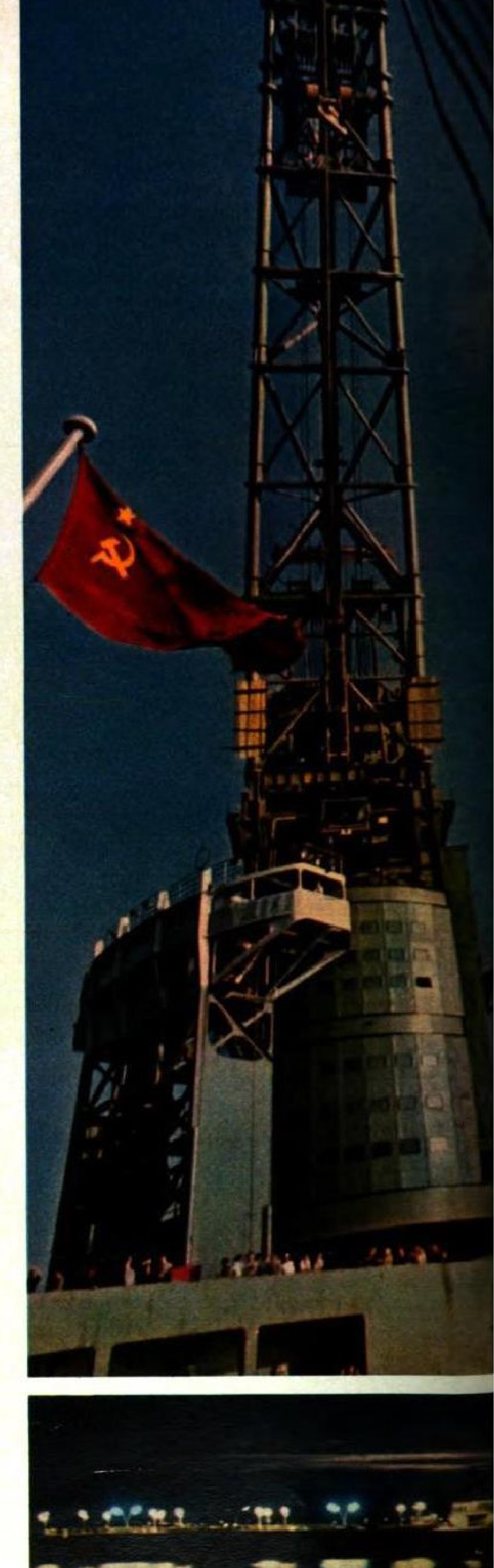
В оранжерее Нефтяных Камней зреют свои лимоны и апельсины, распускаются цветы.

Когда зажигаются огни, Дворец культуры Нефтяных Камней виден далеко с моря.

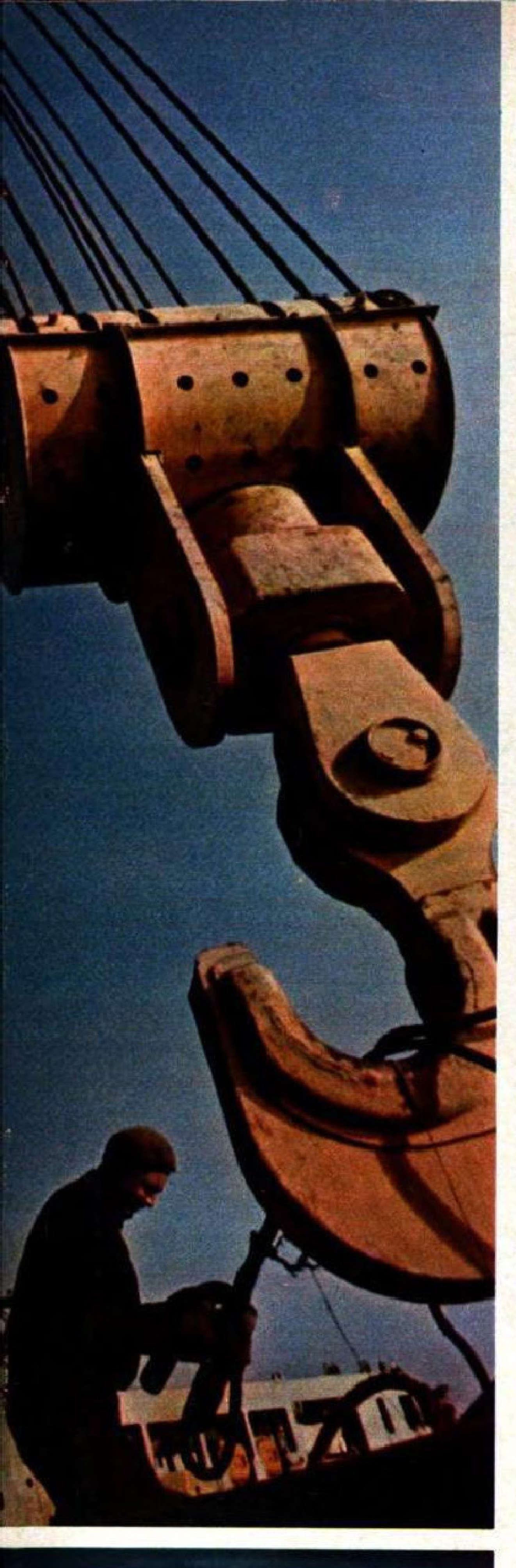

У них загорелые, обветренные лица моряков, но профессии земные... Оператор по добыче нефти Мирза Мамедов (справа) и старший такелажник Мамед Гусейнов.

Нефтяникам Каспия помогает «Кер

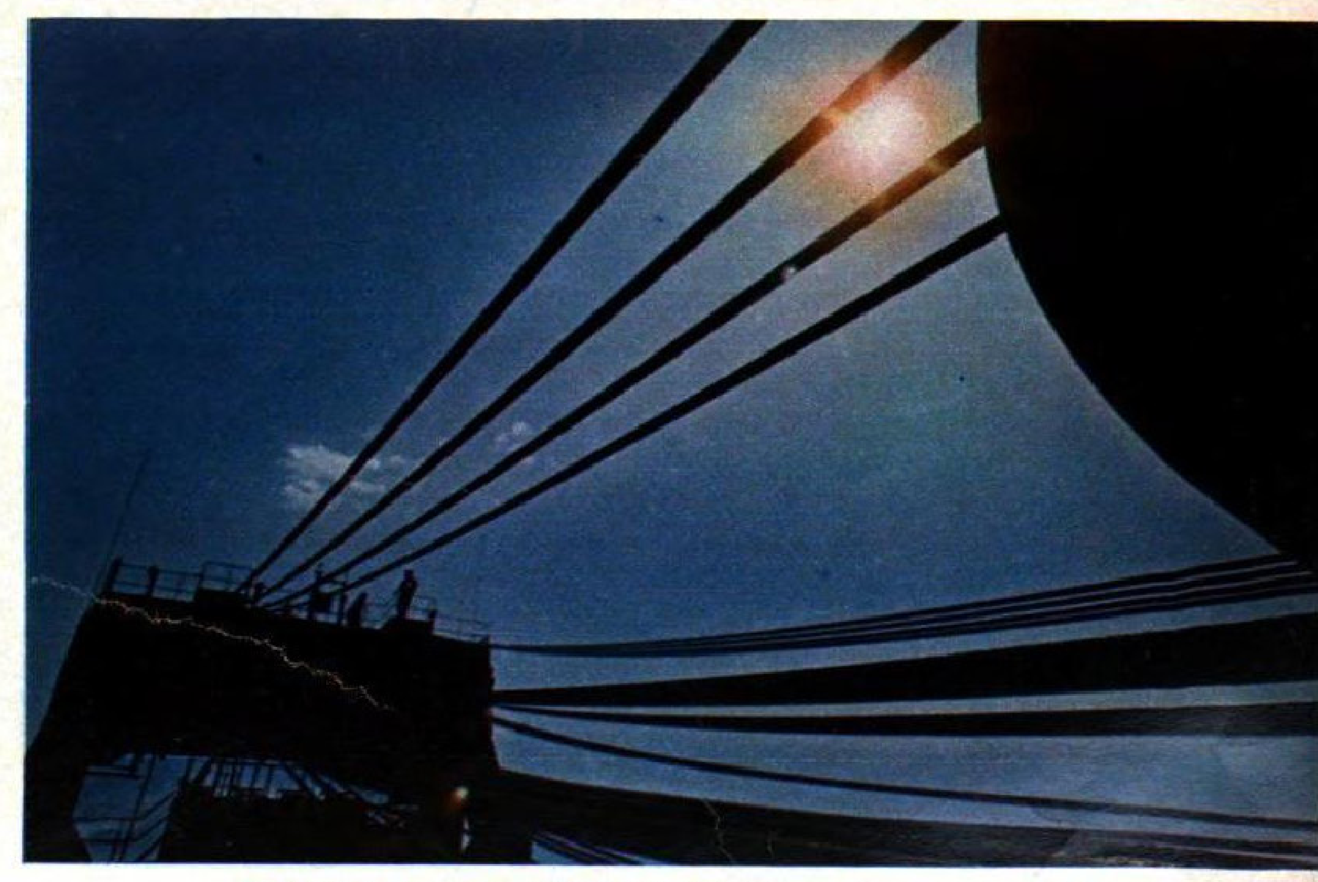
...лы» — крановое судно-катамаран.

Дозировщица Лена Ежова работает в лимонадном цехе.

В память о Михаиле Каверочкине — одном из первых морских нефтяников.

Стальные тросы крана «Кёр-Оглы» выдерживают грузы весом до 250 тонн.

— Вам Баку! Соединяю...
Телефонистка Нефтяных Камней Нина Гришанова.

Сегодня Каспий спокоен.

И на вахте каждый хочет быть красивым.

По соседству со свайным поселком — плавучая буровая установка «Хазар».

Площадка морского нефтепромысла.

сборные пункты. Резервуары почти целиком спрятаны под водой — над поверхностью остаются лишь верхушки. Настоящие нефтяные айсберги... Вот сбоку осталась ажурная вышка — здесь идет бурение, проходятся новые скважины. Когда скважины дадут нефть, вышку уберут, и на площадке останутся лишь трубы, уходящие в глубину моря.

Пропуская встречную машину, мы остановились у одной из таких промысловых площадок. Именно здесь, в этой точке, Каспий отдает людям свою нефть. В центре площадки торчат колонки фонтанной арматуры — узловые серебристые трубы с ответвлениями, с манометрами, круглыми рукоятками задвижек. Эту конструкцию нефтяники называют тоже по-земному — елочками.

Из елочек нефть попадает в серебристые баллоны для отделения от нее газа, а потом — в нефтепровод. И бежит над морем нефтяная речка в трубе.

А вот и рыболовы. Два паренька, отложив в сторону маски электросварщиков, возятся с леской. Снасть немудреная — крючок, грузило, леска да спиннинговая катушка. Наживка не забрасывается, а просто опускается вниз, под эстакаду, а катушка кладется за какой-нибудь обрезок трубы. Затрещит катушка — значит, клюет.

Нас, конечно, интересовал результат ловли.

— Во.— Паренек снял фанерку с черного, прокопченного ведра. На дне лежали пять рыбешек величиною с ладонь...

И снова поворот, длинный прямой участок — и эстакада кончается. Вчера мы проплывали здесь на катере, и я хорошо помню, что в конце эстакады была лишь плоская широкая площадка. А сейчас на том же месте стоят две высоченные буровые вышки. Откуда они взялись? Не могли же вырасти за ночь сами по себе?

— Очень просто: ночью подошел «Кёр-Оглы», поднял со своего же борта вышки и поставил их на площадку. Теперь он помогает нам ставить опорный блок эстакады, а потом уложит фермы...

Мастер участка Мамед Салманович Абилов продолжал рассказывать о различных технологических тонкостях, а мы не могли оторвать взгляда от стоящей неподалеку махины. Это и есть крановое судно — катамаран «Кёр-Оглы» — целый плавучий остров с башней мощного крана. Названием судну послужило имя легендарного азербайджанского богатыря. Что стоит крану-богатырю поднять какую-то стотонную вышку, если его грузоподъемность — двести пятьдесят тонн! И уж совсем легко, даже с какой-то элегантностью «Кёр-Оглы» на наших глазах поддерживал опорный блок эстакады — что-то вроде огромной многоногой табуретки, которая должна встать на дно моря, а на этом блоке стоял трактор и ударами молота вбивал в дно толстую трубу — сваю.

Вот так и строится эстакада. Встанет на место опорный блок, уйдет своими ногами-сваями глубоко в грунт, а потом сверху кран уложит металлическую ферму, похожую на пролет моста. Это еще почти пятьдесят метров эстакады. Опора за опорой, ферма за фермой, все дальше в море.

— Эстакада пройдет вон туда,— махнул рукой на север Мамед Салманович.— Там обнаружено новое богатое месторождение. Трудно там будет,— вздохнул мастер,— глубины большие, дно неровное.

— Здесь какая глубина?

— Здесь? До воды от наших ног — четырнадцать метров, глубина моря — двадцать два метра, еще десять метров песка и ила, а уж потом — твердые породы. Свая должна быть забита в твердый грунт на десять метров. Вот и считайте, какой длины ноги у эстакады. Впереди глубина моря еще больше: сорок — шестьдесят метров.

— А на каких глубинах вы начинали?

— Это у поселка? Там метров семь. Но раньше и такая глубина с трудом давалась.

Мамед Салманович хорошо знает, что было раньше. Он работает на Нефтяных Камнях с первых месяцев освоения морского нефтепромысла. Хорошо знал Каверочкина — того самого, легендарного...

Имя Михаила Каверочкина известно любому нефтянику, но здесь, на Нефтяных Камнях, оно почитается особо. Мемориальная доска укреплена на его буровой, которая стала чем-то вроде памятника. Бюст Каверочкина стоит в фойе Дворца культуры. Его портрет висит на самом видном месте в музее, который открылся недавно на Камнях... На портрете хорошее, открытое лицо рабочего человека. За то и уважают Каверочкина, что он был настоящим рабочим человеком, первым мастером первой буровой морского нефтепромысла. Он и погиб на рабочем посту, когда во время небывало сильного шторма рухнула буровая.

То место, где стоит первая буровая Каверочкина, теперь уже полностью отвоевано у моря. Привезенный с берега грунт образовал небольшой насыпной остров, и по нему можно ходить, не оглядываясь, не боясь куда-нибудь провалиться. Остров называют непонятно — Чваново. Откуда это название? Связист Толик Пронин так объяснил загадку местной топонимики:

— Официально остров не называется никак, а неофициальных названий два: Чваново и Остров Семи Кораблей. Когда наш нефтепромысел создавался, кто-то — кажется, геолог Бабазаде — предложил затопить у Нефтяных Камней ветхие пароходы, чтобы создать, так сказать, плацдарм для дальнейшего наступления. Один из этих пароходов назывался «Чванов». Потом уже вокруг пароходов насыпали остров. Кстати, об одном пароходе я даже написал стихи. Могу показать...

Ничего удивительного, что старые, проржавелые останки судов вдохновили начинающего поэта. В самом деле, интересная у них судьба: давно обреченные, пароходы вдруг обрели свою вторую жизнь и стали началом морского поселка. Толик Пронин так и сказал об одном из кораблей:

Он стал опорой будущих
дерзаний,
Фундаментом грядущих наших
дней.
Стал первой сваей, первым
основаньем,
Началом наших Нефтяных
Камней.

Сейчас каждый из этих кораблей имеет весьма оригинальный вид. На палубах понастроены домики, торчат антенны, борта облеплены всевозможными лесенками. Идешь по острову, заглянешь за деревянный штакетник — и вдруг вместо окна видишь пароходный иллюминатор. Или из стены рядом с дверью и вывеской «Склад» торчит массивная лопасть винта!

Но скоро эти корабли-ветераны закончат свою долгую службу. Как раз в этом месте должно встать длинное пятиэтажное здание — первая из построек, которые совершенно преобразят Нефтяные Камни. Рабочий поселок будет напоминать уже морской курорт: красивые, светлые здания, просторные комнаты на двух — четырех человек, пляжи, под окнами... Этот проект уже разрабатывается, его эскизный рисунок лежит на столе управляющего нефтепромысловым управлением имени XXII съезда КПСС Бахмы Абишевича Гаджиева. Что же, нефтяники Каспия вполне заслужили такие условия для жизни. Здешние скважины еще долго будут давать нефть, а потом поселок станет опорным пунктом для создания новых, еще более удаленных от берега нефтепромыслов. Кто знает, может, со временем Нефтяные Камни и впрямь станут настоящим курортом.

Но разговор о будущем Нефтяных Камней мы начинали не с проектов. Бахма Абишевич, опытный нефтяник, соратник Каверочкина, с болью говорит о другом:

— Бывает, смотришь с эстакады на море, любуешься и вдруг видишь: радужные пятна плывут. Нефть. Грязное море. Самому страшно становится! Часто говорят, что мы, нефтяники, губим Каспий. Но ведь издавна нефть здесь сама уходила в море, тысячами тонн в сутки! Это общеизвестно. Известно и то, что мы, добывая нефть, способствуем очищению моря — давление в нефтяных пластах падает, и нефть уже не так стремится вырваться из земных недр на поверхность.

Нефтяные промыслы сами по себе, конечно, загрязняют море. И от буровых и от нефтехранилищ плывут жирные пятна. Но теперь не то, что раньше. Сейчас нефтяной фонтан на буровой — это настоящее ЧП, мы давно избавлены от необходимости сливать нефть в воду, потому что резервных емкостей у нас достаточно. Кроме того, сейчас вводится система очистительных сооружений стоимостью в четыре с половиной миллиона рублей. Способов борьбы с загрязнением моря много. Мы, например, думаем о том, как уничтожать плавающие по морю радужные грязные пятна, скоро попробуем осуществить свои замыслы. Нет, будущее Каспия нам далеко не безразлично. Мы много, очень много берем у моря, оно стало нашим домом, и не в наших интересах обеднять свое жилище...

За кормой «Волгограда» кружились чайки. Свайный поселок становился все меньше и меньше, и только буровые вышки стояли у горизонта, как часовые.

— Больше всего люблю смотреть на Нефтяные Камни вот отсюда, с кормы!— ухмыльнулся молодой нефтяник с чемоданчиком в руке и оглянулся — поняли ли его? Как не понять: целых полмесяца человек не видел свой дом, близких, не трогал рукой землю. Как не понять: человек работал две недели без выходных и праздников, а теперь его ждет отдых.

— Взял бы да и рассчитался, если море надоело,— предложил я.

Остряк посмотрел на меня повнимательнее. Наверное, не сомневался, что я тоже возвращаюсь с промысла после вахты.

— Ты или новичок, или сам сбежать собрался, если так о море говоришь! — И ушел вниз, в салон.

Плыл по Волге катер

Прошлым летом в столице был дан старт увлекательному и необычному путешествию. Молодые москвичи, В. Галченко, Р. Манучарьянц, В. Денисов и Б. Смирнов решили отправиться в поход по Волге, по местам, связанным с жизнью и деятельностью Владимира Ильича Ленина. Маршрут Москва — Куйбышев путешественники прошли на лодке с подвесным мотором, сделанным одним из участников похода.

Множество интереснейших мест посетили путешественники. Ногинск, Орехово-Зуево, Владимир, Горький, Казань, Ульяновск, Куйбышев — вот вехи их пути. И везде шли они по следам важных и увлекательных событий, знакомились со славным революционным прошлым нашей страны. Знакомились и с настоящим. Со славной трудовой деятельностью волжан. Особенно интересовала их жизнь тех волжских тружеников, которые, как и они сами, лишены слуха.

Большой репортаж В. Галченко и Р. Манучарьянца об их путешествии, посвященном 100-летнему юбилею В. И. Ленина, был помещен в 3-м и 4-м номерах журнала «Жизнь глухих» за 1970 год. Журнал, издаваемый Всероссийским обществом глухих, разнообразно и интересно повествует о самых разных сторонах жизни людей, лишенных слуха. Об их ударном труде, об участии в художественной самодеятельности, о счастливых судьбах граждан нашей страны.

Н. ВЕРИНА

Рассказ

ПОСЛЕД КАП

Джеймс ОЛДРИДЖ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Окончание.
См. «Огонек» № 23.

Летом Сухой Док часто вылетал оказывать медицинскую помощь на фермы — в эту пору было особенно много травм и увечий при уборке урожая, да и на пастбищах тоже. Он доставлял лекарства живущим на отшибе охотникам, перебрасывал по воздуху пловцов на дальние речные омуты — искать тела утонувших. Теперь он был уже опытным пилотом, умел летать и по ночам. У него в доме была установлена прямая телефонная связь с пожарной охраной, и если приходилось вылетать в ночное время, его доставляли в пожарной машине на аэродром и там, включая прожектора, помогали стартовать и садиться. Он летал и к ветеринарам, когда заболевал молочный скот, и к виноградарям, и к тем, кто разводил цитрусовые. Все это радовало и воодушевляло партию сторонников доктора.

Но и Капитану довелось совершить блестящий, просто дух захватывающий подвиг, который спас от огня наш город. В период горячих летних ветров, после долгой засухи, молниеносный лесной пожар вдруг охватил заросли в верховьях реки. Угроза нависла над полями и в конечном счете над городом. Добрая половина мужского населения выступила на борьбу с огнем на широком фронте, в десяти примерно милях от города. Капитан Э. Элвин Джонс неустанно, день и ночь носился по всему затянутому густым дымом району пожара, наблюдая, уточняя, регистрируя новые очаги огня, и поддерживал постоянную связь с разрозненными группами борющихся с пожаром горожан. По совету Капитана начальник пожарной охраны перенес свой командный пункт на длинную песчаную полосу вдоль берега реки. За одни сутки Капитан по меньшей мере десять раз прилетал туда, когда вокруг этой полосы уже бушевал огонь. И когда все кончилось, когда битва с огнем была выиграна, ни у одного человека не оставалось сомнения в том, что главная заслуга в успехе всей спасательной операции принадлежит Капитану. У него были обожжены лицо и руки, а шелковая оболочка крыльев «Верблюда» выгорела начисто.

За этот подвиг город был так благодарен Капитану, что Совет округа постановил преподнести ему золотые часы. Это и было сделано во время устроенного на сей предмет торжественного обеда. Собственно, идея насчет часов была подана одним местным политиком, имя которого значилось в списке кандидатов на предстоящих парламентских выборах. Но на церемонию в честь Капитана собрались все бывшие фронтовики, деловые люди, торговцы и ремесленники, богатые фермеры, из которых многие жили за десятки миль от города.

Как и следовало ожидать, сторонников Сухого Дока возмутило это торжество: они увидели в нем подчеркнутое официальное покровительство любимчику. Они решили тут же отметить заслуги доктора Дефо, но сделать это совсем по-другому — на публичном собрании в здании Совета округа. Весь персонал городской больницы, дальние фермеры, мелкие плантаторы и довольно пестрый конгломерат горожан, причислявших себя к социально сознательному кругу,— все они заполнили зал Совета, где доктору был вручен рукописный адрес в виде свитка, подписанный более чем тремястами нашими согражданами. Члены организационного комитета, учрежденного с этой целью, попросили моего отца снабдить адрес приличествующим случаю текстом по-латыни, и он отобрал для них цитату из Силия Италика.

Перевод на английский, сделанный тоже моим отцом, был помещен мелкими буквами в самом конце свитка:

«Враждебность — испытание человеку. Только истинно ценное бестрепетно одолевает крутую каменистую тропу к славе».

Не стану говорить об «истинно ценном». Но та враждебность, которая, видимо, возникла все-таки между Капитаном и Сухим Доком, теперь питалась уже не столько стремлением каждого подняться на вершину славы и прочими личными побуждениями, сколько воздействием извне, со стороны обоих лагерей, прочно сложившихся в нашем городе. У горожан были, конечно, и другие интересы и заботы — например, только что появившееся звуковое кино или скандал с продажей опиума в китайской прачечной. Но соперничество Капитана с Сухим Доком — это был предмет особый, неповторимый, захватывающий! Даже мельчайшие подробности соперничества вызывали шум и споры. Даже любовь однажды пострадала от этого. Двое славных молодых людей из уважаемых семей, юноша и девушка, любившие друг друга, признанные очаровательной парой, вдруг порвали друг с другом навсегда после яростной размолвки. Спор возник между ними о Капитане и Сухом Доке. Мы слышали сотню версий о том, что именно говорили они друг другу,— версий, в большинстве своем явно неверных. Но как бы там ни было, результат получился плачевный. Наши Ромео и Джульетта, любившие друг друга всего неделю, уже на следующей неделе смертельно друг друга ненавидели...

Чем больше разгорались страсти, тем все чаще люди обращались к сопоставлению личных достоинств и недостатков Капитана и доктора, уже независимо от того, что и как оба они делали. И тут споры выходили далеко за рамки их соперничества и подвигов в воздухе. Постепенно все городские врачи стали пламенными адептами Капитана и принялись публично осуждать новейшие методы лечения, которые применял Сухой Док, а заодно и его неприятные, вызывающие взгляды на общественные дела. Однажды кто-то намалевал такую надпись на деревянной ограде дома Сухого Дока: «Свихнувшийся пилот, летучее бедствие». Капитана Э. Элвина Джонса, возможно, это и повеселило бы, но он и сам вскоре не избежал подобного сюрприза.

Однажды он ехал на своем «олвисе» мимо реки. Стояла полная темнота, а Капитан снова был под мухой. Вот он и врезался в двуколку одного богобоязненного фермера и сбил ее. Капитан, разумеется, остановил машину, принес извинения, исправил повреждения в двуколке и вручил фермеру банкноту достоинством в один фунт. Это не помогло. Уже в ближайшее воскресенье с кафедры баптистской церкви прозвучала грозная проповедь, призывавшая огонь небесный на греховные головы пьяных водителей машин, а заодно и на всех любителей джина. Не оставлен был без внимания и такой порок, как всеобщее попрание стыда и чести. Вывод из проповеди был тот, что все зло — в соблазнах материализма и в отвратительной терпимости к ересям.

Так споры докатились до таких вещей, как политика и религия. И неважно, кто и как доказывал в этих спорах свою правоту,— просто мы сами выпустили из кувшина этот дух раздора и несогласия, эту жажду вражды и соперничества. И раз уж дело дошло до таких высоких материй, выход из положения рисовался так: либо все кончится трагически, либо вмешается со стороны какая-то более мощная сила. Но мы толком не знали, что же это за сила и когда она вмешается.

Летом 1929 года в наш город приехали две женщины. Вскоре стало известно, что они собираются открыть у нас частную профессиональную школу для девушек. Одна из приезжих была профессором биологии; уйдя в отставку, она задумала создать школу, которая давала бы девушкам — из богатых и вообще приличных домов — практические знания в разных областях науки. Разумелись девушки, способные пройти курс этой школы и по окончании приложить свои силы в области медицины, химии, биологии, эмбриологии или зоологии. Несмотря на уже почтенный возраст, профессор Алисон Макдональд была беззаветно предана этой своей затее. Она появилась у нас по-профессорски строгая, не терпящая возражений, упрямая, с некоторым налетом снобизма и безукоризненно одетая. Одна нога у нее была немножко короче другой, и она ходила, слегка прихрамывая и опираясь на палку.

Ее спутница, бывшая ее студентка, звалась Мэй Плаурайт. Ей было уже лет 26, она имела звание доктора естественных наук. Голубые глаза Мэй, высокий одухотворенный лоб, чудесные вьющиеся, зачесанные назад волосы — все это было как воплощение идеала женской красоты. Такого красивого лица я во всю свою жизнь не видал и до сих пор влюблен в каждую его черту. Хотя многие другие лица заслонили его в моей памяти, внешность Мэй Плаурайт остается у меня до сих пор образцом для сравнения с любой красивой женщиной. Когда она появилась у нас, все молодые женщины и девушки нашего города немедленно стали ее боготворить, любить и завидовать ей. Она знала об этом, но никогда не злоупотребляла этим обожанием.

Но вскоре возникло вокруг Мэй и нечто другое: что-то вроде легкого дуновения

скандала. Наши городские сплетницы усердно принялись искать трещину в засверкавшем у нас алмазе. Повод для этого отыскался. Четырьмя годами раньше жених Мэй был застрелен каким-то молодым морским офицером на крыльце ее родительского дома. Это был один из не столь частых случаев убийства на почве ревности, и о нем вспоминали до сих пор. Мэй было тогда 22, она уже окончила колледж, готовилась к защите диплома и была обручена с молодым врачом, года на четыре ее старше. Морской офицер был соседом ее семьи по пригороду Мельбурна, где жили состоятельные люди, и его с Мэй связывала дружба с детских лет. Он пытался убедить Мэй стать его женой. Потерпев неудачу и на этот раз, он стащил на службе казенный револьвер, пришел к ней и заявил, что тут же покон-

НИЙ ПОЛЕТ ИТАНА

чит с собой, если она подтвердит, что выходит за другого. В эту минуту, на свою беду, появился жених. Он попытался вырвать оружие из рук офицера, раздался выстрел, и пуля пробила врачу навылет легкое. Жених Мэй скончался через два дня.

Было ли это убийство или несчастный случай? Суд, перед которым предстал морской офицер, свелся, по существу, к юридической инсценировке: офицер был молод и богат, его ожидала блестящая карьера — словом, все говорило за то, что надлежит признать несчастный случай и отвергнуть убийство. Однако общее возбуждение, вызванное этой драмой, улеглось не сразу. Хотя офицер был оправдан, а с Мэй было снято какое бы то ни было обвинение, ее красота, сама трагедия и особый привкус всего дела были настолько незаурядными, что все это не могло так просто кануть в небытие.

Наши городские кумушки утверждали, что Мэй Плаурайт явилась в наши края, чтобы укрыться здесь от чего-то еще, тяготеющего над ней. Они находили немного странными и ее приезд вместе со старой, хромой профессоршей, которая не спускала с нее глаз, как ревнивая мать. Толковали и о том, что Мэй и купается-то совершенно нагая, для чего отправляется вверх по реке в своем легком зеленом «форде», и, как ведьма на шабаше, нагишом ныряет и плещется в далеких заводях. Все это был нелепый вздор, но он создавал вокруг Мэй романтический ореол, какого не было, конечно, ни у одной женщины в городе. Мне просто невозможно было думать о пустых развлечениях и о потворстве другим своим слабостям, когда взгляд мой останавливался на этом строгом, одухотворенном лице.

Мэй Плаурайт не оставляла без ответа эти попытки спровоцировать скандал, и тут раскрылся перед нами ее подлинный характер. Она, например, часто останавливала свой зеленый «форд» возле дома самой отъявленной из сплетниц, некоей миссис Освальд Патч (мы ее звали «Питч-патч»). Некоторые утверждали, что Мэй в мельчайших подробностях изложила миссис Патч всю историю с доктором и морским офицером, с тем чтобы та могла при нужде выступать в качестве подлинного и непререкаемого авторитета по этому вопросу. Другие же, наоборот, полагали, что Мэй пригрозила этой даме самым суровым судебным преследованием, если та будет поливать грязью ее имя. Словом, зеленый сверкающий «форд» служил для города как бы вестником того, что делает или собирается делать Мэй Плаурайт. Отмечали, что от дома миссис Патч она не раз поворачивала прямо к конторе моего отца.

Если вы нуждались в настоящем правосудии в Сент-Элене, иначе говоря, в бескомпромиссном, пусть даже горьком для вас толковании закона, вы отправлялись к моему отцу. Он не пользовался особой популярностью и не мог похвалиться высокими доходами от своего ремесла, но любой из наших судей или адвокатов глядел на него с опаской, потому что отец намного лучше их знал свод законов и уголовный и гражданский кодексы и блестяще умел юридически квалифицировать любое дело. Да и выступал он в судебных делах как человек принципа, часто в ущерб самому себе. Он никогда не рассказывал нам, о чем они говорили с Мэй Плаурайт, но немедленно согласился быть ее адвокатом и стал даже ее сторонником, хотя усматривал у нее такой серьезный недостаток, как открытое курение в обществе. Чтобы подтвердить свою веру в Мэй, он записал мою сестру к ней в школу. Злые языки тут же пустили слух, что бесплатно, но я-то знаю, что это неправда.

А главное — Мэй и сама не собиралась пассивно ждать, пока сплетни станут грязнить ее имя. Каждому в городе стало понятно, что она не только даст надлежащий отпор, но что распространителям сплетен очень не поздоровится, если она их потянет в суд. В этой девушке сидел притаившийся тигр.

Поначалу дела с набором учениц в школу шли неблестяще. Но наши состоятельные сограждане вскоре раскусили, что им, в сущности, предлагают небезвыгодное дело, и они ухватились за него. Школа сразу стала пользоваться успехом. Профессор Алисон Макдональд и доктор Мэй Плаурайт назвали свое детище «Замок Бельведер» — приятное, хотя несколько прихотливое имя. Воспитанницы носили летом платья индийского шелка и синие саржевые костюмы зимой. Как и все ученицы «Бельведера», сестра моя стала с особенной страстью изучать биологию и химию, потому что (как она сказала мне через много лет) ей во что бы то ни стало хотелось завоевать любовь Мэй Плаурайт. Две выпускницы впоследствии стали врачами (в том числе и моя сестра), трое — химиками, две — ветеринарами и пять — воспитательницами в детских садах. И на каждой из них словно остался отблеск все тех же голубых глаз Мэй.

Однако самым насущным вопросом для наших городских дам был вопрос о том, за кого же выйдет замуж двадцатишестилетняя красавица. Все они знали, что даже самые наши привлекательные и преуспевающие молодые люди были ей не пара. Некоторые наследники наших богатеев да еще спортсмены из фермерских сынков делали мужественные попытки ухаживать за Мэй. Увы, все их старания были безуспешны.

— Требуется все-таки кое-что еще, кроме умения щелкать орехи в летние вечера, чтобы заарканить мисс Плаурайт,— так выразился один остряк. И он был прав.

Конечно, из всех наших мужчин всего двое обладали достаточно выраженным характером, воспитанностью, деньгами, положением в обществе, наконец, силой ума, чтобы считать себя достойными этой девушки: Сухой Док и капитан Э. Элвин Джонс. Оба они были в цветущем возрасте: доктору было 31, Капитану — 32. У обоих, кроме общественных заслуг, были и человеческие недостатки, но оба, несомненно, были привлекательны для женщин. Оба вели себя одинаково сдержанно по отношению к девицам на выданье и обходили их стороной, словно ожидая, что на их пути встретится что-нибудь более совершенное и достойное их чувства. Теперь это воплощение совершенства появилось. И даже если бы естественное развитие событий не привело их к ее дверям, их подтолкнул бы к ней город. И в самом деле, когда стало очевидно, что оба они имеют виды на Мэй, любая мелочь, связанная с этим несколько несуразным треугольником, стала предметом любопытства, догадок и разочарований у всех мужчин, женщин и девушек нашего города.

Трудно сейчас оценивать степень привлекательности таких мужчин, как Сухой Док и Капитан. Оба были людьми знающими себе цену, но, в общем, довольно простодушными. На стороне Сухого Дока были ум, разносторонние знания, независимость и прямолинейность в общественных делах. Не в его пользу говорили не очень большая физическая сила, худое, очень худое лицо, угловатые манеры. Зато пригодились стоявшие в конюшне лошади: Мэй была горожанкой и не умела ездить верхом, и он, конечно, был счастлив преподать ей несколько уроков. Впервые их увидели вместе именно едущими верхом на докторских полукровках в направлении окраины города. Это был тот день, 5 мая 1930 года, когда английская летчица Элин Джонсон стартовала на одноместном самолете из Англии в Австралию. Кто-то, лишенный чувства юмора и общественного такта, вырезал в этот день на каучуковом дереве изображение сердца, инициалы «СД и МП» и дату. Это было как бы формальным извещением о некоем важном событии в жизни города.

У Капитана были другие преимущества. Отец Мэй был одним из издателей ежедневной газеты в Мельбурне, и девушка жила примерно в такой же среде, что и Капитан. Она имела друзей в кругу той самой молодежи, к которой принадлежал и он. Да и у нас она бывала больше в домах богатых овцеводов или состоятельных горожан, которые, по сути дела, сами искали знакомства с Мэй, а не наоборот. Но сама она, например, не делала тайны из своих добрых отношений с одним нашим «красным» железнодорожником, старым приятным немцем по имени Ганс Дрейзер.

Так день за днем, неделя за неделей мы наблюдали, как треугольник приобретает все больше форму равнобедренного. Когда я вспоминаю об этом сейчас, мне всегда приходит в голову, что Мэй Плаурайт и сама в душе готовилась к тому, что должно было произойти. Дисциплина, работа, целеустремленность, преданность делу — все это нисколько не обесцвечивало ее молодости и красоты. В ней словно било через край предчувствие чего-то желанного. И каждый раз, когда мы ее видели с Сухим Доком или на прогулке в машине Капитана, в этих двух мужчинах угадывалось то же ожидание. Да это было видно и любому постороннему зрителю. Но Мэй, видимо, все продолжала колебаться, она как бы балансировала, не отдавая предпочтения ни одному, ни другому.

Что касается меня, то я отметил некоторую перемену, происшедшую в Капитане. Теперь я уже твердо знал, что был прав и раньше, когда почувствовал в нем что-то неладное. Мне кажется, это было то, что лучше всего распознают женщины и поэты. Не только тайная печаль, но и что-то просто жалкое проступало в нем подчас. Утраченные надежды? Потерянная молодость? Не знаю. Думаю, что Капитан пытался теперь примириться с будущим, у которого нет прошлого. Но для этого он нуждался в помощи — щедрой и всеохватывающей женской помощи, с доброй чуткостью, с самоотверженностью, с мягкой, похожей на материнскую заботой. Видимо, постепенно ему ста-

ло казаться, что все это можно найти в Мэй Плаурайт, в лучших свойствах ее души. Я видел, что нечто серьезное происходит с Капитаном, но не вполне понимал, что это такое.

А Мэй тем временем стала усваивать по отношению к нему некий тон властности.

— Остановите машину здесь!

— Приходите в шесть, а не в семь!

— Сбавьте скорость...

— Нет. Сегодня вечером лучше не приходите.

Виделись они, правда, урывками — так говорили в городе. Но все равно в их встречах уже определялся оттенок близости. Капитан согласился с ролью человека покорившегося. Даже его улыбка стала выражать скорее иронию по отношению к самому себе, чем к другим. Однажды я увидел, как он шутливо склонился перед Мэй с видом полного и смиренного послушания. Да и его по-прежнему прищуренный взгляд теперь уже ловил только одно — щедрое обещание, которое, как ему казалось, излучалось от Мэй.

Сухой Док выглядел потерпевшим поражение в этом состязании. Но, будучи решительным и настойчивым человеком, он не соглашался на роль третьего, плетущегося сзади. Он сделал ставку на незаурядную силу своего ума, понимая, что в этом — его единственное преимущество. А он мог немало здесь предложить Мэй, девушке, вкусившей от плодов научного знания. Сухой Док был мастером своего дела — борьбы за здоровье людей. Ему принадлежали интересные опыты на животных, помогающие ставить преграды туберкулезу; он знал, как воевать за чистоту сливочного масла; ему не чужда была и экспериментальная промышленная химия. Как раз в те дни он делал опыты получения спирта из бросовой соломы, которую оставляли неубранной на тысячах гектаров наших полей. Все это составляло науку, которая больше всего была по душе Мэй Плаурайт. И когда ее приходилось видеть вдвоем с доктором, они разговаривали и спорили с таким горячим оживлением, словно собирались тут же из собственных слов сооружать леса, по которым можно было бы проникнуть в храм истины через окно, со стороны двора. Правда, эта их увлеченность, как и любая мысль Сухого Дока, была скорее порядка практического, и каждая фраза обозначала какое-нибудь полезное действие или интересный профессиональный замысел.

Так обстояло дело, когда воздействие Мэй на обоих достигло полной силы. Я не думаю, чтобы Мэй была влюблена в кого-либо из этих двух. Едва ли была она готова целиком посвятить себя спасению Капитана. Не собиралась она, видимо, и жертвовать для этого своим интеллектом. Но не могла она и согласиться заковать себя в рамки того, что составляло жизненное кредо доктора. Да и не успела она еще по-настоящему понять этого своеобразного человека, который (если бы мы только знали это!) попросту был среди нас представителем новых времен. И Мэй по-прежнему пребывала в положении неустойчивого равновесия, словно ожидая чего-то, что должно помочь ей принять решение...

Помнится, это было 7 октября 1930 года, назавтра после того дня, когда большой английский пассажирский самолет «Р-101», направлявшийся в Индию, врезался в холм возле Бовэ и большинство его пассажиров сгорело заживо. Мне точная дата припоминается еще и потому, что Мэй Плаурайт в тот день догнала меня в своем зеленом «форде», когда я прыжками одолевал грязную после дождя дорогу, ведущую к реке.

— Садись, Кит,— сказала она.— Мне надо поговорить с тобой.

Мне тогда исполнилось тринадцать, и она смотрела на меня тем веселым, ласковым и чуть насмешливым взглядом, каким взрослые смотрят на подростков, когда те приближаются к первой ступени умственного созревания.

— Ты не очень похож на своего отца, правда? — начала она, когда мы двинулись.

Это прозвучало не то как поддразнивание, не то как желание что-то выпытать. И я посмотрел на нее с подозрением: имея такого отца, как мой, приходилось в нашем тороде держаться настороже.

Мэй рассмеялась.

— Не беспокойся, Кит. Мне нравится твой отец. Я хотела сказать, что у тебя не такая голова законника, как у него,— разве не так?

— Да, не такая,— сказал я.— Я не собираюсь быть юристом.

Она не стала задавать мне вопросов обо мне самом, чего я больше всего опасался. И я сидел молча и хмурился, пока мы не добрались до старой железной ограды, дальше которой не полагалось ездить в машине. Я уже собрался вылезать, но она вдруг протянула мне какую-то книжку, лежавшую на сиденье, и сказала:

— Почитай вот это — может быть, тебе понравится. Книжка только что вышла в Англии, мне прислали ее друзья.

Я взглянул на заглавие. Это был Т. Элиот, «Великопостная среда».

— Ты читал Элиота? — спросила она.

— Да. Но я ничего не понял,— откровенно объяснил я.— И он мне совсем не нравится.

— Ну, это ничего,— сказала она, серьезно глядя на меня своими голубыми глазами.— Часто бывает трудно понять что-нибудь, зато потом оно надолго остается в памяти. Прочти-ка книжку снова.

— Хорошо,— согласился я.

Она разгадала, что происходило со мной в эти минуты: я чувствовал себя так, будто ангел нашептывает мне что-то на ухо. Ее же тут не столько занимала поэзия моих чувств, сколько те реальные требования, которые предъявит ко мне новая эпоха. И она знала, что мой отец, воспитанный в духе викторианской Англии, едва ли сможет мне много дать в этом отношении. У нее тут были свои собственные оценки, да и сама она была натурой сложной и к тому же стояла теперь перед трудным решением...

Но этот день как раз и оказался днем решения!

— Сегодня в полдень я полечу с доктором Дефо в его самолете,— сообщила она мне, запуская мотор «форда».— Мне надо наконец побороть страх перед этой чертовой маленькой машинкой.

Я был поражен. Все в городе знали, что она категорически отказывалась от прогулки в самолете. «Я подожду, пока самолеты будут строить из металла и каждый повезет сто человек»,— отвечала она тем, кто принимался вышучивать ее.

— Вы слышали о гибели этого большого воздушного корабля? — спросил я ее, когда машина уже двинулась.

— Да. Это было ужасно. Ужасно! — крикнула она в волнении. И, уже отъезжая, добавила: — Я ненавижу такие страшные вещи.

Я положил книжку за пазуху, перелез через забор и направился к реке. Там, лежа на песке, я часа через два увидел в небе желтого «Верблюда» капитана Э. Элвина Джонса. Машина шла высоко и, словно круглая пила, вспарывала воздух, направляясь к друзьям своего хозяина, на овцеводческую ферму в Мэррей Хилл. Прошло еще около двух часов — и вот уже «Мотылек» нашего доктора упорно, трудолюбиво карабкается вверх над городом.

Сухой Док все набирал и набирал высоту, должно быть, стараясь выбраться из зоны горячих воздушных ям. А может быть, доктор просто хотел показать Мэй окружающий ландшафт во всей его красоте: поля ранней пшеницы, густую черную полосу зарослей и, главное, долину цитрусовых — этот зеленый океан, который омывал нас с трех сторон. Когда они наконец поднялись на большую высоту, я увидел, что Капитан возвращается из Мэррей Хилл. Он, наверное, заметил докторского «Мотылька» и тут же повел свой самолет вверх, почти по вертикали.

Весь город видел, что происходило в этот день в воздухе, но многие даже не пытались разгадать, какие за этим скрывались человеческие чувства. Достигнув высоты «Мотылька», Капитан не перестал набирать высоту и вскоре оказался намного выше самолета доктора. И тут, используя «Мотылька» как движущуюся цель, как воображаемого противника, он молниеносно развернул серию отборных маневров «собачьей драки». Для тех, кто видел, это было как бы наглядной демонстрацией настоящей борьбы истребителей, это была доподлинная страшная действительность войны, жестокая, устрашающая!

«Верблюд» взвивался высоко над «Мотыльком», а потом устремлялся на него почти вертикально, словно стрела, летящая из глубины неба. Я думал в эти мгновения о хищных птицах, которые на лету рвут мясо своих жертв. Когда я слышал визг и завывание мотора «Мотылька», я закрывал глаза, ожидая, что докторский «Мотылек» вот-вот будет разрезан надвое. Но Капитан круто бросал свою машину вверх, проносясь впритирку над «Мотыльком», и мне казалось, что колеса «Верблюда» обязательно должны проехаться по темени Сухого Дока. Тут же Капитан закладывал мертвую петлю, устремлялся в сторону, иногда вверх колесами, или проскакивал мимо носа «Мотылька» на расстоянии дуновения ветерка, как говорят летчики.

Это продолжалось долго и выглядело, как настоящая яростная атака, как расправа коршуна с голубем. Капитан взвивался ввысь, вертелся бочкой, ложился то на одно, то на другое крыло и снова бросался на «Мотылька». И, конечно, о многом, прежде всего о стальных нервах Сухого Дока, говорило то, что он продолжал вести своего «Мотылька» по кругу, не меняя высоты, словно не замечая взбесившегося хищника, когтившего его со всех сторон. Он, должно быть, решил, что спасение — в выдержке, и он твердо сносил всю эту пытку — как стойкий воробей или стойкий кролик из сказки. Он был неподатлив на безрассудство.

Глядя на события в небе, мы понимали, что Капитан, в сущности, ведет себя глупо. Он ведь не мог не знать, что в самолете доктора сидит на переднем месте Мэй Плаурайт. Только позже мы узнали, что всякий раз, когда Капитан бросался на них, Мэй в страхе пряталась с головой в кабину. Среди сотен людей, стоявших на улицах, нашелся и такой, который закричал во весь голос:

— Да ведь в самолете о н а, ты, проклятый болван!

Что касается меня, то, наблюдая все это, я как-то не думал о Мэй Плаурайт. Я думал о Капитане и о том, почему он так поступает. Говорили потом, что он был пьян, но он не был пьян. Я-то понимал, что Капитан просто решил в последний раз перешагнуть границу в свое прошлое. В этот тихий, теплый воздух он вписывал эпитафию своей окончательно исчезающей молодости. Так понимаю это теперь я и думаю, что понимаю правильно. Но, может быть, это был и последний протест против скучной прямолинейности и застывшей неподвижности окружающего его мира? Или его охватил вдруг гнев при мысли о том, что с переменой в своей судьбе он лишится навсегда любимых предрассветных взлетов? Но где бы тут ни таился глубинный источник, Капитан посылал в этот день свой прощальный привет небу, словно найдя наконец нечто другое, способное заменить ему этот голубой простор...

В конце концов, проделав то, что хотел сделать, Капитан еще несколько раз перевернулся через крыло возле «Мотылька», поднял «Верблюда» стоймя вверх, потом вертикально ринулся вниз и перешел в штопор, который привел его чуть ли не на самые крыши города. Все это выглядело так, словно действует не машина из металла и дерева, а живое существо из мышц и нервов. В сотне футов над нами Капитан выровнял машину, набрал еще немного высоты, потом стал мягко снижаться над аэродромом и сел, как птица.

Мы все инстинктивно чувствовали, что это конец, и все-таки, затаив дыхание, ждали еще чего-то, что подтвердило бы это. Что подумает, что скажет она? Что она станет делать?

Мэй Плаурайт вышла из самолета доктора совсем больная, смертельно бледная, дрожащая. С неделю она нигде не появлялась, и мы не знали, что это должно означать. Потом мы увидели ее снова, совсем такую же, как прежде. И вести себя она продолжала по-прежнему. Только никто больше не видел ее с Капитаном. Хотя и с Сухим Доком она тоже долго не встречалась.

Но Сухой Док был упрямым человеком. Он своим разумом завоевал то, чего не смог завоевать Капитан своей романтикой. Прошло лето, минула осень, наступила новая весна, и всем стало ясно, что Мэй Плаурайт влюблена и что любит она глубоко и сильно. Это не было неожиданным и вовсе не похоже было на вспышку молнии. Это рождалось минута за минутой, час за часом, день за днем. Да иначе и не могло быть у Мэй с таким человеком, как Сухой Док. Право же, было одно удовольствие видеть их вместе, перед тем как они уехали из нашего города. Разговаривая, они были похожи на две умные, совершенные машины. Они были целиком погружены в замыслы и предсказания и словно заранее испытывали, смогут ли быть всегда разумными и здравомыслящими, полезными и жизнестойкими.

А Капитан?

Он кончил жизнь так, как часто кончают очень храбрые люди. Он пережил свою мечту, оставил навсегда позади свою молодость. И он еще долго продолжал жить среди нас, заметно тускнея с каждым днем.

Перевел с английского
Л. ЧЕРНЯВСКИЙ.

Нестареющее сердце

Идет крылатый металл.

ПЯТЬ ТРУДОВЫХ, ПЯТЬ ГЕРОИЧЕСКИХ ЛЕТ

Под этим девизом «Огонек» начинает путешествие по стране. Нашим путеводителем будут Директивы XXIII съезда КПСС. Наша цель — рассказать о рубежах, достигнутых народным хозяйством сегодня, когда близится XXIV съезд КПСС, когда завершается подготовка плана на следующее пятилетие.

«...ускорить строительство и ввод в действие мощностей на Красноярском и Братском алюминиевых заводах...» — сказано в Директивах.

Итак, Братск...

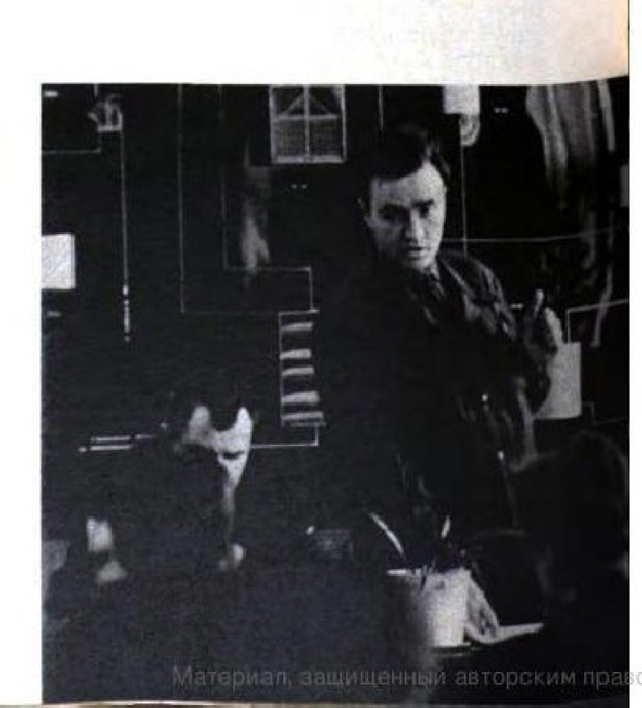
Ю. КРИВОНОСОВ, специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Незнакомы мне этот город и это море. Хотя бывал я тут и сравнительно недавно — всего одиннадцать лет назад. Но тогда и этого нового города не существовало и не пело море Братское: не было его. И почти никто не знал, что Марчук играет на гитаре, потому что еще не написала своих таежных песен Александра Пахмутова. И не было в ходу песни-лозунга «Главное, ребята, сердцем не стареть!». А теперь слова эти начертаны на серебристой арке, что шагнула через шоссе на подъезде к Братскому алюминиевому заводу, кратко именуе-

Люда Дедова и Леонид Шахматов работают на новой установке.

Обсуждается план технического прогресса.

мому БРАЗом. Тогда, в году пятьдесят девятом, зима стояла здесь лютая; помнится, за две недели моего пребывания в Братске столбик в термометре так и не поднялся выше минус пятидесяти. Но не застыла жизнь — кипела работа в котловане строящейся плотины, шла подготовка к перекрытию Ангары, до которого оставались считанные месяцы. Помню, как бродил я по дну будущего моря, по диабазовым плитам, на которые потом легло могучее тело плотины, и, оглушенный шумом невиданной стройки, отогревал за пазухой поминутно замерзающий фотоаппарат. Теперь здесь тишина, только плещет вода, выходящая из-под турбин. И вот стою я на том же месте, у подножия плотины, и вспоминаю неистового протопопа Аввакума, три столетия назад написавшего о здешних местах: «Горы высокие, дебри непроходимые, утес каменный, как стена, стоит, и поглядеть заломя голову...» Только так, заломя голову, и можно смотреть нынче на плотину, взметнувшуюся выше береговых скал.

Взлетают веером от здания ГЭС на высокий берег тяжелые провода, и бежит по ним ток, которого уже выработано здесь столько, что дважды окупились все затраты на строительство. Идет отсюда энергия и на Братский алюминиевый завод, ставший гигантом нашей цветной металлургии, одной из тех звезд, что совсем недавно засияли на карте советской индустрии. Тогда, в пятьдесят девятом, о нем в Братске еще и разговору не было, а летом шестьдесят шестого он уже выдал первый металл.

Показали мне на заводе фотоальбом, где отражены все этапы его истории, от первых забитых в землю свай. В альбоме том снимки строительных работ перемежаются с таежными пейзажами и даже с фотоэтюдами.

«Эге,—подумал я,—тут не обошлось без лирика!»

А через день встреча с автором альбома, заводским фотографом Васей Артеменко, подтвердила, что этот в прошлом одессит, а теперь уже коренной братчанин действительно лирик да плюс еще романтик. На мой вопрос, почему он сюда приехал, он ответил:

— Ты помнишь, как звучало слово «Братск»?

А вот Владимира Жидовинова при всем желании ни к романтикам, ни к лирикам не причислишь. И вы сейчас поймете почему. Владимир пускал первую на заводе электролизную ванну, или, иначе говоря, электролизер. Было это 15 июля 1966 года. Это в жизни Владимира уже четвертый алюминиевый завод — после Новокузнецкого, Иркутского и Красноярского,— а лет ему всего тридцать два. Четвертый не потому, что пришла ему «охота к перемене мест», а просто таков закон новостроек — собирать на пуск и освоение опытных специалистов с родственных предприятий. По такому вот вызову прибыл и он. И не один, а вчетвером: брат и сестра с мужем. И трудятся все на БРАЗе: мужчины — электролизниками, сестра — старшей рабочей. Я так и не добился от Владимира, что он чувствовал при пуске первого электролизера, а следовательно, и всего завода.

— Да ничего я не чувствовал!— досадливо отмахивается Влади-

Алексей Герасимович Кашеваров, кавалер ордена Ленина.

мир.— Ванны мне пускать не впервой, да и некогда тут чего-то чувствовать. Жара на улице была градусов тридцать, а у пусковой и все пятьдесят, небось. Народу собралось множество, как на представление какое, не так что сделай — осрамишься. Не до переживаний тут! Ванны большие, не в пример другим заводам. Электролита надо много, а где его возьмешь, раз ванна первая? Сделали печку, наплавили ковша два и пустили... Без всяких происшествий пустили, и до сих пор она работает, вот уже почти четыре года без капитального ремонта. Обычная ванна, да и номер-то у нее не первый, а двадцать четвертый, как по ряду стоит... Ну, когда получили первый металл, из литейного приехал выливщик с ковшом, вылил и поехал себе, как положено. А в литейном, конечно, митинг. Отлили торжественно первую чушку. Теперь она в техническом кабинете лежит, на память. Может, видали?

Я видел. Серебристая такая, искорками поблескивает, словно весенний наст...

— Ну, а почему все-таки именно вам доверили пуск?

— Трудно сказать. Любой мог пустить — Иванов, Петров, народ собрался опытный. Просто уж так досталось нашей бригаде.

Разговор этот происходил утром, и только вечером я понял, почему все-таки выбрали Владимира Жидовинова. Понял, побывав на тренировке заводских штангистов, секцию которых организовал и возглавляет Владимир. Это его давнее увлечение, но лишь в Братске он занялся штангой капитально: видно, легковат для этого могучего парня из Чувашии металл алюминий. Стоило посмотреть, как он работает со штангой, как умеет собраться, сосредоточиться, отсечь все не относящиеся к делу чувства! И вот тут стало понятно, почему выбор пал на него...

Алюминий, грубо говоря, получают так. Электролитом служит расплавленный криолит, находящийся в ванне. В нем растворяют глинозем и через расплав пропускают электрический ток большой силы. Под действием его выделяется алюминий и опускается на дно ванны. Оттуда его извлекают вакуумным ковшом, похожим на огромный чайник с длинным, повернутым вниз носиком-хоботом. Ковш подключается к вакуум-системе и высасывает алюминий из ванны своим хоботом точь-в-точь, как это делает пчела, собирая цветочный нектар, только нектар здесь расплавленный. Процесс идет непрерывно, вот и летают по корпусам от ванны к ванне подвешенные к кранам пчелы-ковши, запускают в них свои хоботки, и стекается весь взяток в улей-литейку, где превращается в пятнадцатикилограммовые чушки или трехтонные слитки.

Впрочем, не так-то уж все это просто. Существует, например, такая каверзная вещь, как анодный эффект. Но, говоря о нем, никак нельзя обойти Люду Дедову и систему автоматического управления. Это специализированное электронно-вычислительное устройство. Его назначение — контролировать и регулировать технологический процесс, а заодно управлять производством. А назначение Люды Дедовой—работать на этом устройстве. Приехала она на БРАЗ совсем недавно с Урала сразу после окончания техникума. Братск ей понравился:

— Здесь все строится и все впереди. Понимаете, все еще только будет. И будет потом что вспоминать, потому что и город молодой и мы молоды. И завод тоже еще весь впереди. Сейчас он крупнейший в стране. А через год завод станет еще больше. И не прекратится на том его рост. Все мы растем: и я и завод... И к семьдесят пятому собираемся закончить его строительство. А мне тогда будет уже целых двадцать пять лет... Меня тут больше всего масштабы потрясают, может, потому, что сама я, как видите, ростом невелика. Вошла в корпус, и дух захватило: высота что дом пятиэтажный, корпус широкий, просторный. Красиво и чисто. Очень удобно работать... Многое зависит, конечно, от опыта электролизников. Возьмите хотя бы анодный эффект. Вредная это штука: когда в ванне уменьшается концентрация глинозема, напряжение резко возрастает — в пять, а то и восемь раз, а выход алюминия падает. Ужасно большие потери энергии. Электролит разогревается так, что ванна вспыхивает. Тут и приходит на помощь система автоматического управления. Она мгновенно обнаруживает анодные эффекты и сообщает о них электролизникам.

— Ну, а как же все-таки ликвидируются эти зловредные эффекты?

— Ликвидировать их — дело нехитрое. Вся штука в том, чтобы вовремя заметить,— объясняет мне бригадир Николай Теньков, а сам шурует в ванне деревянной жердиной.— Суешь вот эту палку, она загорается, начинается бурное выделение газа, содержимое ванны при этом хорошенько перемешивается. Концентрация глинозема приходит в норму... Ну вот и порядок! — Теньков выдергивает изрядно обгоревшую жердину, сбивает с нее огонь и аккуратно кладет на ухваты, приклепанные к стенке ванны.

— Недаром, видать, вашей бригаде за прошлый год первое место по заводу присудили,— смеется Сергей Солнцев, начальник бюро технической информации, который знакомит меня с производством, и объясняет: — Ведь они что удумали! Завод с прошлого года перешел на новую систему планирования, а ныне ввели мы и бригадный хозрасчет. Так они теперь даже на жердях экономят, дожигают их, можно сказать, до нуля!

— А ты зубы не скаль! — Теньков делает вид, будто сердится, но не выдерживает тона.— Курочка-то, она по зернышку клюет... Тут сбережем, там сэкономим, знаешь, сколько набежит? Заводище, он вон какой! Я раньше в Шелехове работал, тоже все новый завод, в шестьдесят первом пустили, так по сравнению с нашим — прошлый век...

Я достаю из сумки фотоаппарат, нахожу хорошую точку, нажимаю на спуск — не работает. Беру вторую камеру — то же самое. Что за черт! И часы стоят...

— Совсем забыл предупредить,— спохватывается Сергей,— тут у нас сильнейшее магнитное поле.— Он достает из кармана всякую железную мелочь — гвозди, скрепки, проволоку, разжимает кулак, и тотчас все эти вещи занимают на ладони вертикальное положение.— Представляете, какое здесь раздолье было бы факирам: пропустил внутрь веревки железную проволоку и показывай классический фокус — стоящий канат... В общем, товарищ корреспондент, в ваших аппаратах все стальные части «поклеились». А знаете, почему такое сильное поле? Ток-то через ванны проходит — сто шестьдесят одна тысяча ампер!

После всяких сложных манипуляций с аппаратами снять кое-что все-таки удалось, магнитное поле я перехитрил.

— Великая вещь — рационализация,— заключает Сергей. Это его конек: он ректор заводского общественного института технического прогресса. К Сергею весь день подходят люди и суют какие-то бумажки, а один даже сказал:

— На тебе мои недостатки!

В чем дело? Оказывается, идет подготовка к обсуждению плана заводского технического прогресса на ближайшие пять лет. Только в нынешнем году технический прогресс даст два миллиона рублей экономии, высвободит двести пятьдесят человек обслуживающего персонала, сбережет пять миллионов киловатт-часов электроэнергии и полторы тысячи тонн дефицитного сырья.

Прошлый год тоже был урожайным: три новых корпуса вступили в строй и достигли проектной мощности не за год, как это планировалось, а втрое быстрее. В результате по итогам четвертого квартала БРАЗ вышел на первое место среди алюминиевых заводов страны.

И все это делают люди, которые не так-то уж и давно приехали в Братск: тех, кто проработал на БРАЗе пять лет, считают ветеранами. Лишь один из моих собеседников смог вспомнить со мной братскую старину — Александр Лукич Макаров, заместитель директора завода по кадрам и быту. И есть в этом железная логика: еще в пятидесятые годы Александр Лукич работал здесь инструктором горкома комсомола, ему, как говорится, и кадры в руки.

— Люди к нам по-разному приезжают. Специалисты — по вызову или распределению, молодежь — с путевкой комсомола. Иные — из любопытства. А есть и такие, что за длинным рублем...— Александр Лукич сердито показывает, за каким длинным рублем приезжают.— Только ведь и такого можно раззадорить, да так, чтоб он про копейку забыл и общему азарту поддался. С технической легче — там на все чертеж есть, все сразу видно, а человека враз не узнаешь, только в общих чертах. И чертеж на каждого не сразу составишь: приглядеться надо... А из всех этих людей, разных, несхожих, должен сложиться коллектив. И все заново, традиций-то еще никаких... В общем-то народ в Братск едет охотно. Видал ты где-нибудь, чтобы человек за полтора года до пенсии в другой город перебирался, работу менял? А вот у нас есть такой, и не из-за денег приехал. И заработок у него там добрый был и почет — награжден орденом Ленина. Сходи-ка в ремонтно-механический цех, поговори с ним, Кашеваров по фамилии...

— ...Почему приехал? — Алексею Герасимовичу Кашеварову, видно, не впервой отвечать на этот вопрос.— Сибирь решил посмотреть и внести свою лепту в ее освоение. Всю жизнь флоту отдал, по профессии я слесарь-судостроитель. И на Севере работал и на Дальнем Востоке, а вот в Сибири не был.

— По морю не скучаете? По настоящему?

— А здесь чем не настоящее? У него и норов свирепый и глубина, с ним тоже ухо востро держи. И старая специальность моя пригодилась: скоро начну строить по своему проекту быстроходный катер для водных лыжников. Полагаю, километров до семидесяти выжимать будет. Потом наметил сделать большой прогулочный, это уж для рабочих нашего цеха. Словом, не расстался я с судостроением... А край тут хороший и с большой перспективой. Помните, еще Ломоносов сказал, что богатство России будет прирастать Сибирью. И уже прирастает, видите, какой город отстроили, любо-дорого...

И верно, славный город. Хожу по его прямым, как стрелы, улицам — каждая из них у тайги начинается и в тайгу же упирается — и всему радуюсь. Дома стоят просторно и не по шнурочку: какие вдоль улицы, а какие косячком, весело смотрятся. Корпуса молодежных общежитий соединены галереями с кафе. А сколько цветов! Они повсюду — в квартирах, столовых, магазинах. И лучший магазин в городе — «Детский мир», наверное, потому, что по рождаемости город занял первое место в Союзе... Когда кончается смена, люди едут с завода домой на электричке, новенькой и уютной, где распоряжаются молоденькие кондукторши в черных форменных шинелях с сияющими пуговицами. Вечерами солнце поджигает сосны, стоящие у домов, и они вспыхивают огромными красными свечами. И красные огоньки усыпают телевышку, словно ягоды смородинный куст. И в небо опрокинута серебряная чашка «Орбиты» — око, которым Сибирь смотрит Москву.

Идет с работы народ. Девчата в спецовках толпятся в магазине тканей — выбирают себе самые радостные и жаркие тона. Небось, как разоденутся — краше их во всем свете не сыщешь!

И удивителен этот город тем, что здесь даже зимой, в лютый мороз, повально едят на улице мороженое, а молодежь гоняет по снегу на мотороллерах. Сила этого города в его юности. Уже второе место по области заняли штангисты БРАЗа, а парашютисты — первое; люди, делающие крылатый металл, и сами обретают крылья. Недавно комитет комсомола завода постановил: весь состав комитета обязан совершить прыжок с парашютом. Вместе с комсомолией решил прыгать и секретарь парткома Борис Поднебесный. Обычно парторги таких крупных заводов — люди в годах, умудренные и убеленные. А Борису и тридцати лет еще нет. Но ведь это Братск! Этот город знают во всем мире...

Тот репортаж о Братске, что был напечатан в «Огоньке» одиннадцать лет назад, мы назвали «Сердце Ангары». И вот, снова побывав здесь, я почувствовал: сердце это по-прежнему бьется молодо и горячо. Не стареет оно, боевое комсомольское сердце...

Илья Глазунов. ДВА КНЯЗЯ.

РУССКИЙ СЕВЕР.

Илья Глазунов. НОВГОРОД.

ПЕЙЗАЖ.

Тема Родины, верности патриотическим традициям, рассказы о героических подвигах на фронтах Великой Отечественной войны и о том, как мужают, закаляются характеры молодых наших современников, встречаются во многих произведениях прошедшего года.

Писатели, разные и непохожие по своим творческим манерам, в чем-то очень близки друг другу, когда начинают разговор о Родине,— наверное, своей верностью высоким патриотическим идеалам, тягой к нравственно чистому и духовно богатому герою, осознанием стойкости, непобедимости своего народа.

На всесоюзном совещании по военно-патриотической литературе многие выступающие говорили о военной теме как об одной из главных и первоочередных задач нашей идеологической работы. Серьезно и вдумчиво было сказано об этом в докладе Вадима Кожевникова, в выступлениях генерал-полковника М. Калашника, А. Суркова, С. Михалкова, Ю. Збанацкого, Ю. Бондарева, С. Баруздина, Л. Соболева и других.

В частности, М. Калашник говорил:

— Справедливый, освободительный характер Великой Отечественной войны, сама ее героическая суть не могли не вдохновить советского художника, не дать ему в руки, по выражению Александра Довженко, сюжеты необыкновенные, взывающие к художественной обработке. С другой стороны, правдиво и ярко воссозданный боевой подвиг как проявление социалистического патриотизма и высокой идейности советского человека получает как бы второе рождение, вооружая молодежь гордостью и силой нравственного примера. Значение победы Советского Союза и его Вооруженных Сил над фашистской Германией многогранно и необъятно: художники слова всегда будут черпать в ней благодарный материал для творчества. В наши дни она приобрела исключительную актуальность, большое политическое, идеологическое звучание, особую классовую остроту...

Действительно, за последнее время появились произведения, в которых по-новому, свежо прозвучала тема всенародного подвига в годы Великой Отечественной войны.

Тема Родины — ведущая в повести Виктора Курочкина «Двенадцать подвигов солдата» (журнал «Молодая гвардия»).

Двенадцать рассказов Богдана Сократилина, из которых и состоит повесть, относятся к той горестной, начальной поре войны, когда наши войска отступали по всему фронту. Некоторые литераторы, описывая этот период, словно бы взяли за правило останавливаться лишь на наших неудачах, только на них и сосредоточивать все свое художническое внимание. В. Курочкин относится к тем художникам-реалистам, которые пытаются представить военную действительность в разных ее гранях.

Казалось бы, привычен сюжет повести В. Курочкина: в заштатный городишко приезжает начинающий журналист и будущий писатель, снимает комнату, а через некоторое время узнает, что рядом с ним, в той же квартире, живет самый настоящий герой Великой Отечественной войны Богдан Сократилин, который за годы своей солдатской жизни удостоен двенадцати боевых наград, из них девять медалей «За отвагу».

Виктор ПЕТЕЛИН

Окончание. Начало см. в № 23.

Может быть, несколько привычное начало повести чуть-чуть настораживает читателя: ведь столько уже прочитано о войне. Но потом интерес к ее содержанию начинает возрастать, привычная форма только помогает следить за развитием событий и развертыванием характера героя, углублением его черт и свойств. Главный интерес повести не в событиях. Как раз событийная сторона повести мало оригинальна: бегство из плена, выход из окружения на захваченном у немцев танке и связанные с этим драматические эпизоды и переживания — это не раз было предметом изображения. Весь интерес повести — в личности Богдана Сократилина. В. Курочкину удалось создать образ человека, в существование которого автор заставляет поверить: настолько его герой предстает перед нами живым, во плоти, реальным. И грубость и нежность, стыдливость и храбрость, мужество и чувство безысходного страха — все эти и многие другие качества, переплетаясь, создают причудливый в своей индивидуальности, многогранный мир простого русского солдата. И очень своевременны, думается, чистосердечные слова Богдана Сократилина: «Есть люди, которые всячески поносят армейскую службу за то, что она якобы тяжелая, грубая, оскорбляющая человеческое достоинство. Должен вам заметить, что это бред сивой кобылы, жалкие слова маменькиных сынков и разгильдяев. Воинская служба — дело легкое и даже приятное. Надо только выполнять устав и беспрекословно слушаться командиров. Тогда все пойдет как по маслу...»

Какой-то неповторимой сердечностью, неподдельным лиризмом, глубиной и проникновенностью человеческого сопереживания пронизан рассказ Евгения Носова «Красное вино победы» (журнал «Наш современник»). Действие здесь происходит в госпитале. Раненые встречают первый день Победы, но это только внешняя, событийная сторона рассказа. Весь интерес рассказа — в психологии действующих лиц. Тема Родины, родного дома со всеми мельчайшими подробностями мирного быта — главная в рассказе. С разных сторон сошлись сюда люди разных национальностей, разных возрастов. И каждому кажется, что нет милее и прекраснее места, где он родился.

Роман Ивана Акулова «Крещение» (журнал «Молодая гвардия») интересен, на мой взгляд, тем, что в нем показано, как исподволь входит война в жизнь солдат. Уже гремят бои на Смоленщине и Днепре, враг обложил мертвым кольцом Ленинград, а где-то в тылу, на Каме, готовятся к фронту солдаты. И автора интересует не столько боевая выучка их, сколько моральное состояние бойцов, знающих, что ждет их великое испытание, а может, и смерть. По-разному ведут себя люди, по-разному думают, но есть у всех у них гордое сознание своей значимости: мы, и только мы, можем отстоять Отечество, больше этого сделать некому. Герои Ивана Акулова — живые люди, все они хотят жить, потому что все они молоды. Когда познакомишься с ними поближе, то овладевает нетерпение узнать: а как эти простые, любящие жизнь, необстрелянные солдаты встретят первый бой? Выстоят ли они? Не дрогнут ли? А не покатятся ли они из-под Брянска на Орел, а из-под Орла на Оку и Рязань? Ведь война. Фашистская военная машина ломит и ломит на Восток.

И вот первый бой. И опять мы видим и робость, и сомнения в победе, и страх перед немецкими танками, и ужас при виде первых жертв, но видим и то, что, боясь и робея, русские ребята насмерть стоят на своих рубежах. Крещение огнем и железом состоялось. Здесь нет героев-одиночек. Здесь все равны, все приняли бой как необходимое и неизбежное. Позднее рассудительный Минаков скажет своему другу Урусову:

«— Молодые, которые уцелели, сами в ротные годятся. Академия. Погоди, обстреляется народ. Озвереет. Комполка сводку вчера подписывал: на каждого нашего убитого по три немца приходится. Россия!»

Да, полк Заварухина, который в центре по-

вествования, после тяжелых боев отходит. Но там, где он стоял, остались три полка немцев, которые не пойдут больше на Восток.

Постепенно мужают, набираются нелегкого боевого опыта люди в шинелях и становятся воинами, а потом и героями, без слов, порой не сознавая своего героизма.

Иван Акулов в своем романе создал ряд удачных и запоминающихся образов, которые влекут своей человечностью, простотой и в то же время психологической сложностью.

Совсем в другой манере написана повесть Бориса Васильева «А зори здесь тихие...» (журнал «Юность»). Та же война, те же сражения, та же кровь, пролитая за Отечество. Но автор нашел и свою тему и своих героев.

Неповторима своей исключительностью ситуация, в которой оказались герои этой небольшой повести: старшина Федот Васков и пять девушек-зенитчиц должны задержать двух диверсантов, прокравшихся в наш тыл. Старшина умело действует, проявляет смекалку, ловкость, сноровку таежного охотника-промысловика. По еле заметным признакам догадывается, куда и зачем могут пойти диверсанты. Огромный материальный и моральный урон они могут нанести нашим, если их не остановить. Федот Васков нисколько не сомневался в выполнимости задачи, полностью полагаясь на самого себя, так как прекрасно владел любым оружием. А девушки, надеялся он, станут посерьезнее, когда пройдут через первое испытание. Так что старшина Васков преследовал и, если так можно сказать, воспитательные цели: уж больно они разболтались, ведут себя не как бойцы Красной Армии (дело происходило в 1942 году), а как девчонки-хохотушки. Во время перехода старшина с ними строг, то и дело отдает команды и приказы, требуя непременного выполнения уставных положений. Девушки хоть и подтрунивали над строгим старшиной, но, конечно же, уважали этого мужественного, стойкого человека. И действительно, впервые Федот Васков растерялся только тогда, когда увидел шестнадцать прекрасно вооруженных диверсантов, а докладывали только о двоих. Шестнадцать автоматов против пяти винтовок образца 1891 года да еще нагана и трофейного кинжала. Есть над чем задуматься старшине. В итоге Федот Васков выигрывает сражение, но какой ценой: одна за другой погибают все девушки. Тяжко на душе у Федота Васкова: «Положил ведь я вас, всех пятерых положил, а за что? За десяток фрицев?» — признается он смертельно раненой Рите.

«— Ну, зачем так... Все же понятно, война...

— Пока война, понятно. А потом, когда мир будет? Будет понятно, почему вам умирать приходилось? Почему я фрицев этих дальше не пустил, почему такое решение принял? Что ответить, когда спросят: что ж это вы, мужики, мам наших от пуль защитить не могли? Что ж это вы со смертью их оженили, а сами целенькие? Дорогу Кировскую берегли да Беломорский канал? Да там ведь тоже, поди, охрана, там ведь людишек куда больше, чем пятеро девчат да старшина с наганом!

— Не надо,— тихо сказала она.— Родина ведь не с каналов начинается. Совсем не оттуда. А мы ее защищали. Сначала ее, а уж потом канал».

Федот Васков мог бы отказаться от последнего боя, никто бы не осудил его, он ранен, плетью повисла левая рука, умирает Рита, где-то недалеко смолкли последние выстрелы Жени, но ненависть к фашистам и любовь к Отечеству помогали ему драться: им овладело такое чувство, «словно именно за его спиной вся Россия сошлась, словно именно он, Федот Евграфыч Васков, был сейчас ее последним сыном и защитником. И не было во всем мире больше никого: лишь он, враг да Россия».

Федот Васков вместе с Богданом Сократилиным, вместе с героями Ивана Акулова бесстрашно становится в ряды защитников Родины. Все эти герои, созданные очень разными по своей творческой индивидуальности художниками, воплощают в себе лучшие черты русского национального характера. Этим они нам и дороги.

* * *

Казалось бы, художники слова давно ответили своим творчеством на главный вопрос: каким должен быть литературный герой — таким же, как в жизни, сложным, противоречивым, когда новое в нем уживается, борясь со старым, или художник может искусственно возвысить человека, перестраивающего жизнь, отбросить все старое, что мешает ему без трудностей стать носителем новой морали, новых нравственных идеалов?

Жизнь действительно наполнена не только радостями и успехами; каждому человеку приходится испытывать горечь неудач и житейских компромиссов. Следовательно, палитра художника должна обладать разнообразием красок, чтобы запечатлеть все тона и оттенки многогранной и полнозвучной жизни.

К сожалению, чуть ли не модной на какой-то срок стала та литература, в которой жизнь предстает безрадостной, переполненной ужасами, страхом, бессилием человеческого разума преодолеть тяготы и невзгоды, выпадающие на долю человека. В этих произведениях люди бессильны победить торжествующее зло. Достаточно напомнить, к примеру, такие произведения, как «Школьный спектакль» В. Каверина и «Три минуты молчания» Г. Владимова, опубликованные теперь уже в старых (прошлых лет) номерах журнала «Новый мир» и получившие суровую оценку критики, чтобы понять, насколько настойчиво такие тенденции пытаются упрочить свои позиции в современном литературном движении.

В любом событии можно раскрыть какие-то черты своего современника, идет ли он на свидание или в разведку, стоит ли у мартена или на вахте рыболовного траулера, думает ли о матери или о государстве как таковом. Суть дела часто не столько в событиях, которые служат основой произведения, сколько в умении проникнуть в дух времени, уловить его и передать в конкретных, исторических чертах, суть в идейной и нравственной позиции писателя. И одновременно с этим значительность произведения зависит и от избранного сюжета. Писатели «критического» направления редко избирают крупные события современности как объект своего осмысления. И не удивительно, что в их произведениях мелкие события и мелкие люди.

Молодой писатель Ю. Щеглов, автор повести «Когда отец ушел на фронт» (журнал «Новый мир»), обратился к далеким дням своего нелегкого детства, сосредоточив все внимание на неустроенности, тягостности быта времен войны, душевной черствости людей. Во время эвакуации маленький герой повести и его мать попали под бомбежку. Что случилось с матерью, мальчику неизвестно. С этого утра начались его скитания.

«Плутал по улочкам, залезал в простенки между домами, прятался за мусорными ящиками, в дворовых уборных — и все напрасно! Обязательно кто-нибудь спугивал, куда-то тащил; я вырывался, убегал». Одиноко и бесприютно чувствует себя маленький герой. Только «путейка» Прасковья да бывший уголовник проявили к нему какой-то интерес. Да и то не по благородству своих душ, своего характера, а просто от скуки, ради развлечения. «Чернявый» уголовник, пообещав дать ему леденец, тут же равнодушно забывает об этом. Мальчишке хочется считать его своим новым другом, но тот занят иным: «Он подцепил чемодан и поискал кого-то глазами, но не нашел. Я даже прижал руки к груди: вот он — я! Он поймал мой взгляд и улыбнулся: ах, да — ты!» «Чернявый» вместе с другими мужчинами уходил на призывной пункт. И мальчик все время думал: «А вдруг чернявый обернется и позовет — но он не обернулся и не позвал». Мальчишка догнал его, «приблизился к нему и замер, как легавая», ожидая тепла, ласки, хлеба. Но ничего, кроме холодного, пустого любопытства, не проявил «чернявый» по отношению к мальчишке. Полсотни мужчин на призывном пункте — и одинокий мальчишка, голодный, отвергнутый. «Я злобно смотрел на людей и вдруг громко зарыдал». И только тогда «чернявый» вышел из строя, приласкал его и сунул ему горсть леденцов. Подобрала его на вокзале Прасковья, «женщина лет тридцати, путейская рабочая, или «путейка», как ее называли... О причине, по которой я привлек ее внимание, можно лишь догадываться. Ей, очевидно, вечерами после работы не с кем было поговорить». Вот и все. Прасковья обмыла его, накормила, обогрела в своем «вагончике». Казалось бы, добрая и щедрая натура у Прасковьи, но об этом в повести ни слова. Наоборот, автор подчеркивает в ней самое непривлекательное, мелочное. Речевая и портретная характеристики героини, уровень ее мышления, поведения — все это создает на редкость отталкивающее представление об этой женщине.

С той же тиранией голого факта, житейской мелкой ущемленностью встречаемся мы и в новом романе Г. Владимова «Три минуты молчания» (журнал «Новый мир»). Конечно, писатель обладает неограниченной властью, когда создает свой художнический мир. Он может взять своих героев «со дна» жизни и провести их через все круги ада, и все-таки они не потеряют своего человеческого облика. Но он же может взять людей обыкновенной жизненной судьбы и в нравственном их распаде чуть ли не с удовлетворением усмотреть конечное назначение человеческого существования. Одним словом, все зависит от системы идейных, нравственных и исторических взглядов художника на жизнь. И если в первом случае мы встречаемся с художником, который в клубке сложностей и противоречий действительности ясно видит возможности движения вперед, то в другом случае мы с горечью сталкиваемся с таким настроем мышления, когда теряется всякая перспектива и литератора обступают мелочи и второстепенности. Г. Владимов уже в самом отборе своих героев допустил творческий просчет, собрав в одном «ноевом ковчеге» столько душевно черствых, безвольных, примитивных, трусливых людишек, и хотя в целом роман написан профессионально, автор вжился в образ созданного им характера главного героя — от этого герои романа не становятся лучше.

Довольно искусно ведет автор внутренний монолог Сеньки Шалая. Жизнь Сеньки Шалая скучна, обыденна, навевает грустные, тоскливые мысли. Сам Сенька Шалай как будто бы неплохой человек, но вот те, кто его окружает, живут грубой, животной жизнью; особенно же не «повезло» женщинам, настолько все они злы, порочны, примитивны, развратны, что, глядя на одну из них, Сенька Шалай впадает в отчаяние. На него «тоска вдруг напала жуткая, волчья. Вот она, моя жизнь: с такими корешами сидеть, с такими девками. Слова живого от них не услышишь». Ничуть не лучше и Нинка, к которой он в отчаянии направился. А у Нинки уже другой — сержант Лубенцов, «скуластенький». Глядя на ее ненароком открывшиеся руки — она работала судомойкой, и руки ее от постоянной воды и мыла стали безобразными,— Сенька цинично вспоминает: «Когда я ее обнимал, я только и думал: хоть бы она меня не трогала этими руками, у меня всякая охота к ней пропадала». О женщинах здесь много говорят и думают. Сенька Шалай, глядя на женщин, которые прощаются со своими мужьями и возлюбленными, уходящими в море, иронизирует над их словами о верности и супружеском долге: «Наивернейшие наши жены, невесты и подружки,— я за них ручаюсь, с кем-нибудь из этих и я вот так же прощался за занавеской». Ванька Обод признается, что он «бабу свою решил пришить. Как раз времечко. Я знаю, с кем она там сейчас. А я, дурак, аттестат ей открыл».

Сенька Шалай ко всему относится с поразительным равнодушием и цинизмом. Штурман и Сенька видят, что «берегаши» так швыряют бочки, что клепки могут разойтись. Штурман просит его покричать «берегашам», чтобы поосторожнее обращались с бочками, «чтоб кранец подкладывали». Сенька соглашается покричать, хотя оба знают, что это ни к чему: «Так мы и через неделю не отойдем».

Полная неразбериха в порту. Могут питьевую воду в мытьевые танки залить. Знают, что это стоит огромных народных денег, но равнодушно относится к этому какой-то береговой начальник.

Любопытный разговор происходит между боцманом и Серегой, заядлым картежником. Боцман советует ему книжки читать. «Начитались уже,— ответил Серега.— Надо отдых дать извилинам.

— Если б они были у тебя!

— Были,— сказал Серега,— да я их всякой мурой забил. Все одно и то же пишут. Какие все хорошие. Как им всем хорошо.

— Для тебя же, дурака, и стараются. Чтоб ты цель имел в жизни. Было бы тебе, понимаешь, на что равняться. Стремиться к чему.

— К правде, боцман,— сказал Димка.— Только к ней единой.

Боцман повернулся к нему.

— Закройся! Правда, ее, знаешь, не всем и говорить можно.

— Да-а? Это что-то новенькое.

— Такому вот скажи — он и будет сидеть в грязи по макушку. Скажет, что так и нужно».

По Владимову получается, что никто ни в чем не заинтересован и все пошло бы прахом, если б не стремление выслужиться: старпом — перед кепом, кеп — перед Родионычем (своим непосредственным начальником). Вот на этом и зиждется вся житейская философия.

В минуту опасности ребята даже не хотят «побарахтаться до конца», что-то сделать для спасения судна и самих себя, они «уже кончились», сложили руки и приготовились умирать.

К ним в кубрик спускается Жора, пытается убедить, что не все еще потеряно, нужно только найти в себе силы и мужество бороться за спасение траулера и самих себя. Жора не церемонится с ними, называет их «харями ленивыми», обзывает одного «скотиной», угрожает кулаком другому. Словом, перед нами одна из самых отвратительных сцен, где обе участвующие стороны по своему моральному состоянию отталкивающи.

Г. Владимову удалось передать состояние людей, впавших в совершеннейшее отчаяние. А вот как люди выходили из этого состояния, почему-то не показано. Трагическая ситуация кончилась благополучно: не только сами спаслись, но спасли еще и шотландское судно. В итоге оказались настоящими моряками. Получилось так, что сначала Г. Владимов казнил своих героев, а потом начал миловать, сначала объявил им войну, а потом торопливо стал заключать с ними мир. Ни то, ни другое не объяснено, не мотивировано в романе. А главное — автор не рассказал, откуда взялись пер-

сонажи его романа, какая жизнь формировала их нравственный мир. Есть в этом произведении нечто такое, что и привлекает к нему внимание читателей: простота, доверительность, задушевная интонация в передаче сложных обстоятельств жизни моряков, естественно, влияют на успех романа. Но многое здесь и настораживает: намеренная натуралистичность, мелководье чувств, грубая тенденциозность в отборе фактов и явлений, показной объективизм, правда голого факта, которая зачастую весьма далека от высокой художественной правды.

В. И. Ленин всегда выступал против такого отбора жизненного материала, реальных фактов, который показывает жизнь только с одной стороны. В письме к Инессе Арманд В. И. Ленин в немногих словах дает удивительно точную характеристику романа Винниченко «Заветы отцов». Он беспощадно критикует Винниченко за то, что в своем романе он стремился соединить как можно больше всяких «ужасов», преступлений, злодейств, пороков: «Поодиночке бывает, конечно, в жизни все то из «ужасов», что описывает Винниченко. Но соединить их все вместе и **таким** образом — значит, **малевать** ужасы, пужать и свое воображение и читателя, «забивать» себя и его.

Мне пришлось однажды провести ночь с больным (белой горячкой) товарищем — и однажды «уговаривать» товарища, покушавшегося на самоубийство (после покушения) и впоследствии, через несколько лет, кончившего-таки самоубийством. Оба воспоминания à la Винниченко. Но в обоих случаях это были маленькие кусочки жизни обоих товарищей. А этот претенциозный махровый дурак Винниченко, любующийся собой, сделал отсюда коллекцию сплошь ужасов — своего рода «на 2 пенса ужасов». Бррр... Муть, ерунда, досадно, что тратил время на чтение».

Выше приведены только некоторые примеры так называемой критической литературы, которые вряд ли способствуют постижению образа героя нашего непростого времени со всем щедрым богатством активных человеческих характеров. И с каким укором вспоминаются слова выдающегося деятеля социалистического искусства Александра Довженко, сказанные им незадолго до смерти: «Недавно я видел одну новую картину. Она выглядела правдоподобной, там все было похоже на обыкновенную жизнь. Но какими неинтересными, скучными, унылыми показали авторы наших людей! Я всегда считал, что искусство должно уметь увидеть красоту в человеке, оно должно обрести крылья». Вот и теперь идет давний спор между теми, кто за крылатое искусство, и теми, кто за бескрылое, приземленное.

Об этом в значительной степени и написана новая повесть Виктора Лихоносова «Люблю тебя светло» (журнал «Наш современник»). Обращаясь к своему «прекрасному другу», автор делится с ним самым заветным, откровенным. Но эта откровенность бесконечно далека от желания писать «не кривя душой», в духе натуралиста, ибо: «...Очень хочется быть откровенным. Столько накопилось всякого за эти годы. У каждого почти лежит в недрах заветное слово — радостное или печальное. Русскому характеру были не к лицу недомолвки. Когда я говорю все, я чувствую себя человеком. Я потому и люблю Есенина, что он не умел притворяться».

Виктор Лихоносов, как и многие современные художники, задумывается о своем отношении к Родине, к той земле, на которой родился. Самые нежные, сердечные слова отыскивает талантливый писатель, чтобы высказать свою любовь к родной Сибири, к «студеной чалдонской земле». Именно здесь ему сказали слова, запомнившиеся на всю жизнь: «Полетел высоко, но все-таки нет-нет и присядь на свою крышу. На своей крыше люди тебе всегда крошечку кинут». А с какой сердечностью и лиризмом Виктор Лихоносов доверяет свое затаенное: «Быть очень талантливым и воспеть свой край, своих близких, эти березы, это короткое наше пребывание на земле, наши никому не известные чувства, ожидание чуда, разлуку». Вот задача, которую он поставил перед собой как литератор. Ему дорог и духовно близок писатель, которого В. Лихоносов назвал именем Белоголовый.

Образ Ярослава Юрьевича Белоголового, настоящего художника, скромного, талантливого, очень известного, переведенного на многие языки, но сохранившего в себе естественность и простоту в общении, которая свойственна только большим и глубоким людям, противостоит толпе модных литераторов, которых интересует только одно — деньги и успех. Художнику чужды мелочные интересы, он занят высокими литературными заботами. Он мучительно ищет те единственные слова, которые только и могут передать «дух времени», ради чего и стоит творить. И сколько раз в минуты творческой тоски он, перебирая исписанные листки, с опасением думал, что «не угадал ни тайных слов, ни вздохов, не услышал ни колокольного звона, ни дальнего голоса», не уловил «в полях немой зов русской земли»... К чему тогда творческие муки, ночи без сна?

На есенинской земле приходят Виктору Лихоносову слова, в которых вся его творческая программа: «О, как бы найти мне то верное слово, которое бы совпало с русскою жизнью, не похожею ни на какую другую!».

В этой чистой и светлой повести В. Лихоносов высказывает глубокие и серьезные мысли о тех противоречиях, которые существуют в нашем литературном движении. О тех спорах, которые происходят между представителями различных литературных течений. Однако совершенно ясно, что главное, магистральное направление нашей литературы не замутить ни проповедью обывательской философии, ни натуралистической односторонностью.

...На примере значительного большинства произведений текущей литературы можно лишний раз убедиться в непреложности той закономерности, когда только целеустремленный, партийный взгляд на весьма многообразный, сложный мир современности обусловливает творческую победу талантливого художника слова. Чтобы правильно определить место и назначение того или иного факта, явления в неразрывной цепи исторического процесса, нужно увидеть со всех сторон сущность его, не впадая в обедняющие литератора крайность и однобокость. Писатели социалистического реализма через сложные судьбы своих героев раскрывают причинную обусловленность происходящих событий. Мысли и чувства, поступки и действия, влечения и страсти человеческие представлены в их произведениях как результат объективных условий общественного развития.

В. А. ГЕРАСИМОВА

Умерла Валерия Анатольевна Герасимова — чуткий, отзывчивый человек и отличная писательница. Закрылась страница советской литературы, начатая ею в начале 20-х годов. Но из памяти читателей не уйдет все то, что оставлено людям Валерией Герасимовой,— ни первая повесть ее «Ненастоящие», опубликованная «Молодой гвардией» в 1923 году, ни повести «Жалость» (1932 год), «Байдарские ворота» (1949 год), «Простая фамилия» (1955 год), «Земное притяжение» («Огонек», 1969 год). Ею написано много, писательница свой талант счастливо сочетала с трудолюбием и до последних своих дней продолжала работать за письменным столом. Ее рассказы и повести отличает одна черта — любовь к человеку. Не к отвлеченному человеку вообще, а к человеку-созидателю, борцу за строительство нового общества. Она, старый член партии, ненавидела пошлость, лицемерие, душевную нечистоплотность. Она всегда становилась на сторону несправедливо обиженного. Ее идеалом была правда, правда во всем, в большом и малом, в себе и в других.

Валерия Герасимова была очень взыскательна к своему творчеству. По нескольку раз она переписывала свои страницы, переделывала, пересматривала, пока наконец не добивалась желаемого. Да и потом еще, в гранках и полосах, продолжалась авторская работа над текстом; ничтожная опечатка, неудачное выражение приводили ее в отчаяние.

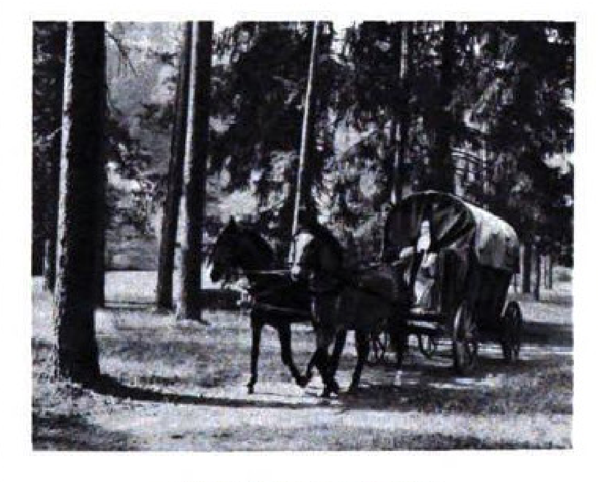
Она была взыскательна и к самой себе — всегда подтянутая, аккуратная, сдержанная и немногословная. Возраст, разумеется, меняет внешность, но не меняет красоту, подогреваемую теплом души. Герой ее рассказа «Меня нельзя бросить» говорит: «А помнишь, я однажды сказал, за что больше всего тебя люблю? За то, что ты всегда оставалась сама собой».

Это может быть отнесено и к самой Валерии Герасимовой, оставшейся самой собой при всяких, подчас весьма нелегких, жизненных обстоятельствах, трудностях и бедах. Она умела противостоять им. Она не умела сгибаться. Она казалась временами женственно-слабой — душа ее была сильной и мужественной.

Ник. КРУЖКОВ

●

НА «ТАЛЛИНФИЛЬМЕ»

Кадр из нового фильма.

Решено было поставить фильм «Последние дни монастыря святой Бригитты» по книге Эдуарда Борнхеэ. Книга эта историческая, но не лишена атмосферы романтики и приключений.

Студия начала поиски актера на роль главного героя — князя Габриэля. Поиски оказались долгими и многотрудными, потому что режиссер Григорий Кроманов задавал актерам ошеломляющие вопросы:

— Умеете ли драться на рапирах? Занимаетесь ли конным спортом? А как обстоят у вас дела с акробатикой...

Григорий Кроманов решил не ограничиваться только эстонскими дарованиями. Поиск привел режиссера на противоположный конец страны. Артист Симферопольского драматического театра Александр Голобородько так ответил на вопросы режиссера:

— У меня первый разряд по фехтованию. Конным спортом тоже занимаюсь. Гимнастика и акробатика — это мое призвание.

Кроме украинца Голобородько, в новом фильме играет московский актер Ролан Быков, рижанки Эльза Радзиня и Ингрид Андрин и, конечно, эстонские актеры Эве Киви, Антс Лаутер, Пеетер Якоби, Карл Калкун... Кроме актеров, в фильме заняты известные московские наездники Петр Тимофеев и Юрий Мельников.

Но романтическо-приключенческий фильм показался бы скучным без музыки и песен. Этот пробел восполнили эстонские эстрадные композиторы отец и сын Уно и Тыну Найссоо.

П. ТУЛЬ

Встреча команд СССР и Бельгии. Борьбу за мяч с Г. Еврюжихиным ведет ван Химст.

Телефото ТАСС.

В ФУТБОЛЕ ВСЕ ВОЗМОЖНО

Вячеслав ГАВРИЛИН

В дни Олимпийских игр кислородные баллоны стали такими же неизменными атрибутами соревнований, как барьеры, копья, ядра и другой спортивный инвентарь. Сколько раз мы видели победителей, уложенных на лопатки коварной мексиканской высотой. Теперь на чемпионате мира по футболу мы имели возможность убедиться в том, что есть более радикальное средство для борьбы с кислородной недостаточностью — победа!

Видели бы вы наших ребят после ничьей со сборной Мексики и после победы над сборной Бельгии. Честное слово, это были совершенно разные люди!

Немало тяжелых минут пришлось пережить советским футболистам перед долгожданным стартом, ведь на их долю выпала задача огромной психологической сложности — открыть чемпионат в борьбе с хозяевами-мексиканцами на глазах стотысячной толпы фанатичных болельщиков.

Ночь на 1 июня после ничейного исхода матча мексиканская столица провела неспокойно. Тысячи поклонников сборной Мексики разъезжали по улицам на автомашинах с включенными сиренами. Взрывались петарды, трубили трубы. Мексиканцы праздновали успех своих любимцев, сумевших отобрать очко у советской сборной. Интерес к футболу отодвинул сейчас в Мехико на второй план самые животрепещущие проблемы. Даже о выборах президента республики, которые состоятся в июле, говорят и пишут меньше, чем о футболе. По-прежнему заключаются тысячи различных пари, работает своя биржа, на которой котируются «футбольные акции». До матча Бразилия — Англия выше всех котировались шансы английской сборной. И лишь за ней шли команды Бразилии, Италии, ФРГ, СССР. Игры второго круга внесли свои серьезные коррективы в эти биржевые оценки. Поражение Англии и бесцветная ничья Италии с Уругваем заставили призадуматься многих поклонников этих трех замечательных команд. Ну а кто мог предполагать, что команда Швеции закончит свой матч с футболистами Израиля со счетом 1 : 1? Разве такая ничья шведов не должна была вызвать панику на футбольной бирже?

Но чем больше сенсаций, тем выше интерес к футболу. Не остались вне чемпионата даже модельеры и парикмахеры. Тщательно проанализировав сущность трусиков и маек, знаменитые модельеры Мехико пришли к выводу, что у футболистов, как и у женщин, в моде мини-форма, а парикмахеры вовсю рекламируют прически «а-ля Яшин», «а-ля Чарльтон», «а-ля Брито». Один из куаферов Мехико, Эмилио Тенос, пошел еще дальше и выступил в роли композитора — он написал песенку «Да здравствует футбол», которая получила признание среди всех мексиканских болельщиков.

Эту песню, так же как и традиционный клич мексиканцев «Мехико-ра-ра-ра», можно было услышать на стадионе «Ацтека» 6 июня во время матча СССР — Бельгия. Да, во время второго матча нашей команды тише на главном стадионе Мексики не стало. По-прежнему бушевали футбольные страсти. Все понимали, что от встречи зависит выход команды СССР в четвертьфинал, и, конечно, в первую очередь это понимали наши ребята.

Замечательно провели они трудную и ответственную игру. Воспользовавшись тем, что бельгийцы не вели активных действий в середине поля, наши футболисты спокойно готовили атаки, а затем следовало мгновенное ускорение, и у ворот Бельгии то и дело возникали катастрофические ситуации. Первым отличился Анатолий Бышовец, забивший гол с дальней дистанции точным и неожиданным ударом. Через десять минут после перерыва второй мяч и тоже с дальней дистанции послал в ворота бельгийцев Кахи Асатиани.

Несмотря на явную угрозу поражения, бельгийские футболисты по-прежнему не стремились ускорить темп, видимо, возлагая все надежды на двух своих лидеров — ван Химста и Рауля Ламбера. Но два грозных форварда были надежно прикрыты нашими защитниками, среди которых особенно выделялись Реваз Дзодзуашвили и Владимир Капличный, а Бышовец, вдохновленный своим успехом, вскоре забил еще один гол...

Конечно, мы верили в победу нашей команды, но буду откровенным: кто мог предполагать, что счет 3 : 0 будет лишь промежуточным счетом в этой захватывающей борьбе, что вслед за голами Бышовца и Асатиани мы увидим еще и четвертый гол, забитый Виталием Хмельницким?

4 : 1 — окончательный итог второго выступления советской сборной многих заставил призадуматься. Комментариям не было конца. Лестную оценку нашей команде дал тренер бельгийской сборной Раймонд Гуталс: «Это одна из самых четко организованных команд, которые только есть в Европе. Поэтому я не могу сказать, что это был просто неудачный день для бельгийцев. Мы не могли выиграть, для этого нужна куда более сильная команда». С этим мнением согласился и капитан команды Бельгии ван Химст. «Даже забей мы гол в начале игры,— сказал он,— мало бы что изменилось в конечном итоге».

Все футбольные обозреватели в своих отчетах отметили хорошую игру Анатолия Бышовца, острые рейды по краю поля Геннадия Еврюжихина, мощные удары Владимира Мунтяна и красоту четвертого мяча, забитого Виталием Хмельницким. Вся воскресная мексиканская печать уделила нашей победе центральное место. Вот некоторые заголовки мексиканских газет: «Убедительная победа СССР», «Другое лицо советской команды», «Стремятся ли русские завоевать «Золотую богиню»?» Высоко оценила пресса и усилия нашего вратаря Анзора Кавазашвили.

Если победа советской сборной над бельгийцами была главной сенсацией 6 июня, то на следующий день центральным событием чемпионата стала встреча бразильцев и англичан. К тому, что происходило на стадионе в Гвадалахаре, было приковано внимание миллионов людей. Встречи двух главных фаворитов чемпионата с нетерпением ждали любители футбола во всех частях света. И они не ошиблись в своих надеждах. Этот матч будут вспоминать и после окончания чемпионата мира. Все девяносто минут игры были насыщены предельным напряжением, великолепными атаками, и его окончательный исход, 1 : 0 в пользу экс-чемпионов мира — бразильцев, лишь только подтверждает равную силу двух команд.

Как известно, в их составе действуют игроки экстра-класса, и все же мы стали свидетелями ряда грубейших ошибок и просчетов, которые, видимо, неизбежны в матчах такого напряжения. Во всяком случае, если неудачи сборных команд Англии, Италии, Швеции и снизили на футбольной бирже курс их акций, то котировка ведущих футбольных премьеров по-прежнему очень высока. В Мехико их охраняют с такой тщательностью, как и саму «Золотую богиню». И, видимо, для этого есть свои основания. Футболисты Бразилии и ФРГ, например, встревожены распространившимися слухами о возможном похищении Пеле и Зеелера. Вот почему за ними неотступно следуют полицейские...

Чемпионат мира по футболу набирает скорость. Журналисты и специалисты перешли от прогнозов к реальному анализу матчей. Но думается, что никакая электронная машина не в силах предсказать исход борьбы: цифры — это одно, а боевой настрой команды, ее собранность, монолитность — другое.

У мексиканцев есть такая пословица: «На войне и в любви все возможно». Теперь ее переделали: «На войне и в футболе все возможно». А раз так, то подождем решающих матчей.

Мехико. По телефону.

Ура... Гол!!!

Изошутка В. Тарасова

КОГДА ЧЕЛОВЕК ПРИНАДЛЕЖИТ ТЕАТРУ

Актеров на театре знают все. Директоров — почти никто. Но от каждого из своих служителей сцена требует всей жизни, без остатка.

Руководителем и организатором театрального процесса нельзя стать, окончив специальное учебное заведение: это — призвание. Необходимы для этого творческая подготовка, опыт многих лет работы, талант воспитателя, хватка организатора, знание экономики и многое-многое другое... В первую же очередь необходима преданная любовь к искусству.

У Анатолия Андреевича Колеватова, директора-распорядителя Государственного академического Малого театра СССР, эта любовь — главное в жизни. Она определяла всю его деятельность и когда Колеватов был совсем еще молодым актером Театра имени Вахтангова и потом, когда работал он администратором Малого театра, а затем директором Театра имени Ленинского комсомола... Удачно сочетая актерский темперамент с выдержкой хозяйственника, творческую увлеченность с организаторским расчетом, А. А. Колеватов всегда добивается успеха в работе.

Рабочий день театрального руководителя ненормирован. Дневные репетиции, творческие совещания, вечерние спектакли — все это требует неусыпного внимания, это труд подвижника, труд, не ведающий ни аплодисментов, ни лавровых венков... А. А. Колеватов тридцать лет занят таким трудом. Вот уже третий раз избран он депутатом Свердловского районного Совета...

Недавно заслуженному работнику культуры РСФСР А. А. Колеватову исполнилось 50 лет. Все с той же завидной энергией отдает он свою жизнь театру; в этой радости отдавать — великая награда.

Н. ОСИПОВА

БРИЛЛИАНТ В БУТЕРБРОДЕ

А. ГОЛИКОВ

В кабинет начальника контрольно - пропускного пункта (КПП) Московского международного аэропорта Шереметьево полковника Алексея Сергеевича Гордеева то и дело доносится гул авиационных двигателей.

— К нам прилетают самолеты крупнейших авиакомпаний мира,— говорит Алексей Сергеевич.— Гостей из-за рубежа в Москву едет много. И мы им рады, однако среди них порой попадаются и нежелательные визитеры. Но здесь, на КПП, как и на любой советской границе, службу несут внимательно. Пограничники всегда начеку. Поживите у нас несколько деньков, побеседуйте с солдатами, офицерами, таможенниками — сами увидите.

— Производится оформление пассажиров, вылетающих в Париж на самолете французской авиакомпании «Эр-Франс».— Диктор, повторив это сообщение по-французски, поблагодарил за внимание. Пассажиры заполняют декларации, показывают багаж таможенникам, предъявляют пограничникам паспорта. Смуглолицый иностранец открыл перед таможенником элегантный чемодан, в котором была лишь пижама и зубная щетка.

— Люблю путешествовать нетяжело,— улыбнулся он.

— По-русски говорят «налегке»,— тоже улыбнулся таможенник.

Иностранец предъявил пограничнику паспорт. Все оказалось в порядке, и он вместе с другими пассажирами отправился к самолету. Когда отъезжающие сгрудились перед выходом из зала, рядом оказался иностранный дипломат, видимо, кого-то провожавший к самолету. Дипломаты имеют на это право. А потом, когда смуглолицый уже готов был ступить на трап воздушного лайнера, пограничники остановили его. Таможенники произвели повторный досмотр. И тут у любителя путешествовать налегке оказалась крупная сумма советских денег. Встреча с иностранным дипломатом не прошла незамеченной...

Вывоз за рубеж советской валюты — один из самых опасных видов контрабанды. А провезти ее, обмануть бдительность таможенников и пограничников пытаются любыми способами.

...Москву покидала группа иностранных туристов. Досмотр шел быстро — путешественники везли на родину русских матрешек и другие сувениры, купленные в «Березке». Но багаж полного, седовласого туриста привлек более пристальное внимание таможенников. Его большой чемодан не запирался и снаружи был обвязан толстой, вроде бельевой веревкой.

Турист развязал веревку, небрежно бросил ее на пол и открыл чемодан. Сувениров было столько, что они уже обрели, как говорят таможенники, товарный характер. А раз так, вывозить их нельзя, придется часть отобрать. Турист принял это сообщение спокойно. Упаковал в чемодан дозволенное количество сувениров, снова обвязал его веревкой и даже словно бы повеселел.

— Вот это обстоятельство и заставило меня повторить досмотр,— рассказывает начальник таможни Василий Никитич Наумов.— Опыт подсказывал, что бывалый контрабандист порой нарочно, так сказать, демонстративно совершает какие-нибудь незначительные нарушения вроде этих сувениров в товарном количестве. Расчет такой: излишек изымут, успокоятся, а главная контрабанда благополучно минует границу. Однако, опираясь на один инстинкт и не располагая фактами, проводить повторный досмотр иностранного пассажира — дело рискованное. А вдруг инстинкт обманул... Тогда принесут извинения пассажиру, а тому, кого подвел инстинкт, начальство выразит неудовольствие...

И все же я стал повторно досматривать туриста. И нервы иностранца не выдержали. Он то и дело вытирал мокрый от пота лоб, судорожно комкал носовой платок, бледнел, краснел... Однако досмотр не давал никаких результатов. И тем не менее уверенность в том, что контрабанда есть, меня не покидала. Я закурил папиросу, постарался успокоиться. Снова тщательно осмотрел все, что было в чемодане, сам чемодан — дно, ручку, даже застежки. И ничего... Когда я уже хотел признать себя побежденным и извиниться, мой товарищ воскликнул: «Вот дьявольщина! Чего же мы еще не осмотрели?» И тут я заметил, как турист быстрым движением ноги заталкал веревку, которой был завязан его чемодан, под скамейку. Меня осенило — веревка! О ней мы и не подумали, ее не осматривали, да и кто мог предполагать! А веревка-то оказалась поистине золотой. В ней аккуратнейшим образом были запрятаны сторублевые купюры, на кругленькую сумму в 50 тысяч рублей.

...Иностранец пытался незаметно провезти сильно потертый, даже без замка портфельчик. Расчет был таков: при досмотре внимание таможенников привлекут два элегантных, туго набитых чемодана. Тем не менее таможенник Владимир Георгиевич Храбсков начал досмотр именно с этого непрезентабельного портфельчика. Он вынул из него старые газеты, мыльницу, далеко не свежее полотенце, надкусанный бутерброд. И вдруг в бутерброде заискрился, засверкал разноцветными огнями крупный бриллиант. Эксперты оценили его в 8 тысяч долларов.

...Воздушный лайнер доставил пассажиров из Нью-Йорка. Молодой бизнесмен, гражданин США, предупредительно открывает перед таможенником свои чемоданы. Бизнесмен везет, кроме обычных для путешественника вещей, изрядное количество литературы на русском языке, изданной в Нью-Йорке. Названия книг самые безобидные, например, «Программа народного просвещения в США».

— Это книги для моих московских знакомых, подарки,— объясняет иностранец.

«Подарочная» литература задерживается. И при более близком знакомстве с ней выясняется: подтасовывая цифры, искажая факты, авторы шельмуют советских людей, советский строй, Советское государство. Как потом выяснилось, «подарочная» литература предназначалась для учащейся молодежи.

Случай этот не единственный. Прибыл самолет из Цюриха. Идет досмотр. У господина Альфонса Шарфа из ФРГ обнаруживают более тридцати книг, и каждая из них полна злобных нападок на марксизм-ленинизм. И эта литература так же, как и американская, предназначена для распространения среди советской молодежи.

Идеологическая контрабанда многообразна.

...Самолетом скандинавской авиакомпании прибыла группа шведских туристов. Багаж и паспорта оказались в порядке, и туристы, почти не задерживаясь, покинули КПП. А потом на креслах обнаружились «забытые» антисоветские листовки, журналы, газеты с клеветой на Советский Союз, на его Вооруженные Силы.

— Не удивляйтесь,— сказал мне полковник,— такую литературу привозят и «забывают» здесь туристы из Стокгольма, Лондона, Копенгагена, Монреаля. Идеологическую контрабанду подбрасывают и в портфели со служебной почтой.

В идеологической контрабанде главенствует так называемая религиозная литература. Группа туристов из США, прибывших в Москву, везла с собой более пятидесяти экземпляров библии и «Нового завета». Таможенники приобщили их к целому вороху изданий, изъятых у пассажиров. Среди них — книги, напечатанные на русском языке в Лондоне, Стокгольме. Это все баптистские проповеди, многие из которых довольно тонко ведут антисоветскую пропаганду.

Провезти в нашу страну религиозную литературу контрабандисты пытаются различными способами: в переплетах произведений русских классиков, в чемоданах с двойным дном и даже...

...Самолет прибыл из Монреаля. На КПП капитан Вячеслав Дмитриевич Шмаков приготовился к встрече пассажиров. На этот раз досмотр шел гладко. Но вот на досмотр предъявила свой багаж гражданка Г. Она 7 месяцев гостила у родственников в Канаде. В чемодане ничего недозволенного не оказалось, но в облике самой пассажирки было что-то необычное. Лицо худощавое, почти изможденное, руки худые, тонкие, а фигура грузная, и двигается тяжело, словно несет большой груз.

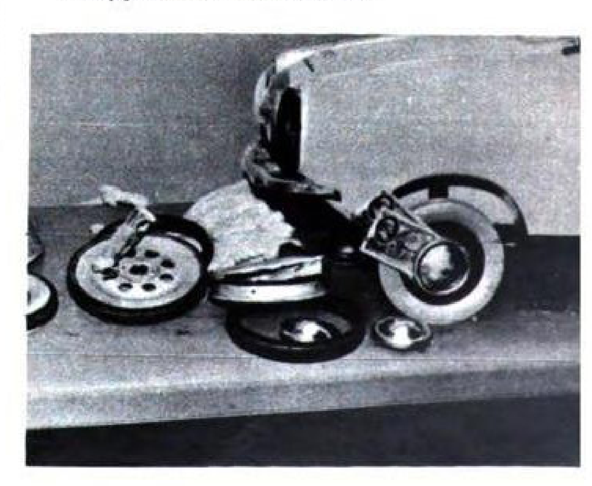
Действительно, пассажирка была обременена грузом, и немалым. Таможенница Э. А. Гарина обнаружила в специально сшитом поясе библиотеку религиозных изданий. 42 объемистых книги, вырезки из газет и около 600 листовок. Все это религиозная секта меннонитов отправляла в Советский Союз для распространения среди граждан СССР.

— Для нас такой способ идеологической контрабанды не новинка,— рассказывает Вячеслав Дмитриевич Шмаков.— Недавно точно в таком же поясе пассажир пытался провезти порнографическую литературу. За последнее время нам все чаще приходится встречаться с такой идеологической контрабандой. Пытаются перебросить в Советский Союз различные журнальчики, позорящие человеческое достоинство, брошюры, альбомы с открытками, снятыми в тайных публичных домах Нью-Йорка, Парижа, Лондона, Токио. Одним словом, наши идеологические противники ничем не брезгуют. Но усилия их тщетны!

Золотые монеты в чашках.

Контрабанда: советские деньги в игрушечном автомобиле.

ЖЕРТВА рекламы

Фельетон

Георгий ОСИПОВ

По утрам я порой слушаю рекламные передачи киевского радио. Диктор доверительно оповещает население, что и на солнце бывают пятна, потому незачем кручиниться, если вы обнаружите пятно или кляксу на одежде. Стоит лишь обратиться в химчистку, как ваш костюм или платье засверкает первозданной новизной. Или: в любом ателье обуви ваши изрядно стоптанные башмаки и туфельки начнут новую жизнь.

И все верят этой рекламе, ибо она утверждает факт: в Киеве хорошо поставлено бытовое обслуживание граждан. Киевские фирмы добрых услуг давно завоевали признание у населения. В общем, здесь есть что рекламировать.

Но всякое бывает...

Например, в Тбилиси есть фирма «Тбилэкспресс». Рекламе ее услуг было отведено немало колонок в городских газетах, о фирме вещало радио, печатались рекламные объявления. Поначалу «Тбилэкспресс» делала полезные дела, а сейчас дает полезные... советы.

— «Тбилэкспресс»? Пришлите, пожалуйста, автомашину для перевозки мебели.

— Пожалуйста, обратитесь в автобазу грузовых такси.

— Алло, прошу мастера для ремонта телевизора!

— Пожалуйста, обратитесь в телевизионное ателье.

— Срочно нужна женщина по уходу за больным. Только на неделю.

— Всем нужны женщины... Позвоните через месяц.

До недавних пор мы думали, что всесоюзная фирма «Мелодия» выпускает и рекламирует хорошую продукцию. Но вот в некоторых фирменных киосках и салонах южных городов появились шариковые ручки с рекламным золотым тиснением— «Мелодия». Но беда в том, что авторучки не пишут. А если пишут, то марают руки и одежду — паста вытекает из корпуса. Так наряду с отличной музыкальной продукцией популярная фирма ставит свою рекламную марку на дрянных товарах.

Даже с помощью самой броской и неистовой рекламы нелегко восстановить доброе имя фирмы или марки, потерявших доверие.

«Великолепная кухня, ассортимент блюд и вин, шашлыки, изысканное обслуживание! — настойчиво зазывают по радио и в газетах Ялтинский трест ресторанов.— На выбор европейские и восточные кушанья! Посетите рестораны «Лесной», «Горка», «Водопад», «Ай-Петри»!..»

В «Лесном» мы не нашли ни великолепия кухни, ни изысканного обслуживания. Не было там ни европейских, ни восточных блюд, ни другого рекламированного ассортимента. Официанты уныло предлагали селедку, бараньи котлеты, водку. Так реклама обернулась блефом. После «Лесного» нам уже не захотелось подниматься на «Горку» или спускаться к «Водопаду».

На днях я прочитал заметку из Ленинграда. В ней говорится, что стоит только опустить в телефон-автомат монету, набрать московский номер, и вы услышите близкий голос жителя столицы, словно ваш собеседник находится не за сотни километров, а на соседней улице.

Это факт. Недавно я смог сам убедиться в этом, когда звонил по телефону-автомату из Ленинграда не только в Москву, но и в Минск, Киев, Волгоград, Мурманск, столицы прибалтийских республик.

А вот что пишут в редакцию отдыхающие санатория имени XXII съезда КПСС:

«В нашем санатории, как и в других крупных крымских здравницах, установлен междугородный телефон-автомат. Над ним реклама: «Междугородные телефоны-автоматы сразу же завоевали симпатии абонентов. Они работают круглосуточно. Пользуйтесь их услугами! Это удобно, дешево, бережет ваше время!»

Увы, реклама обманчива. Нет ни удобства, ни экономии времени, ни денег. Нередко наш телефон-автомат круглосуточно пожирает монеты, но не дает соединений с абонентом. В таких случаях легче раз десять сбегать в город на переговорный пункт...»

Итак, автомат обирает клиентов. А если бы было наоборот? Штраф, милиция, суд... Я проверял эту жалобу на месте. В погоне за «охватом» и «финпланом» ялтинские связисты настолько перегрузили автоматами каналы связи, что техника зачастую не срабатывает. Зачем же лживые посулы: «удобно», «дешево»?!

Нередко любят пошуметь, блеснуть рекламой и братья-строители и молодцы-ваятели. Иной микрорайон еще только в кальке или чертежах, а шум на всю ивановскую: сверхкомфорт, сверхудобства! Заранее предвидят и радость новоселов и безмерную их благодарность авторам проекта.

Заложили в известном совхозе «Байрам-Али» в Туркмении дома для рабочих и служащих. Не один, не два — целый городок на сотни квартир. «Будущий агроград», «Оазис в пустыне», «Чародей нового быта!» — вещали руководители стройки с трибун и по радио.

Построили, заселили. Но вот оказия — бегут новоселы из своих квартир. Не из одной, не из двух — из всех без исключения. Их гонит из дому нестерпимый зной. Зной от раскаленного асфальта, которым покрыли приквартирные земельные участки, от обилия стекла по фасадам, от недостатка термоизоляции стен.

Рекламируя «агроград» и «оазис в пустыне», проектировщики городка в «Байрам-Али» игнорировали климатические условия, национальные особенности быта. Для них что Карелия, что Туркмения — все равно, была бы реклама!

Реклама, не подкрепленная делом,— обман, показуха, бессовестное надувательство граждан.

Сколько раз, томясь в ожидании таксомотора на московской стоянке, вы становитесь жертвой той же рекламы! «Самый удобный, самый быстрый... самый, самый...» вид транспорта нередко обслуживает не вас — вы его. Вам нужно в Сокольники, а таксисту — в Сыромятники. Он согласен везти только к Савеловскому вокзалу или на ВДНХ, а ваш поезд, как назло, отправляется с Курского или с Казанского.

Попробуйте в поздний час уговорить иного московского таксиста доставить вас в Медведково, Солнцево, Дегунино или Беляево-Богородское... Дудки! Он назовет адрес прямо противоположный, ему нужно ехать в свой парк. Пассажир не обязан разгадывать загадки диспетчерской службы, вникать в организацию смен, наводить порядок и дисциплину в таксомоторных парках, воспитывать нерадивых водителей. Он платит деньги, верит в рекламированные удобства. Ему почему-то не нравится, когда водитель хлопнет дверцей перед его носом, ошарашит его газом из выхлопной трубы.

Недавно я занялся интересным подсчетом. Только на одной стоянке — у площади Восстания — не менее трети пассажиров уехали на «левых» легковых автомашинах. Это было между девятью и десятью часами вечера. Сколько же денежек уплывает из государственного кармана за сутки, месяц, год?! «Леваки» и частники ухмыляются — они с успехом конкурируют с таксистами. Причем без рекламы.

Я не знаю, во что обходится реклама управлениям железных дорог. О достоинствах их фирменных поездов вещали из репродукторов на вокзалах, их славили красочные транспаранты и неоновые огни. Но стоит поездить в иных фирменных поездах, скажем, в «Уральце» или «Азербайджане», чтобы убедиться, что с пассажирами там обращаются порой хуже, чем с картошкой или с фруктами. Некоторые проводники и служащие вагонов-ресторанов настолько чутки к собственному грузу, к купле-продаже на станциях, что едва успевают (или не успевают) отапливать вагоны, стелить белье, убирать купе, готовить сносные обеды или подавать горячий чай. Для них пассажир с билетом — обуза. Везут — и слава богу!

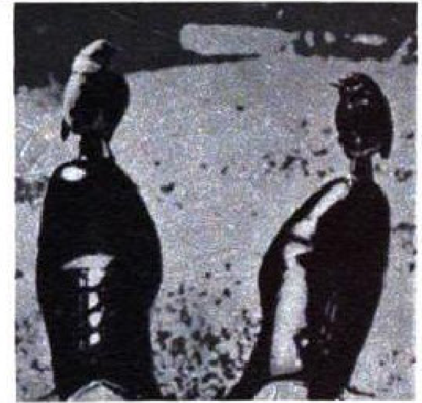
Говорят: факт, а не реклама. Но хуже, если реклама не факт: когда служба быта не обслуживает, холодильник не холодит, телефон не соединяет, ресторан — харчевня, а фирменный поезд или такси — халтура на колесах.

МОТОВЕЗДЕХОД

Новый выпущенный в Японии мотоцикл «Гонда-90» на трех колесах обладает удивительной проходимостью. На нем можно даже подниматься по крутой лестнице.

ТЕРПЕЛИВЫЙ ФОТОГРАФ

Питер Мастерсон, британский фотограф, показал верх терпения: он пролежал неподвижно в своем саду до тех пор, пока на его ботинки не уселись два воробья, которых он и сфотографировал.

ИДИЛЛИЯ

В доме Мари и Жоржа Дюпонов в Лионе дружно живут кот Нуши и мышка.

СЛОН-НЯНЬКА

Английская девочка Китти Робертс, дочь дрессировщика, имеет необычную няньку. Двухлетняя слониха Морин целые дни проводит возле малютки и никому, кроме родителей, не позволяет к ней подойти.

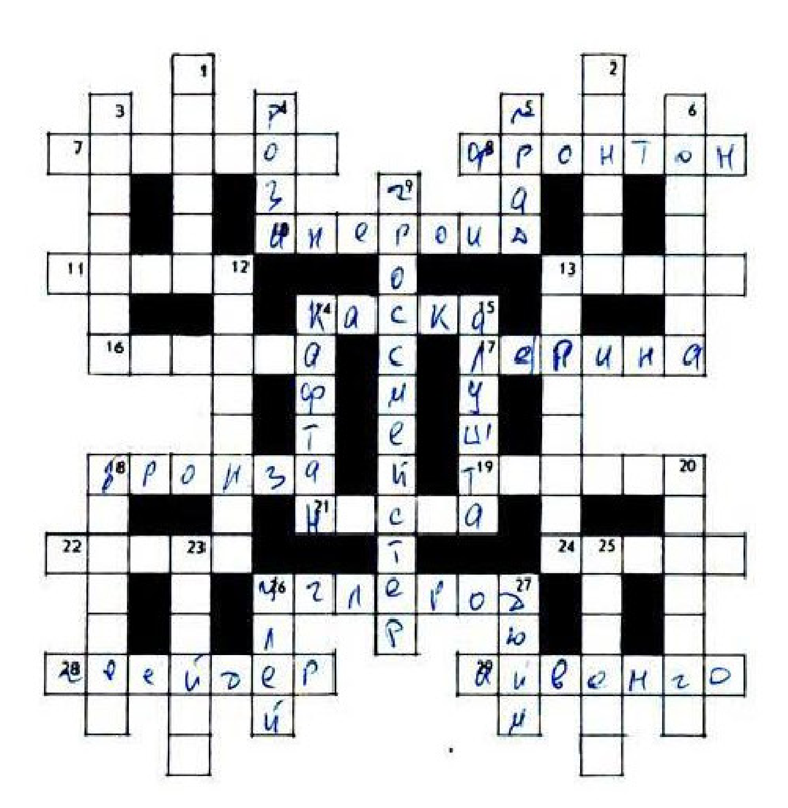
ВСЕМ СИГАРАМ СИГАРА

Самая большая в мире сигара находится в музее табачных изделий и трубок в Вестфалии. Ее длина — около двух метров, а вес — восемнадцать килограммов.

КОРОВА В ЗООПАРКЕ

Администрация бостонского зоопарка охотно приняла подарок города Гааги, приславшего в парк корову. Установлено, что две трети бостонских детей знают корову только по ковбойским фильмам.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Русский архитектор XVIII века. 8. Часть здания. 10. Металлический барометр. 11. Народный поэт Узбекистана. 13. Звукоряд в пределах одной октавы. 14. Военный головной убор. 16. Голландский мыслитель. 17. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин». 18. Сплав меди с различными элементами. 19. Рассказ А. П. Чехова. 21. Приток Иртыша. 22. Деталь скрипки. 24. Стихотворение В. Маяковского. 26. Химический элемент. 28. Землеройно-транспортная машина. 29. Роман В. Скотта.

По вертикали: 1. Государство на Скандинавском полуострове. 2. Пушной зверек. 3. Украинский щипковый инструмент. 4. Цветок. 5. Атмосферные осадки. 6. Город в Московской области. 9. Звание шахматиста. 12. Гриб. 13. Созвездие северного полушария неба. 14. Старинная мужская одежда. 15. Курорт в Крыму. 18. Раздел кибернетики. 20. Река в Монголии и СССР. 23. Прибор для измерения электрического сопротивления. 25. Русский композитор. 26. Жилище для пчел. 27. Мера длины.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

По горизонтали: 3. Припять. 6. Перламутровка. 9. Зебра. 11. Финал. 13. Снейк. 15. Реклама. 16. Черешня. 17. Руставели. 20. Катод. 22. Борона. 23. Стасов. 24. Трактат. 26. Синица. 27. Прииск. 28. Корреспондент. 29. Алаколь.

По вертикали: 1. «Арзамас». 2. Вторник. 4. Спираль. 5. Ганимед. 7. Метеорология. 8. Магнитогорск. 10. Сервант. 12. Америка. 14. Меринос. 18. Пробирка. 19. «Травиата». 20. Каравелла. 21. Диагональ. 25. Карп.

На первой странице обложки: Плакат художника В. Викторова.

На последней странице обложки: Город металлургов — Магнитогорск.

Фото Л. Бородулина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. И. ШУМАНА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 26/V-70 г. А 00388. Подп. к печ. 9/VI-70 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1117. Тираж 2 200 000 экз. Заказ № 1516.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Из первой шеренги

А. БОЧИНИН,
Б. СОПЕЛЬНЯК

Смоленский завод средств автоматики. Здесь собирают тончайшие приборы, которые нужны химикам и пищевикам, металлургам и врачам.

Одиннадцать утра... Во всех цехах и отделах звучит бодрая музыка. А затем раздается голос инструктора физкультуры: «Начинаем производственную гимнастику! Поставьте ноги вместе. Расправьте плечи. На месте — шагом марш!»

Заводские медики установили, что к середине дня у рабочих ухудшается внимание, движения становятся более вялыми — короче говоря, люди устают. Десять минут специальных упражнений — и новый заряд энергии снимает усталость.

На заводе каждый третий — спортсмен. Мы расскажем о некоторых из них, о тех, кто во время производственной гимнастики стоит в первой шеренге.

1

Люда Варфоломеева — лучшая теннисистка завода. Знают ее также как очень строгого контролера ОТК. Мы видели Люду на тренировке: она упорно боролась за каждый мяч, была упряма в защите и решительна в нападении.

А когда один из нас решил тряхнуть стариной и взял ракетку, Люда дала десять очков форы и за несколько минут разделала под орех!

2

Шахматист первого разряда слесарь-сборщик Володя Васильев.

— В шахматы играю с пяти лет,— говорит он,— был партнером старшего брата. Потом увлекся баскетболом и шахматы забросил. Однажды во время тренировки получил серьезную травму. С баскетболом пришлось расстаться. Когда окончил техническое училище и пришел на завод, познакомился с сильными шахматистами. Снова сел за доску. Организовали команду, начали регулярно тренироваться и вскоре стали одним из сильнейших коллективов города!

3

Сашу Менячихина мы встретили в лесу. С планшетом и компасом в руках он бежал прямо через чащу.

Через час мы снова встретились. У заводского автобуса стояла группа парней, а Саша им что-то объяснял. Раздалась команда «Марш!», и они снова разбежались. Но Сашу мы задержали... Он рассказал, что его товарищи готовятся к соревнованиям по спортивному ориентированию, что их команда — одна из сильнейших в городе, что спортсмену-ориентировщику надо быть хорошим лыжником и легкоатлетом, так как соревнования проводятся и летом и зимой. Кроме того, необходимо иметь отличный глазомер и безошибочно ориентироваться на местности...

4

В цехе во время производственной гимнастики мы обратили внимание на невысокого, крепкого парня с обветренным лицом. Когда мы спросили, откуда у него такой загар, крепыш ответил:

— Я мотогонщик. Поносишься часа два в день по оврагам — загар обеспечен на всю жизнь!

А вечером мы побывали в одном из пригородов Смоленска. Видели, как наш знакомый, мастер спорта Юрий Бодунов, на высокой скорости скатывался на дно оврага, а потом взлетал на вершину. Кругом кусты, деревья, бугры, ямы, но Юрий несся на предельной скорости... На ходу, чуть притормаживая, он успевал объяснять своим товарищам по автомотоклубу, как лучше проходить тот или иной участок трассы. Электросварщик Юрий Бодунов—тренер-общественник, один из многих на заводе.

5

Хрупким парнишкой уходил на службу в армию механик контрольно-измерительных приборов Виктор Писарев. А через три года вернулся кандидатом в мастера спорта по классической борьбе.

Мы видели несколько тренировочных схваток Виктора. Каждый раз поражались взрывной силе, которой он начинен: броски проводились так молниеносно, что соперник оказывался на лопатках, так и не осознав, как это произошло!

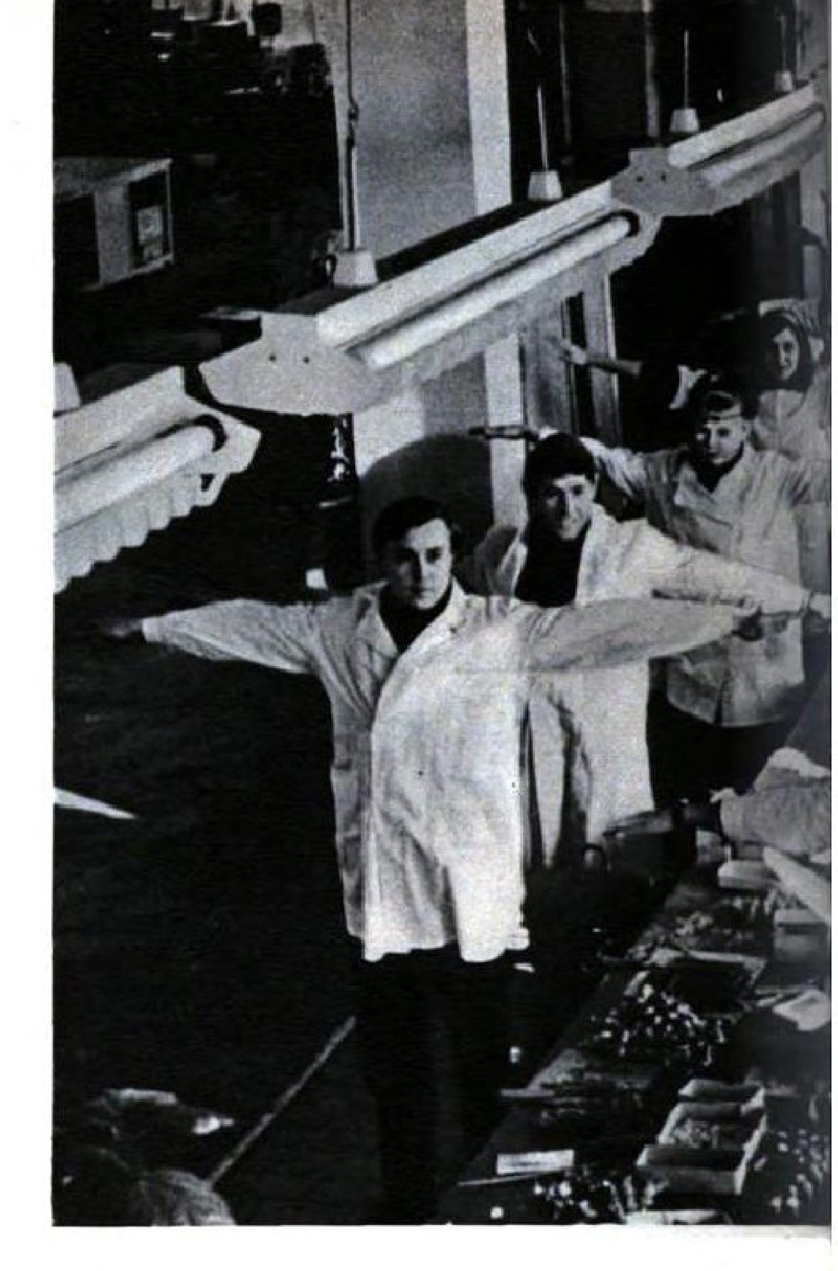
6

На площадке хоккеисты «Автоматики» и Смоленского института физкультуры. Решалось, кому быть чемпионом города. Нападающие стреляли из любых положений, защитники ложились под броски, вратари вытаскивали мертвые шайбы... Как это часто бывает, жесткая борьба заканчивалась нарушением правил. Свисток — и на скамью штрафников отправляется капитан «Автоматики» слесарь Николай Шелепов.

— Все, теперь не отыграться. Третий год не можем взять реванш! — с досадой сказал он.— Ну, что такое одна шайба?! А отквитать не можем. Ничего, выстрел, как говорится, за нами. Посмотрим, что покажет следующий сезон...

* * *

Мы рассказали о спортсменах, стоящих в первой шеренге одного завода. Но ведь таких ребят великое множество на всех фабриках и заводах, в школах и институтах. Это они выходят в первую шеренгу лучших спортсменов страны, они основа основ советского спорта.

1

4

2

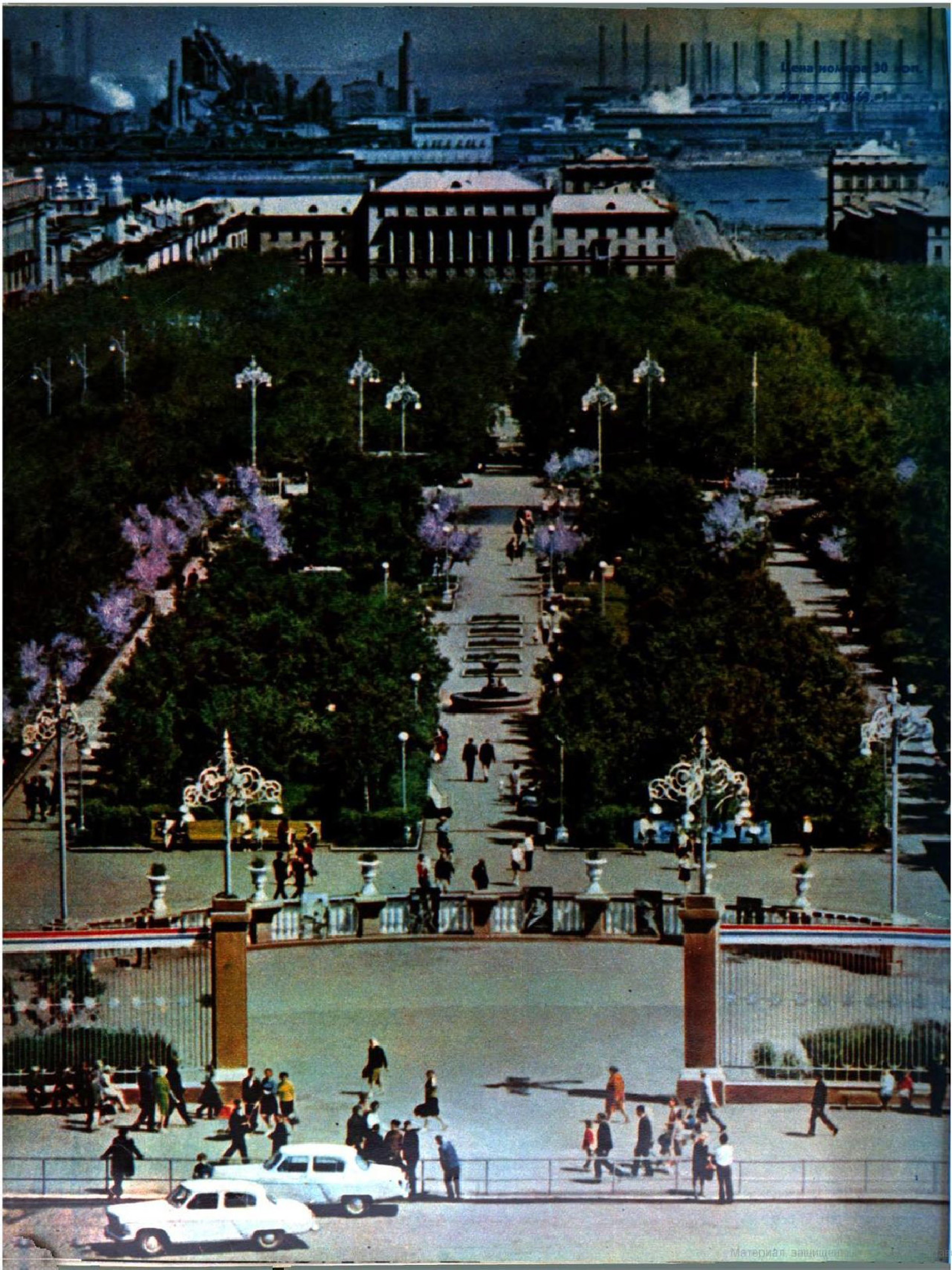
3

5

6

Цена номера 30 коп.